

Книги А. В. МИРТОВА:

- 1) Литературное утро въ школѣ. 50 коп.
Допущ. Уч. Ком. М. Нар. Пр. и Уч. Кох. Вѣд. Имн. Марш.
рекомендовано для библиотекъ всѣхъ нижнихъ и среднихъ учеб-
ныхъ заведеній.
- 2) Русско-нѣмецкое правописаніе академіка Я. К. Грота. 30 коп.
- 3) Какъ научить и научиться грамотно писать. 30 коп. Изд. 3-е, дополненное
и переработанное.
Допущ. и рекоменд. Учебн. Комит. всѣхъ вѣдомствъ.
- 4) Какъ научить и научиться писать сочиненія? 75 коп. Изд. 2-ое.
- 5) Какъ не путать ѣ и е. Обзоръ всѣхъ способовъ изученія ѣ. 25 к.
- 6) Систематическій курсъ правописанія. 35 к.
- 7) Предупредительные диктанты. 50 коп.
- 8) Стѣнные цвѣтныя таблицы для скорого и нагляднаго изученія латинскихъ
спряженій.
Въ 4 краски. Большой форм. для стѣны—до 26×18 верш. На
четырёхъ листахъ съ прилож. книжки объяснительнаго
текста.
Полный комплектъ—2 руб. (отъ автора—2 руб. съ пересылкой).
Допущ. Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ класснаго пособия для
мужскихъ гимназій.
Одобрено Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ.
- 9) Стѣнная цвѣтная таблица (большого формата) латинскихъ склоненій. 75 к.
- 10) Цвѣтныя таблицы для скорого и нагляднаго изученія латинскихъ скло-
неній и спряженій. Малаго формата. Полный комплектъ—40 к. (съ
пересылкой отъ автора—50 к.).
Изд. 2-е. Допущ. Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго по-
собія въ мужск. гимназіяхъ.
Одобрены Уч. Ком. при Св. Синодѣ.

Изданія А. В. Миртова продаются въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва М. О. Вольфъ

А. В. МИРТОВЪ

Преподаватель 1 Петроградской гимназии и Смольного Института

УЧЕБНИКЪ

ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ

Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ПЕТРОГРАДЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | МОСКВА
Кузн. М., 12 и Тверская, 22

1916

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФИИ
Гос. Тип. Училища
Петроградъ-Бас. Фаб. Тип. Училища
1916

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вслѣдъ за введеніемъ въ число учебныхъ предметовъ средней школы Исторіи русскаго языка появились и соответствующіе учебники.

Однако, всѣ вышедшіе до сихъ поръ учебники слишкомъ односторонне поняли свою задачу: вмѣсто исторіи русскаго языка они даютъ болѣе или менѣе подробный теоретическій курсъ грамматики древне-церковно-славянскаго языка, добавляя нѣкоторые свѣдѣнія изъ діалектологіи.

Грамматическія формы излагаются почти безъ всякой связи съ нашимъ литературнымъ языкомъ, а между тѣмъ древне-церковно-славянскій языкъ и интересенъ намъ именно постольку, поскольку онъ объясняетъ тѣ или другія явленія особенностей живого русскаго языка.

Слѣдуя подчеркнутому принципу, составитель данного учебника всюду имѣетъ въ виду прежде всего современный языкъ: языкъ нашихъ поэтовъ и писателей, а также и живой языкъ народныхъ массъ.

Въ связи съ живымъ литературнымъ языкомъ должно изучать всѣ отдѣлы исторіи русскаго языка, въ томъ числѣ и особенности народныхъ діалектовъ.

Многочисленные литературные примѣры къ изученію

исторіи языка найдутся не только у каждаго писателя, но и почти въ каждомъ, самомъ незначительномъ по размѣрамъ, произведеніи.

Желательно, чтобы каждый ученикъ имѣлъ особую тетрадь для выписыванія изъ читаемыхъ произведеній различныхъ особенностей и уклоненій языка.

Отдѣльныя странички тетради должно размѣтить соответственно отдѣламъ проходимаго курса, записи же безъ всякой системы и затруднительны для пользованія и вредны съ обще-воспитательной точки зрѣнія: приучаютъ къ работѣ кое-какъ.

Литературный матеріалъ въ тетрадяхъ лучше всего располагать съ двойными полями. Возьмемъ страницу:

Южно-великорусскія особенности.

Тургеневъ. «Бригадиръ», X.	«Бѣдили охотнички до сутанъ, Разбирали зайчій па-сту-панъ».	а-каніе.
Чирикъ. «Изгнапіе».	«А къ нимъ сродственница пріѣхамши».	-миш.
Тург. «Дымъ».	Викторинька, Клеопатринька...	-инька вмѣсто-енька.

Разумѣется, литературные примѣры будутъ различны, въ зависимости отъ читаемаго матеріала. Много ихъ и въ литературѣ доступной и дѣтскому и юношескому возрасту. Возьмите тѣ же басни Крылова, повѣсти Пушкина, „Записки Охотника“ Тургенева, повѣсти Гоголя и проч.

Проходя нѣкоторые отдѣлы (напр., полногласіе, смягченіе д и т, глухіе гласные и т. д.), преподаватель долженъ давать ученикамъ задачу найти свои литературные примѣры.

Только практическимъ путемъ ученикъ приобретаетъ ясныя, прочныя и полезныя свѣдѣнія. Изученіе же отвлеченныхъ теоретическихъ правилъ и грамматическихъ формъ

(особенно мертвого др.-церк.-слав. языка) требуетъ огромнаго умственнаго напряженія и въ результатѣ даетъ непрочныя и малонужныя знанія.

Насколько литературныя произведенія обильны примѣрами для изучаемаго курса исторіи русскаго языка, можно судить хотя бы по любому разсказу изъ „Записокъ Охотника“. Возьмите маленькій высокохудожественный разсказъ „Льговъ“ и вы найдете здѣсь до 60 словъ и выражений интересныхъ съ точки зрѣнія исторіи языка. Передъ вами какъ бы конспектъ всей длинной исторіи нашего языка отъ звукоподражательныхъ („тростникъ шупкалъ“) и обще-арійскихъ словъ („волна“ въ смыслѣ „переть“) до ново-русскихъ и специально тургеневскихъ выраженій („особенно-пѣвнательный“).

Съ первыхъ же строкъ вы встрѣтите здѣсь цѣлый рядъ славянизмовъ: переть, Судія, житіе, избяну, попанну, „подъ симъ“, обрѣлъ, Владиміръ, одноглавый, превращается (§§ 31 и 33); славянской род. падежъ ж. рода: Россійскія страны, слѣды древняго вин. пад.: „въ рыболовы“ (§ 52), славянской аористъ: „умре 1799 года“, слѣды древняго давнопрошедшаго времени: „пошли было“ (§ 82), слѣды переходящаго времени: „то бишь подъ Карачевымъ“ (§ 79), сокращ. формы личныхъ мѣстоименій: „Вотъ те и напомнилъ“, слѣды древняго родового члена: племяннику-то...

На ряду съ славянизмами встрѣтите здѣсь и чисто русскія особенности: въ серединѣ, поѣдемте-ка, болотный, болотистый и проч.

Найдутся здѣсь и нѣкоторые особенности простонародной рѣчи: Алена, по наслѣдствію, дырьевъ (§ 50), Неоудычъ (§ 118), „На ты держи“, нѣту, Кузьма, ахтеръ, кятръ, частица „съ“; вотъ-съ... „Майеръ“ и „колдобина“ могутъ служить образцами провинціализмовъ. Есть въ данномъ разсказѣ и длинный рядъ иностранныхъ словъ отъ латинскихъ (рекомендовать) до фран-

пузскихъ включительно: сюртукъ, жилетъ, панталоны цѣфта гри-де-ленъ или бле-д-амуръ, преферансъ и проч.

Цѣлый рядъ особенностей есть и въ построении предложений: „Льговъ—большое степенное село“ (пропускъ „есть“), „ихъ породѣ свойственный“, „гроша наличнаго“, „ржавичны болотной“, „словно спать располагался“ (§108).

Начинающему преподавателю Истории русскаго языка могутъ быть полезны слѣдующія изданія, которыми въ числѣ другихъ пользуется и составитель данного учебника:

- 1) * А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 4-ое.
- 2) Е. Ө. Будде. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2-ое. 1914 г. Казань.
- 3) А. Л. Погодинъ. Языкъ, какъ творчество. «Вопросы теоріи и логики творчества», т. IV. Харьковъ 1913 г.
- 4) В. А. Богородицкій. Общій курсъ русской грамматики. Изд. 4-е. Казань, 1913 г.
- 5) * В. А. Богородицкій. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Изд. 3-е. Казань, 1910 г.
- 6) * Ө. Буслаевъ. Учебникъ русской грамматики.
- 7) Ө. Буслаевъ. Историческая грамматика русск. языка, ч. I—этимология; ч. II—синтаксисъ.
- 8) В. Чернышевъ. Правильность и чистота русской рѣчи. Два выпуска. Изд. 1915 г. (3-ій—синтаксисъ печатается).
- 9) И. И. Огіенко. Иноземные элементы въ русскомъ языкѣ. Кіевъ. 1915 г.
- 10) Н. Каринскій. Хрестоматія по др.-ц.-славянскому и русскому языкамъ.
- 11) * Н. Каринскій. Историческая хрестоматія по др.-ц.-славянскому и русскому языкамъ. 1914 г.

Въздѣлочкой отмѣчены наиболѣе важныя пособія.

ВВЕДЕНИЕ *)

1. **Языкъ.** Совокупность всѣхъ словъ и оборотовъ, при помощи которыхъ тотъ или другой народъ выражаетъ свои мысли, называется языкомъ.

Почти у каждаго народа есть свой языкъ, отсюда говорятъ—русскій языкъ, французскій, англійскій и проч.

2. **Значеніе языка.** Даръ рѣчи (языкъ) нуженъ человеку,

во 1-хъ, для того, чтобы мыслить. Безъ словъ нѣтъ мысли. Наши думы и соображенія, хотя бы мы ихъ и не высказывали другимъ, все же не могутъ обойтись безъ внутренней рѣчи.

Во 2-хъ, языкъ человеку нуженъ и для обмѣна своими мыслями и соображеніями съ другими людьми.

Люди, не умѣющие говорить, напр., глухонѣмые, стоятъ на крайне низкомъ уровнѣ умственного развитія. Однако, даже и у глухонѣмыхъ, какъ научно доказано, всегда есть свой языкъ, выдуманный ими, хотя бы языкъ жестовъ.

Этимъ подтверждается общее научное положеніе, что нѣтъ мысли безъ языка.

3. **Языкъ животныхъ.** Животныя также обладаютъ способностью издавать различныя звуки, особенно подъ влияніемъ сильнаго чувства: страха, радости, голода.

*) Вводная часть нашего учебника не является обязательной по прог. Мин. Нар. Просв., утвержденной 21 апр. 1912 г.

«Учебникъ по исторіи русскаго языка».

Нѣкоторыя породы животныхъ и особенно птицъ могутъ заучить нѣсколько человѣческихъ членораздѣльных словъ. Можно обучить говорить попугая, собаку, скворца. Однако между этой рѣчью и языкомъ человѣка огромная, непроходимая пропасть. Животныя повторяютъ наши слова автоматически. Не обладая разумомъ, они не могутъ сами изъ заученныхъ словъ образовывать фразу или составить новое слово по образцу выученныхъ. А пока этого нѣтъ, въ сущности нельзя и говорить о говорящихъ попугаяхъ и собакахъ.

4. Происхожденіе языка. Библейское сказаніе. По свидѣтельству Св. Писанія даръ рѣчи данъ человѣку Высочайшимъ Творцомъ. „Господь Богъ, говорится въ книгѣ Бытія,—образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ, и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привелъ ихъ къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ, и чтобы, какъ наречетъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей.

И нарекъ человѣкъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ“ (2 гл. 19—20).

Изъ приведенныхъ словъ видно, что Богъ сообщилъ человѣку не самый языкъ, не совокупность словъ и названій, а только способность рѣчи. Слова же и названія вещей изобрѣлъ уже самъ человѣкъ („нарекъ человѣкъ“). *)

Въ полномъ согласіи съ этимъ свидѣтельствомъ Св. Писанія находится и современная наука.

5. Научныя предположенія о происхожденіи языка.

Съ глубокой древности ученые начали задумываться надъ вопросомъ, какъ возникъ у человѣка языкъ. Одни думали, что даръ слова преподанъ человѣку Высочайшимъ Божествомъ уже въ готовой формѣ, со всѣмъ разнообразіемъ словъ и оборотовъ. Другіе, напротивъ того, выска-

*) О томъ, что человѣкъ самъ изобрѣлъ языкъ, учили и многіе отцы и учителя церкви. Среди нихъ—св. Григорій Нисскій, ученикъ Василия Великаго.

зывали предположеніе, что человѣкъ самъ изобрѣлъ языкъ и постепенно совершенствовалъ его. Это, какъ мы видѣли, не противорѣчитъ и Библии, гдѣ нѣтъ указаній на то, какъ человѣкъ изобрѣталъ слова, сколько ихъ было первоначально и каковы они были. Въ Библии не указывается и того, былъ ли первый языкъ человѣка еврейскимъ языкомъ, хотя бы въ зачаточной формѣ, или какимъ-нибудь другимъ.

Поэтому между современными научными предположеніями о возникновеніи и развитіи языка и ученіемъ Св. Писанія противорѣчій нѣтъ и не можетъ быть.

Наука настоящаго времени предполагаетъ постепенное возникновеніе и развитіе языка.

Изъ того, что языкъ былъ данъ первому человѣку, еще не слѣдуетъ, что даромъ рѣчи владѣли и всѣ послѣдующіе племена и народы. Мы знаемъ изъ исторіи Ветхаго Завета, что часто не только отдѣльные люди, но цѣлыя племена уклонялись отъ почитанія истиннаго Бога. Забывъ Всевышняго и отдавшись грубому язычеству, люди постепенно опускались и дичали нравственно и умственно. Съ умственнымъ одичаніемъ начинался упадокъ и языка. Народы съ языкомъ, обнаруживающимъ упадокъ и одичаніе, существуютъ и въ наше время (напр., полинезійскіе языки въ Африкѣ).

Можно предположить, что отдѣльные люди и племена въ своемъ одичаніи доходили до полной утраты рѣчи. Со временемъ же, подъ влияніемъ какихъ-либо благоприятныхъ причинъ, въ данныхъ племенахъ могло начаться умственное возрожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возникновеніе и развитіе языка.

Еще въ половинѣ 18-го вѣка ученымъ Кондильякомъ была высказана слѣдующая правдоподобная догадка, не противорѣчающая ни Библии ни наукѣ. „Адамъ и Ева, едва вышли изъ рукъ Бога, какъ были уже въ состояніи, благодаря помощи свине, размышлять и сообщать другъ другу свои мысли (т.-е. умѣли разговаривать). Но я предполагаю, что нѣкоторое время спустя послѣ потопа двое дѣтей заблудились въ пустыни, раньше, чѣмъ научились употребленію какого-нибудь языка. Кто

знаетъ, не обязанъ ли такому случаю какой-либо народъ и самъ своимъ происхожденіемъ. Вопросъ, значитъ, заключается въ томъ, какъ этотъ возникающій народъ образовалъ свой языкъ».

6. Языкъ первобытнаго человѣка. О возникновеніи рѣчи и о первобытномъ языкѣ наука ничего не можетъ сказать вполне опредѣленнаго. Существуютъ только различные предположенія. Большинство ученыхъ сходится на томъ, что языкъ возникъ на почвѣ объединенія людей для совместной работы.

Плохо защищенный отъ природы, не имѣя ни острыхъ когтей, ни сильныхъ роговъ и крѣпкихъ когтей, человѣкъ уже на зарѣ своего существованія долженъ былъ для своей безопасности соединяться въ болѣе или менѣе значительныя группы. Объединяла человѣка не только борьба съ хищниками, но и борьба съ стихійными явленіями окружающей природы. То нужно задержать сооруженіемъ насыпей и плотинъ рѣку отъ бурнаго разлива, то нужно рыть каналы, чтобы отвести въ сторону воду той же рѣки, то выкорчевать лѣсъ, то поставить безопасныя жилища на сваяхъ на срединѣ озера и т. д., и т. д.

Успѣхъ общей работы могъ получиться только при условіи, что люди понимали другъ друга, сообщали другъ другу свои мысли, дѣлали указанія.

Самая работа, кромѣ того, сопровождалась ритмическими восклицаніями (пѣсней), какъ это наблюдается теперь хотя бы у нашихъ кочевниковъ на Волгѣ: „Эй, ухнемъ! ой, ухнемъ! да ухнемъ!“ Ритмическимъ призывомъ сопровождаютъ свою работу и различные племена дикарей и понынѣ. Индѣйцы Сѣверной Америки, гребя веслами, поютъ въ тактъ: „ахъ-яхъ, ахъ-яхъ ахъ-я, я, я!“ Китайцы замѣняютъ эти восклицанія слѣдующими: „хей-хо, хей-хо, хей-хо“ и т. д. до бесконечности. Крайне несложны и однообразны трудовыя пѣсни и др. народовъ.

Однако языкъ первобытнаго человѣка не ограничивался только криками, звуками и напѣвами во время об-

щей работы. У человѣка есть потребность, и помимо необходимой работы, упражнять всякіе свои органы, а стало быть и органъ рѣчи. *) Замѣчено, что многіе дикари крайне болтливы наединѣ сами съ собой. Такія естественныя упражненія органа рѣчи содѣйствовали не только развитію этого органа, но и выработкѣ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаній, т.-е. словъ.

Къ языку первобытнаго человѣка нужно отнести и тѣ инстинктивные крики, которые вырывались изъ его груди подъ вліяніемъ сильнаго чувства, особенно страха, злобы, голода. Были, разумѣется, и крики призывные и крики отвѣта (наше ауканье въ лѣсу).

Въ рѣзкихъ и сильныхъ звукахъ могли обнаружиться угрозы и отпугиваніе враговъ.

Значительную роль въ образованіи языка играли и звукоподражанія. Животныя, многія явленія природы (рѣка, дождь, гроза), различные предметы (пила, заступъ, молотъ) издаютъ свои, характерные для нихъ, звуки и шумы. Человѣкъ, прислушиваясь къ нимъ, иногда подражалъ имъ невольно, иногда же сознательно (особенно на охотѣ), дабы подражательнымъ звукомъ или сдѣлать указанія товарищу или обмануть и приманить дичь.

Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ путемъ бесконечно медленныхъ измѣненій и совершенствованій возникли сначала отдѣльныя слова, **) а затѣмъ и цѣлыя языки.

Звуки, отбивающіе ритмъ при работѣ, постепенно обратились въ названія самой работы, работающихъ, а то и обрабатываемыхъ матеріаловъ; звукоподражанія стали названіями предметовъ, вызывающихъ соответствующіе звуки (кукушка; коко—названіе курицы у индѣйцевъ) или

*) Органъ рѣчи состоитъ изъ гортани, неба, нижней челюсти, губъ и языка. Сюда же относится и дыхательный аппаратъ, т.-е. легкія и дыхательное горло.

**) Словомъ называется сочетаніе звуковъ, имѣющее какое-либо опредѣленное значеніе.

же названиями действий и явлений природы (громъ, молчаніе, бленіе, свистѣть, шумѣть, жужжать и т. д.). *)

7. Языкъ жестовъ. Мысль человѣческая и особенно чувства могутъ быть до нѣкоторой степени выражены и переданы другому посредствомъ мимики (движеній лица) и жестовъ. Возможно, что первобытный человѣкъ, какъ и многие дикари теперь, дополнял свой скудный словесный языкъ многочисленными и разнообразными жестами. У многихъ племенъ, особенно у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, словесный языкъ настолько бѣденъ, что безъ жестовъ становится непонятнымъ и для нихъ самихъ. Съ наступленіемъ темноты такіа племена лишены возможности бесѣдовать даже въ тѣсномъ семейномъ кругу и вынуждены сидѣть молча.

У языка жестовъ есть и нѣкоторые преимущества: указанія рукой и движенія головы понятны каждому, что важно при постоянныхъ встрѣчахъ съ представителями другихъ племенъ. Языкъ жестовъ очень удобенъ и тамъ, гдѣ нельзя нарушать тишины, напр., на охотѣ.

Все же должно замѣтить, что по мѣрѣ развитія и роста звукового языка, языкъ жестовъ постепенно отходитъ на задній планъ и почти совсѣмъ исчезаетъ въ цивилизованномъ обществѣ. **)

8. Зависимость языка отъ степени культурности народа. Въ языкѣ обнаруживается человѣскій разумъ. А такъ какъ люди стоятъ далеко не на одинаковой высотѣ умственного развитія, то понятно, что и языки не всѣ одинаковы. Есть племена дикарей, не умѣющихъ считать дальше трехъ; четыре, пять, шесть и всѣ остальные

*) Подводя итогъ сказанному, напомнимъ, что главными элементами языка первобытнаго человѣка были: 1) ритмическіе трудовые напѣвы, 2) инстинктивные крики, 3) звуки при естественномъ упражненіи органа рѣчи, 4) призывно-отвѣтные крики, 5) крики угрозы, 6) звуко-подражанія. Но все это еще не слова, а только зародыши словъ.

**) У насъ уже считается неприличнымъ показывать на что-либо указательнымъ пальцемъ, хотя это наиболее естественный и понятный жестъ. Самое названіе указательнаго пальца свидѣтельствуетъ, что наши предки не избѣгали даннаго жеста.

числа они просто называютъ „много“. Ученые путешественники встрѣчали племена, въ языкѣ которыхъ едва можно насчитать два-три десятка словъ.

Не одинаковъ языкъ и у культурныхъ народовъ, не одинаковъ онъ даже у различныхъ слоевъ общества одного и того же народа. Если англійскій рабочий (наиболѣе просвѣщенный изъ рабочихъ міра) въ обыденномъ языкѣ располагаетъ всего 300—400 словъ, то образованный англичанинъ, читая своего писателя Шекспира, долженъ уже знать до 15.000 различныхъ словъ!

За общее правило можно принять: чѣмъ въ культурнѣе человѣкъ или народъ, тѣмъ богаче и совершеннѣе его языкъ.

Отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что, если первобытный человѣкъ стоялъ на низкомъ уровнѣ культурнаго развитія, то и языкъ его естественно былъ крайне бѣденъ.

9. „Исторія языка.“ Люди уже въ древности замѣтили, что языкъ не остается однимъ и тѣмъ же, а постепенно измѣняется.

Мы говоримъ уже нѣсколько иначе, чѣмъ говорили наши предки. Часть словъ мы или забыли вовсе или замѣнили новыми словами (вмѣсто вѣтрила *) говорятъ паруса, вмѣсто орать—пахать); появились у насъ и совсѣмъ новыя слова (летчикъ, аэропланъ и т. д.).

Многіе звуки и слова мы произносимъ иначе, чѣмъ произносили въ старину. Наши предки говорили **Кыевъ**, **гыбнути**, а мы говоримъ **Кіевъ**, **гибнуть** и т. д.

Въ виду того, что языкъ постоянно измѣняется, говорятъ объ исторіи языка, или о жизни языка. Отъ живыхъ надо отличать мертвые языки. Это языки вымершихъ уже народовъ (напр., древнихъ грековъ, римлянъ, египтянъ и т. д.). Такие языки, разумѣется, дальнѣйшему развитію не подлежатъ.

Существуетъ цѣлая наука, изучающая измѣненія языка. Наука эта носитъ названіе „исторія языка“.

*) «Хоть недалеко и блещать
Вѣтрила бѣдныхъ челноковъ». Лрм. «Отр».

Установить, как говорили в старое время, можно по старинным книгам и рукописям, или, как выражаются ученые, по памятникам древней письменности. Большую помощь исследователю изменений языка оказывают и сравнительное изучение живых говоров. Найди, напр., сходство в нескольких говорах, ученые делают вывод, что все эти говоры образовались из одного первоначального языка, в котором были те или другие особенности.

„История языка“ имеет большое значение. Мало того, что нам только интересно знать, как говорили наши предки, история языка помогает нам изучить и вообще историю того или другого народа. *) Так, напр., тщательное изучение истории русского языка дает достоверную картину расселения и передвижения русских племен в те глубокие, доисторические времена, от которых не сохранилось письменных свидетельств.

На основании изучения истории языка ученые восстановили приблизительно картину жизни наших предков (ариев-европейцев) за несколько тысячелетий до Р. Хр. Арие-европейцы жили в умеренном поясе, так как в их язык были береза и волк. В населенной ими области были леса, о чем свидетельствуют названия меда и «дешей пчелы». Из домашних животных они знали корову, овцу, козу и собаку. У них уже были чины стада и пастухи. Они умели обрабатывать шерсть овец, коровы же использовались для передвижения тяжестей. Они обрабатывали зерновой хлеб, главным же образом ячмень и пшеницу. Они умели молотить, для чего у них были жернова, иногда же муку добывали толчением зерен пестом в ступе. Можно перечислить следующие известные им орудия, оружия и предметы домашнего обихода: ярмо (хомут), повозка, ось, колесо, лодка, весло, нож, стрела, тетива. Жили они в домах с дверями, косяками и крышами. Деятельность их была обширна: они пахали, пасли стада, работали топором, шили, плели, вязали.

Очевидно это был оседлый народ, живший значительными семьями, группами, о чем свидетельствуют известные им названия не только для понятий: отец, мать, сын, дед, брат, сестра, но и целый ряд названий более отдаленных родственников: свекор, сноха и т. д. У них уже зарождался город, т.-е. поселки часто имели некоторые укрепления на случай борьбы с неприятелем.

*) Проф. Шахматов: «Задача истории языка — дать на основании данных языка картину исторического развития народа».

10. Библейское сказание о раздѣленіи языковъ. Язык у людей не одинъ. Существуют языки русскій, англійскій, французскій, греческій, китайскій, индійскій и т. д.

Откуда же такое разнообразіе языковъ?—Всегда ли было такъ или было время, когда все люди понимали друг друга?—

Въ книгѣ Бытія, послѣ разсказа о горделивомъ сооруженіи башни въ Вавилонѣ, повѣствуется о раздѣленіи языковъ. „На всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе... И сказали люди: построимъ себѣ городъ и башню, высящую до небесъ; и сдѣлаемъ себѣ имя, прежде нежели разсѣемся по лицу всея земли. И сошелъ Господь посмотрѣть горъ и башню, которые строили сыны человѣческіе. И сказалъ Господь: вотъ одинъ народъ и одинъ у всехъ языкъ, и вотъ, что начали они дѣлать, и не останутъ они отъ того, что задумали дѣлать. Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ такъ, чтобы одинъ не понималъ рѣчи другого. И разсѣялъ ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ и башню“ (Быт. П, 4—9).

Изъ этого свидетельства Св. Писанія мы видимъ, что современные языки возникли отъ нѣсколькихъ первоначально данных (при смѣшеніи), совершенно непохожихъ одинъ на другой, языковъ.

Въ полномъ согласіи съ этимъ церковнымъ ученіемъ находятся и выводы современной науки,—что существующіе въ настоящее время многочисленные, столь разнообразныя языки возникли изъ нѣсколькихъ первоначальныхъ языковъ, совершенно непохожихъ одинъ на другой.

Правда, нѣкоторые ученые утверждали, что сначала былъ всего одинъ языкъ, а затѣмъ, онъ подъ вліяніемъ расселенія людей и нѣкоторыхъ другихъ естественныхъ причинъ постепенно распался на нѣсколько самостоятельныхъ языковъ. Однако тщательное изученіе различныхъ

языковъ побудило ученыхъ оставить эту мысль. Дѣйстви-тельно, если сравнить языки европейцевъ съ языками хотя бы австралійскихъ дикарей, или сѣверо-американскихъ индѣйцевъ или негровъ—банту, то между всѣми этими языками оказывается настолько огромная разница по составу и словообразованію, что придется признать, что современные языки не могли произойти отъ одного языка.

11. Три группы языковъ. Всѣ существующіе нынѣ языки можно раздѣлить на три группы. Различіе между ними не только въ словахъ (напр., русск. рука, фр. main, англ. hand, лат. manus, греч. cheir, тур. el), но и въ образованіи словъ и предложений.

I. Группа первая: языки флексивные. Къ этой группѣ относятся языки европейцевъ, а въ томъ числѣ и русский языкъ.

Флексивными они называются потому, что имѣютъ измѣняемыя окончанія (флексіи) въ склоненіяхъ и спряженіяхъ словъ, напр., столы, столовъ, столу, столами... пишу, пишешь, пишутъ и т. д. *)

Флексивные языки богаты и представками (придѣлатъ, отдѣлатъ, сдѣлатъ, выдѣлатъ, поддѣлатъ, додѣлатъ и предлогами (въ окнѣ, на окнѣ, у окна, подъ окномъ, за окномъ, безъ окна и т. д.).

Измѣняемыя окончанія, также предлоги и представки дѣлаютъ языкъ особенно гибкимъ и яснымъ, способнымъ выразить мельчайшіе оттѣнки мысли.

Флексивные языки можно раздѣлить на двѣ группы: 1) съ флексіями на концѣ слова, какъ видѣли въ только-что разсмотрѣнномъ русскомъ языкѣ и 2) съ флексіей въ серединѣ слова. Къ этой группѣ относятся языки семитическіе (др. еврейскій, финикійскій, арабскій и нѣк. др.). Въ арабскихъ глаголахъ, напр., при спряженіи измѣняется не окончаніе, какъ у насъ, а гласные звуки въ серединѣ слова: *gatala*—онъ убилъ, *gatila*—онъ былъ убитъ; *kataba*—онъ писалъ; *katiba*—онъ записалъ; *dabata*—онъ сказалъ; *dabiga*—онъ назвалъ и т. д.

*) Кроме флексій, данные языки имѣютъ и суффиксы (измѣняемая часть окончаній), напр., богатства, богатству и т. д. Корень *boiat*, суффиксъ—ств, флексія—а, у...

II. Группа вторая: языки корневые. Корневые языки въ противоположность къ флексивнымъ не имѣютъ ни измѣняющихся окончаній, ни представокъ, ни предлоговъ, а состоятъ изъ короткихъ (односложныхъ) словъ, которые остаются безъ измѣненій, подобно корнямъ нашихъ словъ.

Если китаецъ *) долженъ сказать въ домѣ, то онъ, не имѣя предлога, соотвѣтствующаго „въ“, скажетъ: домъ-нутро (у—ли), т. е. употребить два самостоятельныхъ корня (у=домъ, ли=нутро); творит. падежъ палкою китаецъ передастъ опять двумя словами: употреблять—палка (и—чужане).

Каждое слово въ такихъ языкахъ, являясь неизмѣняемымъ корнемъ, одновременно можетъ обозначать и существительное, и глаголъ, и прилагательное. Китайское слово *ма* значитъ: величина, великій, увеличивать, много и т. д. въ зависимости отъ того, гдѣ оно стоитъ въ предложеніи. Слово, поставленное въ началѣ предложенія, является подлежащимъ, послѣ глагола то же слово уже будетъ дополненіемъ. Во—да—пи=я бью тебя (=я—бить—ты), а та же фраза въ обратномъ порядкѣ ни—да—во уже означаетъ: ты бьешь меня (ты—бить—я).

Нѣкоторые слѣды кореневого состоянія есть и въ русскомъ, особенно народномъ языкѣ. Такихъ слова, какъ баяцъ, брякъ, бухъ, толкъ, хватъ, хлопъ, цапъ, могутъ быть и существительными и различными формами глагола.

Сущ.: Лай, хохотъ, нынѣ, свистъ и хлопъ.

Людская мольбъ и конскій топъ. Пшк. «Ев. Он»...

Глат. прош. вр. «Тихохонько медвѣдя толкъ ногой...» Крл.

«Мы... съ береговъ высокихъ бухъ!—попылы!» Пшк.

«Нашъ котъ изъ норки шастъ, и прямо брякъ подъ сѣтъ». Жук. «Котъ и мышъ».

*) Кроме китайскаго, къ корневымъ языкамъ относится ближайшіе его географическіе сосѣди: языки сямскій, тибетскій и нѣк. другіе.

Повел. накл. «А ты ему брякъ въ ноги, куманекъ!»

Будущ. вр. «Ю рву-ль примчѣся, разомъ скокъ.»

III. Группа третья: языки приставочные. *) Сюда относятся языки турецкій, татарскій, финскій, монгольскій, венгерскій и ивк. др.

Склоненія, спряженія и цѣлыя сочетанія словъ выражаются въ данныхъ языкахъ путемъ приставокъ, присоединяемыхъ къ концу слова. Приставки эти, взятыя отдѣльно, не имѣютъ опредѣленнаго значенія.

Oda по турецки значитъ комната, а oda-da—въ комнатахъ; oda-lar—комнаты, а oda-lar-da въ комнатахъ. El—рука, el-im—моя рука, el-im-de—въ моей рукѣ, el-im-de-ki—находящійся въ моей рукѣ, el-im-de-ki-n—находящагося въ моей рукѣ (Р. п.).

Въ европейскихъ языкахъ есть слѣды перехода самостоятельныхъ корней въ окончанія, похожія на эти приставочныя частнцы. Смысль ихъ также затемненъ. Французы, напр., могутъ сказать, что молотъ падаетъ *lourdement* (тяжело). Однако слово *lourdement* первоначально могло означать только «съ тяжелымъ духомъ», какъ слова *bonnement*, *fortement* значатъ «съ добрымъ намѣреніемъ» (духомъ), «съ твердымъ духомъ». Видѣ, данныя слова не что иное, какъ слияніе латинскаго *mente* (духомъ, намѣреніемъ) съ др. словами.

12. Дробленіе языка и возникновеніе новыхъ языковъ. Первоначально не было такого множества различныхъ языковъ, какое видимъ въ настоящее время. Многие изъ существующихъ языковъ возникли сравнительно недавно (напр., французскій яз.), да и всѣ, вообще, языки и въ наше время переживаютъ, быть можетъ, и очень медленные, но все же постоянныя измѣненія.

Какъ же происходитъ образованіе новыхъ языковъ и нарѣчій изъ одного праязыка? **)

*) Языки данной группы носятъ еще названіе склеивающихъ, или агглютинирующихъ (лат. *glutinum*—клей).

**) Тотъ языкъ, изъ котораго образовались новые языки и нарѣчія, носитъ названіе праязыка (Сравни: *предѣль*). Отсюда выраженіе: славянскій праязыкъ, т.-е. языкъ, отъ котораго произошли теперешніе славянскіе языки: русскій, сербскій, чешскій, польскій и др.

Главная причина дробленія языка—это дробленіе племени и уходъ части населенія на новое жительство. Нѣтъ сомнѣнія, что на языкъ имѣютъ вліяніе и новыя географическія условія. Даже у одного народа и то всегда есть значительная разница въ произношеніи горныхъ и равнинныхъ обитателей, сѣверныхъ и южныхъ.

Новыя поселенія влекутъ за собой встрѣчи съ новыми племенами.

Въ результатѣ происходитъ заимствованіе новыхъ словъ (часто въ искаженномъ видѣ) и даже самой манеры говорить. Напр., русскіе въ Чукотскомъ краѣ переняли у туземцевъ, такъ называемое, сладкоязычіе, т.-е. произношеніе *р* и *л*, какъ *й*: *гойова* (голова), *дйова* (дрова) и т. д. *)

Особенно рѣзко видоизмѣняется языкъ, если происходитъ смѣшеніе различныхъ національностей. Французскій языкъ, напр., возникъ изъ слиянія галльскаго племени съ латинскимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что народъ, занявъ новое мѣсто и получивъ цѣлый рядъ новыхъ словъ, въ то же время забываетъ часть прежнихъ, не соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ жизни.

Одинъ и тотъ же предметъ въ праязыкѣ могъ носить нѣсколько названій. Напр., въ санскритскомъ языкѣ **) есть 11 различныхъ именъ для свѣта, 15 для облака, 20 для мѣсяца, 26 для змѣи, 33 для убійцы, 35 для огня.

*) Всѣ вообще измѣненія въ словахъ дѣлятся: 1) на внѣшнія (измѣненія звуковъ слова: вмѣсто *рука*—*йука*) и 2) внутреннія измѣненія.

Къ послѣднимъ относятся тѣ случаи, когда мѣняется смыслъ слова. Напр., когда то подъ словомъ «стрѣлять» разумѣли только метать стрѣлы, теперь же это слово измѣнилось со стороны содержанія на столько, что стрѣлять можно и изъ ружья и изъ пулемета и изъ пушки.

**) Санскритскій языкъ очень близокъ къ праязыку индо-европ. языковъ.

Свойства солнца могли производить на человека самые разнообразные впечатлѣнія, и потому люди могли называть его и свѣтомъ, и тепломъ, и золотомъ, и львомъ, и волкомъ, и отцомъ жизни и свѣта, и предохранителемъ, и разрушителемъ, и мстителемъ и т. д., какъ и встрѣчается это болѣе чѣмъ въ 20-ти названіяхъ солнца въ санскритскомъ языкѣ.

Допустимъ теперь, что съ ростомъ населенія пранародъ распался на двѣ части, которыя поселились въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ: одна, скажемъ, на холодномъ сѣверѣ, другая подъ палящими лучами южнаго солнца. Новые жители сѣвера, разумеется, не будутъ больше называть солнце мстителемъ, разрушителемъ, львомъ, волкомъ, а скорѣе свѣтомъ, тепломъ и проч. именами, болѣе соответствующими новымъ условіямъ. Часть же племени, попавшая подъ всеожигающіе лучи солнца, не будетъ, конечно, называть его ни отцомъ жизни, ни золотомъ, ни предохранителемъ.

Такъ легко можетъ получиться, что одинъ и тотъ же предметъ (въ нашемъ примѣрѣ—солнце) у двухъ группъ, вышедшихъ изъ одного общаго племени, будетъ имѣть совершенно различные названія.

Новыя условія жизни, новыя явленія природы, новыя представители растительнаго и животнаго міра—все это влечетъ за собой и цѣлый рядъ новыхъ (вновь изобрѣтенныхъ, если не заимствованныхъ) словъ и названій.

Кромѣ того, у выдѣлившихся частей одного племени могутъ въ разныхъ направленіяхъ и съ различной быстротой происходить и самостоятельныя измѣненія языка *).

*) Подводя итогъ сказанному, видимъ, что существуютъ слѣд. причины дробленія языка и возникновенія новыхъ нарѣчій: разселеніе племени, новыя географическія (климатическія условія), вліяніе новыхъ сосѣдей, смѣшеніе кореннаго населенія съ пришлыми; вымирание словъ, утратившихъ смыслъ на новомъ мѣстѣ; необходимость новыхъ названій для новыхъ явленій природы и жизни. Кромѣ того, существуетъ еще рядъ причинъ, не зависящихъ отъ новыхъ условій жизни. Ихъ рассмотримъ подъ заглавіемъ: «Самостоятельныя измѣненія языка».

14. Самостоятельныя измѣненія языка. Независимо отъ вліянія новыхъ сосѣдей и новыхъ географическихъ условій, въ каждомъ языкѣ непрерывно совершается цѣлый рядъ медленныхъ самостоятельныхъ измѣненій. Такимъ путемъ языкъ постоянно совершенствуется.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ для сравненія нѣсколько отрывковъ русской рѣчи различныхъ эпохъ.

XII вѣкъ. Изъ «Поученія» Влад. Мономаха:

«Сядя на санехъ, помислихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже ми сихъ днень грѣшнаго допровади. Да дѣти моя, иль иль кто, слышавъ сю грамотицу, не посмѣйтеся, по кому же любо дѣтии моимъ, а приметь ю въ сердце свое, и не дѣнитися начнеть такоже и тружати. Первое, Бога дѣла и душа своа, страхъ имѣйте Божій въ сердцахъ своихъ»...

Начало XVIII в. Изъ писемъ Петра Великаго:

«Книгу, которую вы перевели, мы оную прочли и разговоры зело хорошо и внятно переведены... И того ради надлежитъ вамъ въ той книгѣ, которую нынѣ переводите, осердиться въ томъ, дабы внятно перевести, а особливо тѣ мѣста, который учать, какъ дѣлать»...

1792 г. Карамзинъ. «Бѣдная Лиза»:

«Старушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ немъ никакого худого намѣренія, и увѣрила незнакомца, что полатню, вытканное Лизой, и чулки, вывазанные Лизой, бывають отменно хороши»...

1833 г. Пушкинъ. «Капитанская дочка»:

«Вокругъ меня простерлись печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, иль, точнѣе, по снѣгу, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ поглядывать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ»...

Главной причиной самостоятельныхъ измѣненій языка является смѣна поколѣній. Дѣти то картавятъ, то шепелявятъ, то имѣютъ другія особенности рѣчи. Становясь взрослыми, они до нѣкоторой степени сохраняютъ свое прежнее произношеніе. „Въ каждой почти деревнѣ языкъ подрастающаго поколѣнія отличается отъ языка старшихъ; женщины говорятъ иначе, чѣмъ мужчины *); старики и старухи имѣютъ въ своемъ языкѣ такія особенности, которыя избѣгаются прочимъ населеніемъ“.

Однако большинство измѣненій языка нельзя объяснить случайностью. Языкъ измѣняется прежде всего въ силу

*) На говоръ мужчинъ вліяютъ городскіе центры. Проф. Шахматовъ.

экономіи времени и меньшаго напряженія органа произношенія. Чтобы произнести скорѣе и легче, мы сливаемъ звуки, сокращаемъ и упрощаемъ слова. Вмѣсто неловкаго: нѣкоторый мы говоримъ болѣе легкое: нѣкѣтрый. Особенно много такихъ упрощеній въ народномъ языкѣ: государь перешло въ сударь, „Марія Ивановна“ сократилась въ „Марь Иванну“, „Андреевна“—въ „Андревну“. Въ силу экономіи образовались и многочисленныя французскія слова.

Изъ латинскаго *liberage* получилось *livrer*, изъ *officium*—*office*; изъ *paupere*—*paupere* и проч.

Получаются въ языкѣ новыя слова и отъ попытки народа (простонародья) осмыслить иностранныя слова *). Отсюда гульваръ (гулять) вмѣсто буйваръ, плитуваръ (плита) вм. тротуаръ, лежансъ (дилижансъ), спинжакъ (спина!) изъ пиджакъ, островъ Голодай (въ Петроградѣ) отъ англ. фамилии Голлидей и т. д.

Иногда на измѣненіе языка можетъ оказать вліяніе и та или другая выдающаяся личность. Рѣчь какого-нибудь общественнаго дѣятеля (вождя, проповѣдника, писателя) можетъ произвести сильное впечатлѣніе не только своимъ содержаніемъ, но и самой манерой говорить. Среди современниковъ является невольное подражаніе, а то и прямо мода говорить такъ, какъ говоритъ данное извѣстное лицо.

Слѣдовательно, можно указать четыре основныхъ причины самостоятельныхъ измѣненій языка: 1) сдѣла поколѣній, 2) экономія времени и голоса, 3) народная этимологія, 4) вліяніе говора выдающихся личностей.

15. Новыя слова. Новыми словами (ихъ принято называть неологизмами) въ языкѣ являются или заимствованныя изъ другихъ языковъ, или вновь изобрѣтенныя слова и названія.

*) Это явленіе въ наукѣ носитъ названіе народной этимологіи.

Въ нашемъ языкѣ крайне много заимствованныхъ словъ отъ грековъ, подъ культурнымъ вліяніемъ которыхъ долго находились наши предки. Грецескія слова: гнѣсъ, климать, ладанъ, падагра, еврей, баня, парусъ, кровать, кула, макъ, бинтъ, вишня, тетрадь, мусоръ, мята, отурѣтъ, сахаръ, свекла, бумага, василекъ и многія другія.

Рядъ словъ вошелъ въ нашъ языкъ послѣ татарскаго нашествія: казна, уланъ, казакъ, булана, ярлыкъ, башка, алтынъ, амбаръ, лошадь, собака, тараканъ, хозяинъ, кунтъ, арбузъ, деньги, бахча, хорохориться (отъ каро коры—ставка хановъ, гдѣ они «каракорились» надъ прѣзжавшими на поклонъ нашими князьями).

Въ литературномъ русскомъ языкѣ есть много и другихъ иностранныхъ словъ.

Латинскія слова: принципъ, институтъ, инструментъ, партія, инициатива, курсъ, орденъ, классъ и т. д.

Французскія слова: дежурный, журналъ, фракъ, скрутокъ, жилетъ, артиллерія, пассажиръ, фасонъ, сервизъ, розаль и проч.

Вновь изобрѣтенныя слова образуются или изъ иностранныхъ корней (авіаторъ, автомобиль, антропология и проч.) или изъ корней своего языка (пароходъ, паровозъ, водолазъ).

Слова, возникшія изъ своихъ корней, чаще всего обозначаютъ предметъ по какому-либо, рѣзко бросающемуся въ глаза, признаку: черника, касатка (ласточка съ косыми крыльями); подушка (кладутъ подъ ухо), городъ (огороженное мѣсто), голубъ (голубого цвѣта) и т. д.

Должно замѣтить, что часто въ такихъ словахъ затмевается первоначальный, корневой ихъ смыслъ. Когда мы говоримъ хитрый, то о первоначальномъ значеніи: хитить, похищать вовсе уже не думаемъ. Мы говоримъ уже о красныхъ чернилахъ (отъ слова черный), говоримъ, что стрѣляютъ изъ пушекъ (корень только стрѣла), самую низкую часть горы называемъ подошвою, забывая, что подошва происходитъ отъ корня шовъ, шить (подошва) подъ швомъ, подшита у башмака).

Особенно часто утрачиваютъ свой первоначальный смыслъ слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ. Думаемъ ли мы, когда слышимъ слово потаный, что оно иностранное и значитъ хуторянинъ, крестьянинъ? Слово это имѣетъ любопытную исторію. Христианство, распространяясь по Итали, охватило первоначально города. Жители деревень и хуторовъ рагані еще оставались нѣко-

«Учебн. п. по исторіи русскаго языка».

торое время язычниками. Теперь paganus одновременно стало означать и деревенский житель и язычникъ. Въ послѣднемъ значеніи это слово перешло и въ греческую литературу, а отсюда и къ намъ. Погаными раньше назывались исключительно языческія племена: поганые хазары, печенѣги и т. д. Еще въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ поганый употребляется, какъ иностранное слово, при чемъ часто указывается его русское значеніе: «и проиш поганіи, не вѣдуще закона Божіа», «не вѣдущими закона Божіа», или погаными оказались впоследствии и татары, и всѣ враги и вообще неспріятельные люди. А въ народномъ языкѣ и «заханъ поганая» и др. неодушевленные предметы. Въ свою очередь слово крестянинъ первоначально означало только христіанинъ, а въ настоящее время означаетъ сельскій житель.

16. Индо-европейская семья языковъ. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ ученые замѣтили не только сходство, но и родство языковъ европейскихъ народовъ съ языками древне-индійскими и нѣкоторыми современными въ Средней Азіи *). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти народы произошли отъ одного пранарода. Но гдѣ обиталъ этотъ пранародъ, въ наукѣ не рѣшено до сихъ поръ. Одни думаютъ, что народы, населяющіе Европу, вышли нѣкогда изъ предѣловъ Азіи, именно изъ сѣверно-вост. части Индіи (Индостана, близъ Гималайской возвышенности), — отсюда и названіе индо-европейцы **).

Другіе ученые настаиваютъ, что родиной нашихъ предковъ (пранарода) былъ югъ Россіи, третью — нынѣшняя Швейцарія.

Болѣе достовѣрно первое предположеніе, что движеніе шло изъ Азіи въ Европу. Рядъ такихъ переселеній былъ уже и въ историческое время ***).

Индо-европейцы носятъ въ наукѣ еще названіе аrio-европейцевъ или арійцевъ. «Арья» по древне-индійски значить «благое».

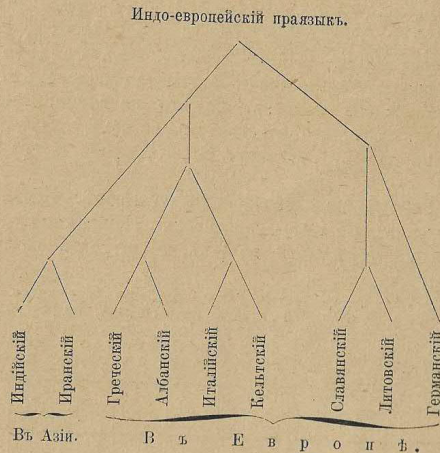
*) Въ 1786 г. англ. Джонсъ впервые подмѣтилъ родство европейскихъ языковъ съ древне-индійскими. Окончательно это доказалъ Францъ Боппъ въ 1816 г.

**) Нѣмцы безъ всякихъ научныхъ основаній называютъ данные языки индо-германскими.

***) Однимъ изъ позднѣйшихъ такихъ передвиженій является появленіе въ Европѣ цыганъ (отпрыскъ индійскаго племени), покинувшихъ Индію не ранее X в. послѣ Р. Хр. и появившихся въ Европѣ (въ Греціи) только въ XIV в. послѣ Ролд. Хр.

родникъ». Такъ называли себя древніе индійцы въ отличіе отъ другихъ племенъ.

Развѣтвленіе индо-европейскаго праязыка и образованіе изъ него новыхъ языковъ можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ.

Распаденіе единого арійскаго народа на племена, имѣющія особый языкъ, совершилось въ глубокой древности. Вѣтъ славяно-литовская распалась на самостоятельныя племена: славянское и литовское значительно позже другихъ, приблизительно тысячи за двѣ лѣтъ до Р. Хр. *).

*) Чешск. проф. Нидерле.

16. Санскритскій языкъ. При изученіи исторіи русскаго языка, иногда дѣлають ссылки на языкъ санскритскій. Это не что иное, какъ одно изъ чаръій древне-индійскаго языка, на которомъ написаны древніе религиозные гимны индусовъ. Санскритскій, т. е. высшій, священнѣй.

Сборникъ этихъ гимновъ носитъ названіе ведъ,—отсюда языкъ ведическій. Къ иранской вѣтви принадлежатъ древній языкъ зендскій, тѣсно связанный съ санскритскимъ. На этомъ языкѣ написана священная книга закона Зороастра, книга Зендавеста.

Санскритскій языкъ иногда считаютъ праязыкомъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ, но это не вѣрно. Вполнѣ доказано лишь то, что санскритъ во всякомъ случаѣ очень близокъ къ нашему праязыку. Отсюда важность его изученія.

17. Родство индо-европейскихъ языковъ. Несомнѣнное происхожденіе индо-европейскихъ языковъ отъ одного праязыка подтверждается, во 1-хъ, обиліемъ общихъ корней.

Возьмемъ для сравненія хотя бы два наиболѣе удаленныхъ одинъ отъ другого языка: русскій и латинскій, т. е. языкъ, на которомъ говорили въ древнемъ Римѣ: mater (русск.—мать, матерн), pater (новый) laevis (дѣвн), decem (десять), semen (сѣмена), sto (стою) и т. д. Такихъ словъ много, есть они и въ другихъ языкахъ.

Русск.	Др.-ч. слав.	Сербск.	Санскр.	Литов.	Греч.	Лат.	Готск.	Др. нѣм.	Нѣм.
день	дѣнь	дан	dina	diena	—	dies	—	—	—
вдова	—	удовица	v.dava	—	—	vidua	—	—	—
мать	мати	маѣи	mata	mote	mater	mater	—	—	mutter
братъ	братръ	брѣта	bratar	broterelis	—	frater	brathar	brudard	bruder
домъ	домъ	дом	domas	—	domos	domus	—	—	—
ленъ	лѣнь	лѣн	—	linas	linon	linum	—	—	—

Во 2-хъ, родство индо-европейскихъ языковъ обнаруживается въ сходствѣ грамматическихъ формъ. Особенно въ спряженіи глаголовъ.

Для примѣра возьмемъ глаголъ быть въ наст. времени двухъ языковъ:

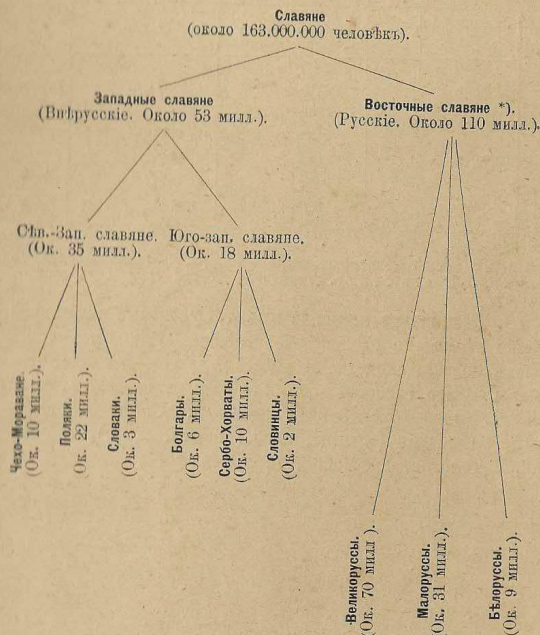
	Лицо.	Древне-славн.	Латин.
Ед. ч.	1	есмь	sum
	2	еси	es
	3	естъ *)	est
Мн. ч.	1	есмь	sumus
	2	есте	estis
	3	суть	sunt

В 3 л. мн. ч. по-славянски писалось черезъ ж, а произносилось съ звукомъ и, близко къ сонтъ. Тотъ же носовой звукъ есть въ лат. m. sunt.

18. Славянская семья языковъ. Отдѣльные индо-европейскіе языки не стоятъ обособленно. Одни изъ нихъ имѣютъ больше сходства и родства, другіе—меньше. Поэтому принято говорить объ отдѣльныхъ группахъ, или семьяхъ, индо-европейскихъ языковъ. Сюда относятся семьи: романская (франц., итал., испан. и др.), славянская, литовская, греческая, германская и др.

*) Мягкое окончаніе въ глаг. есть уже признакъ не древне-славянскаго, а русскаго языка.

Славянскую семью можно представить себѣ въ видѣ слѣдующей схемы:

* Великорусы, малорусы и бѣлорусы помѣщены значительно ниже другихъ славянъ, дабы показать, что распаденіе русскихъ на нарѣчія произошло значительно позже распаденія запад. слав. на отдѣльныя народности.

I. РУССКАЯ НАРОДНАЯ РѢЧЬ.

§ 1. Характеристика русского языка. Русский языкъ сравнительно съ другими индо-европейскими языками отличается не только внѣшней красотой (звучностью) и обиліемъ словъ, но и особой содержательностью и выразительностью.

Домоносовъ былъ слѣдующаго о немъ мнѣнія:

«Карлъ пятый, римскій императоръ, говаривалъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелемъ, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ русскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно, ибо напелъ бы въ немъ великолѣпное испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, пѣжность итальянскаго, сверхъ того, богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка».

Гоголь справедливо считаетъ русскій языкъ „богатыйшимъ и полнѣйшимъ изъ всѣхъ европейскихъ языковъ“. Онъ говоритъ, что „живое и мѣткое наше слово не описываетъ, а отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, предметъ“.

Тургеневъ называетъ русскій языкъ „великимъ, могучимъ, правдивымъ и свободнымъ“. „Нельзя вѣрить, добавляетъ онъ, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“.

«Выражается сильно російскій народъ! И если наградитъ его словомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу и въ отставку, и на край свѣта...»

Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубляется топоромъ. А ужъ куда бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни великихъ иныхъ племенъ, а все самъ самородокъ, живой и бойкій русский умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ...

Сердцеѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаешь свое не всякому доступное, умно-художное слово нѣмца; но нѣтъ слова, которое было бы такъ заманчиво, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самого сердца, такъ бы кинуло и животрешетало, какъ мѣтко сказанное русское слово» (Гоголь).

§ 2. Важность изученія родного языка. Крайне важно знать и изучать свой языкъ, дабы оберегать его отъ искаженій какъ въ своей рѣчи, такъ и въ рѣчи своихъ близкихъ. Языкъ это та „сокровищница, въ которую одно поколѣніе за другимъ складываетъ плоды своихъ глубокихъ мыслей и волненій, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ“.

„Когда исчезаетъ народный языкъ,—народа нѣтъ болѣе! Вотъ, почему, напр., наши братья, западные славяне, вынесши всѣвозможныя насилія отъ иноплемениковъ, когда это насиліе, наконецъ, коснулось языка, поняли, что дѣло идетъ теперь уже о жизни или смерти самого народа. Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до тѣхъ поръ живъ и народъ... Отнимите у народа все—и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе уже не создастъ его; вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ“ *)...

„Берегите нашъ языкъ,—говоритъ Тургеневъ,—нашъ прекрасный русский языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное нашими предшественниками“.

Хранить въ чистотѣ свой языкъ легче можетъ тотъ, кто знакомъ съ законами и явленіями развитія своего языка (теорія и исторія языка) и съ своей родной народной поэзіей и художественной литературой.

*) По Ушинскому.

§ 3. Литературная и народная рѣчь.

Языкъ, на которомъ говоритъ образованный классъ русскаго народа, и на которомъ у насъ пишутся литературныя и ученые сочиненія, носитъ названіе литературнаго въ отличіе отъ народнаго (т. е. простонароднаго).

Литературный языкъ отличается болѣе грамматической правильностью и постоянствомъ, народный же языкъ крайне измѣнчивъ и непостояненъ. Съ точки зрѣнія установленной грамматики народный языкъ крайне неправиленъ, онъ не считается съ обязательными для насъ и склоненіями и спряженіями. („Съ ногамъ, съ рукамъ“, „далать“, „уѣхамши“ и проч.).

Часто слова утрачиваютъ въ народномъ произношеніи первоначальный свой видъ, такъ какъ къ нимъ то прибавляются новые звуки, то исчезаютъ или замѣняются другими прежніе: вулицъ, овторникъ, яблосъ, аржаной, Миколо, колідоръ, Шашинька (Сашенька) и проч. Многія особенности и уклоненія народной рѣчи настолько обычны въ отдѣльных мѣстностяхъ, что по говору часто легко опредѣлить, гдѣ приблизительно живетъ говорящій.

Особенности народнаго говора иногда прорываются и у образованныхъ людей и у писателей. Ломоносовъ, Жуковский, Лермонтовъ, Кольцовъ, Тургеневъ, А. Толстой, А. Толстой и др.—все они сохранили въ своемъ языкѣ живые слѣды родныхъ имъ мѣстныхъ говоровъ.

У Кольцова, напр., встрѣчаемъ слѣдующія ударенія въ словахъ, свойственныя его роднѣ: хмельный, несержуса, попѣймо, прожѣть, съ семьями и проч.

Тѣ же южно-великорусскія ударенія встрѣтимъ и у Жуковского, Лермонтова и др.

Въ стихахъ встрѣтимъ, напр., зѣсуха (южное) и засѣха (сѣверное), пѣтля (сѣверное) и петля (южное) и т. д.

Часто простонародье затрудняется понимать рѣчь образованнаго общества и потому, что въ литературный языкъ вошло слишкомъ много новыхъ словъ, взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ: претензія, аппетитъ, визитъ, температура, теорія, субъектъ и проч.

§ 4. Нарѣчія и говоры.

На югѣ Россіи говорятъ иначе, чѣмъ въ Москвѣ; въ Москвѣ иначе чѣмъ, напр., въ Архангельской губерніи. По различію въ произношеніи языкъ дѣлится на нарѣчія (или діалекты). Русскій языкъ состоитъ изъ четырехъ нарѣчій *): сѣверно-великорусскаго, южно-великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго.

Однако и діалекты не представляютъ изъ себя чего-либо однороднаго и неизмѣннаго. Діалектъ дѣлится на говоры и подговоры. Существуютъ, напр., московскій говоръ, псковскій говоръ, кіевскій говоръ и проч. Особенности языка и уклоненія настолько разнообразны и многочисленны, что даже не только у отдѣльных селъ и деревень, но и у отдѣльных семействъ и лицъ можно наблюдать свою особую манеру говорить.

§ 5. Эпоха общерусскаго единства. Въ глубокой древности, за много вѣковъ до Р. Хр., всѣ славяне представляли изъ себя одинъ народъ, говорившій на одномъ языкѣ. Въмѣстѣ съ ростомъ славянскаго племени и расселеніемъ его по новымъ мѣстамъ, славяне распались на три группы: западную, южную и восточную. Постепенно измѣнился и языкъ каждой изъ этихъ группъ.

Западная и южная вѣтви славянскаго племени вскорѣ распались на болѣе мелкія части и образовали отдѣльные народы: чеховъ, поляковъ, сербовъ, болгаръ и проч.

Восточные же славяне (русскіе)—еще долгое время послѣ этого были и единымъ народомъ (они занимали сѣверное Поднѣпровье) и говорили на одномъ общерусскомъ языкѣ. Это время въ наукѣ носитъ названіе эпохи общерусскаго единства.

*) Правильнѣе дѣлится русскіе діалекты именно на 4 группы (сѣв.-великоруссы, южн.-великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы), а не на три (великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы). Крупнѣйшій изслѣдователь русскаго языка, проф. Шахматовъ, подчеркиваетъ, что «сѣв.-великоруссы и южно-великоруссы не двѣ части одного нарѣчія, а два нарѣчія, сблизившіяся въ виду совмѣстной жизни». Т. I, стр. 157.

Въ данную эпоху русскіе говорили на языкѣ близкомъ ко всѣмъ существующимъ теперь діалектамъ. Были въ этомъ языкѣ и нѣкоторыя особенности. Одна изъ нихъ представляетъ для насъ большой интересъ. Звукъ, соответствующій буквѣ ъ, произносился какъ двугласный звукъ (дифтонгъ) *іе*. Теперь такъ произносятъ ъ нѣкоторые изъ малоруссовъ: *дело, мѣсто*.

Загѣмъ у отдѣльных группъ звукъ этотъ измѣнился: одни усвоили первую его половину (*і*)—напр., малоруссы и сѣв.-великоруссы; другіе—вторую половину—(*е*). Такъ произносятъ ъ южно-великоруссы и бѣлоруссы.

§ 6. Первоначальные русскіе говоры. Эпоха общерусскаго единства распалась вмѣстѣ съ расселеніемъ русскихъ изъ Приднѣпровья. Часть пошла на сѣверъ въ Озерную область (Новгородъ, Псковъ), другіе пошли на востокъ, къ верховьямъ Волги и Оки, третью, наконецъ, спустились къ югу, внизъ по Днѣпру.

Образовались такимъ образомъ четыре первоначальныя группы русскихъ:

- 1) Сѣверно-руссы—занимали Озерную область;
- 2) восточно-руссы—въ бассейнахъ верхней Волги, Оки и Дона;
- 3) западно-руссы—нынѣшнія поселенія бѣлоруссовъ;
- 4) южно-руссы—по нижнему теченію Днѣпра.

Такое распадѣніе русскихъ на 4 первоначальныхъ группы произошло еще до IX в. по Р. Хр. Съ расселеніемъ русскаго племени и дробленіемъ его на указанныя группы, появились особенности и въ говорѣ въ различныхъ мѣстахъ. Раньше другихъ обособился, очевидно, говоръ сѣверно-руссовъ (путали *ц* и *ч*: что (что), чарь (царь), доць (дочь) и т. д. и говоръ восточно-руссовъ (восточно-руссы стали произносить *а* вмѣсто неудараемаго *о*—это явленіе называется *аканіемъ*—„галава, гара“).

Примѣчаніе. Данныя первоначальныя группы не должно путать съ теперешними русскими діалектами великоруссовъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ, которые образовались позднѣе изъ перемѣны первоначальныхъ группъ. Объ этомъ будетъ далѣе.

Первоначальныя группы находятся въ связи съ распаденіемъ русскаго народа на отдѣльныя племена. Племена эти, разумеется, мало отличались другъ отъ друга, но все же имѣли свои особыя названія (кривичи, древляне, поляне и т. д.), нѣкоторыя особенности въ говорѣ и въ самомъ образѣ жизни—послѣднее явилось результатомъ разныхъ географическихъ условий (то рѣка, то лѣсъ, то степь). Это племенное различіе русскаго народа легло и въ основу распаденія его на упомянутые 4 говора.

Сѣверно-русы—славяне повгородскіе и кривичи.

Западно-русы—радимичи, дреговичи.

Восточно-русы—вятичи.

Южно-русы—поляне, древляне, волыняне и др. южане.

§ 7. Возникновеніе нынѣшнихъ русскихъ нарѣчій.

Нынѣшнія нарѣчія русскаго языка (сѣверно-великорусское, южно-великорусское, бѣлорусское и малорусское) окончательно сложились сравнительно недавно, всего лѣтъ 700 тому назадъ. Возникли они изъ перемѣщенія и нѣкотораго сліянія первоначальныхъ говоровъ (южно-русовъ, сѣверно-русовъ, западно-русовъ и восточно-русовъ). Главной причиной новыхъ передвиженій было появленіе на юго-востоцѣ Россіи дикихъ монгольскихъ ордъ: сначала половцевъ и позднѣе татаръ. Широко расселившемуся русскому племени пришлось скататься и частью вернуться на прежнія мѣста. Движеніе начали восточно-русы. Они оставили Донъ и поднялись въ бассейны Оки, гдѣ встрѣтились съ сѣверно-русами и, слившись съ частью ихъ, образовали группу южно-великоруссовъ. Другая часть восточно-русовъ устремилась на коренныя русскія земли въ сѣверное Поднѣпровье и, слившись тамъ съ западно-русами, образовала бѣлоруссовъ. Въ предѣлы же бѣлоруссовъ попала и часть южно-русовъ, также тѣснимыхъ монголами съ юга къ сѣверу.

Отсюда намъ будетъ понятно, почему бѣлоруссы имѣютъ общія черты и съ южно-великоруссами и съ малоруссами (прежними южно-русами).

Окончательно бѣлоруссы обособились отъ другихъ нарѣчій послѣ того, какъ въ XIII—XIV вв. западно-русскія области вошли въ составъ литовскаго государства.

Исконное сосѣдство съ ляхами отразилось также на бѣлорусскомъ говорѣ (бѣлоруссы, подобно полякамъ, напр., мягкое д произносятъ, какъ дз—дзѣти (дѣти).

Сѣверно-великоруссы образовались изъ той части сѣверно-русовъ, которая жила къ сѣверо-западу отъ бассейна Оки и не имѣла соприкосновенія съ восточно-руссами.

НАРѢЧІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА.

§ 8. Географическіе предѣлы нарѣчій. (См. карту).

1. Сѣв.-великоруссы занимаютъ сѣверныя губерніи: Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Петроградскую, Новгородскую, Вятскую, Пермскую, Владимирскую, Костромскую, Ярославскую, большую часть Псковской и Тверской и почти все Поволжье. На востокъ сѣв.-великорусское нарѣчіе распространяется за Уральскія горы въ Сибирь.

2. Южно-великоруссы занимаютъ губерніи: Московскую, южную часть Тверской, Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую, Орловскую, Калужскую, части Курской, Смоленской и Черниговской.

3. Переходныя (смѣшанныя) великорусскія говоры слышатся въ значительной части Московской губ., въ сѣв. части Рязанской, въ части Тамбовской, въ юж. части Псковской, во Владимирской губ., въ Поволжьи и въ Пензенской губ.

4. Бѣлоруссы занимаютъ губерніи: Могилевскую, Минскую, Гродненскую, Виленскую, Витебскую, и части Черниговской, Орловской, Калужской, Смоленской.

5. Малоруссы занимаютъ югъ Россіи, т. е. губерніи: Волынскую, Кіевскую, Подольскую, Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую, часть Таврической, область Войска Донскаго, Кубанскую область; кроме того Галицію и часть Буковины. Отдѣльныя поселенія встрѣчаются въ Поволжьи и въ Сибири.

§ 9. Великорусскія нарѣчія. Всѣ великоруссы (сѣверные и южные) имѣютъ рядъ общихъ особенностей. Сюда относятся:

1. Им. прилаг. часто оканчиваются у великоруссовъ на —ой: слѣпой, большой, глухой.

Бѣлоруссы: слѣпый, злѣй.

Малоруссы: слѣпий, злий.

И малоруссы произносятъ твердо, близко къ нашему и. Мягкое и они обозначаютъ черезъ і.

2. Глаголы у великоруссовъ оканчиваются иногда на —ою и ой (пов. накл.).

Великор.—мою, крою, крой.

Бѣлор.—мю, крью, крый.

Малор.—мию, крию, крий.

3. Множ. число у великор. часто оканчивается на —а (я): дома, луга, города, учителя.

Бѣлор.: домѣ, лугѣ.

Малор.: луги, роги.

4. Звукъ е передъ тверд. согласнымъ подъ удареніемъ переходить въ ё: селѣ—сѣла, деревня, плѣть, нѣсъ.

Въ современномъ литературномъ языкѣ не всегда въ такихъ случаяхъ произносится ё; деревня, напр., произносится, какъ деревня. Твердое е произносится и въ словахъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка: крестъ («крѣстный»), надежда, одежда.

5. Въ великорусскихъ говорахъ не смягчаются г, к, х, въ склоненіи существительныхъ.

Великор.: на погѣ, при дорогѣ, на рукѣ.

Бѣлор.: на позѣ, при дорогѣ, на ручѣ.

Малор.: на носі, на рупі, ў страсі (въ страхахъ).

§ 10. Особенности сѣв.-великорусскаго нарѣчія.

1. Отличительной чертой сѣв.-великор. нарѣчія прежде всего является бканіе, т. е. произношеніе неударяемаго о, какъ о ясное.

(Сѣв.-великоруссы: голова, гора (бканіе).

Южн.-великоруссы: галава, гара (аканіе).

Изъ др. русскихъ нарѣчій окаютъ еще малоруссы, а акаютъ—бѣлоруссы.

2. Нѣкоторые сѣв.-великоруссы путаютъ ц и ч (докаютъ и чокаютъ): часы (часы), что (что), чарь (царь), доць (дочь), черква (церковь) и т. д.

Чоканіе встрѣчается иногда и въ ю.-великорусскихъ губерніяхъ. Напр., въ Тульской губерніи вмѣсто «цапля» говорятъ «чапля»:

— «Эва!—глянь-ка! надъ озеромъ-то... ахъ чапля стоитъ?»

Эхъ-ма! сука это—не чапля!..» Тург. «Стучить».

3. Большинство сѣв.-великоруссовъ **ѣ** произносятъ, какъ **и**: на си^и (на сѣнѣ), витерѣ, обиднѣ.

4. З лицо въ глаголахъ оканчивается на твердое **тъ**: сиди^{тъ}, иду^{тъ}.

Сѣв.-великор.: сидѣть.
Южн.-великор.: сидѣть.
Малор.: сидѣть.
Бѣлор.: сядзѣць.

5. **е** передъ твердой согласной приближается къ **ѣ**: сѣлѣ, вѣдрѣ, дѣржѣ.

§ 11. Особенности южно-великорусского нарѣчія.

1) Южно-великоруссы очень неясно произносятъ всѣ гласные звуки, кромѣ тѣхъ, на которые падаетъ удареніе. Звукъ **о** безъ ударенія приближается къ **а** — галава, харапѣ. Это явленіе называется аканіемъ.

Народное аканіе отмѣчено и въ нашей художественной литературѣ: «На крылечкѣ темнаго и гнилаго строенія, вѣроятно бани, сидѣлъ дюжій паренъ съ гитарой и не безъ удали напѣвать извѣстный романсъ:

«Э—я фа пасатыню удаляюсь
Ата прекрасныхъ сѣдѣнѣхъ мѣсть»...

Тург. «Контора».

«Къ кирпичному скотному двору прилѣпилъ нѣкто въ родѣ греческаго фронтона и подъ фронтономъ бѣлыми надписалъ: «Пастроенъ, вседе Шиниофке вѣсечеа восемь Содѣ саракавомъ году. Сей скотный дфоръ»... Тург. «Бурмистръ».

«Сѣ Бо-гамъ»... Тург. «Стучить».

Акаютъ также и бѣлоруссы.

2. Звукъ **е** безъ ударенія южно-великоруссы произносятъ то ближе къ **я**, то какъ **и**: вѣси, нѣси (неси), тѣбѣ, тибѣ (тебѣ) и проч. *)

Также и **ѣ**, если оно безъ ударенія, южно-великоруссы произносятъ то какъ **и**, то какъ **я**: вѣнѣцъ, вѣнѣцъ (вѣнѣцъ), лѣнѣвѣй, лѣнѣвѣй (лѣнѣвѣй) и проч.

— «Ви-и-да,—съ разстановкой, въ полголоса, произнесъ Филофей»... Тург. «Стучить».

*) Насколько южно-великоруссы неясно выговариваютъ неударяемые гласные звуки, можно судить хотя бы по слѣд. примѣрамъ. Слова грамотности и пятачокъ произносятся средне между слѣдующими начертаніями:

грамотнѣсть
грамотнѣсть
грамотнѣсть и проч.

пятачокъ
пятачокъ
пятачокъ

Какъ ю.-велик. особенности надо разсматривать слова «Марейнка» (вм. Мароенька) у Гончарова въ «Обрывѣ»; «Николейнка» (вм. Николаенька) у Л. Толстого въ «Война и мирѣ».

3. Звукъ **г** у южно-великоруссовъ произносится мягко (съ придыханіемъ), близко къ **х**, какъ произносится латинское **h**: хавава, хара, хаха.

Эта особенность встрѣчается и въ другихъ русскихъ діалектахъ, за исключеніемъ только сѣв.-великоруссовъ, у которыхъ **г** всегда твердое (взрывное) голова, гора, нога.

4. З лицо глаголовъ имѣетъ мягкое окончаніе **тъ**: они иду^{тъ}, онѣ сидѣ^{тъ}.

5. Звукъ **у** безъ ударенія произносится очень кратко (**у**), приближаясь къ **в**. Отсюда эти звуки часто встрѣчаются одинъ на мѣстѣ другого: удава (вдова), ѹдарь, вдарь (ударь), ѹсѣ (тѣсѣ) и проч.

6. Многие южно-великоруссы произносятъ —ня, нно, хю: бочня, бочню, копейня, чайню, навархю.

7. Южно-великоруссы вмѣсто формъ уѣхавши, взявши говорятъ уѣхамши, взявши и проч.

§ 12. Особенности смѣшанныхъ великорусскихъ говоровъ.

Среди смѣшанныхъ переходныхъ великорусскихъ говоровъ особое положеніе занимаетъ московскій говоръ, легшій въ основу литературнаго русскаго языка. Въ немъ сочетались особенности и сѣв.-великоруссовъ и южно-великоруссовъ. Главныя его особенности слѣдующія:

1. Умѣренное аканіе. Южно-великоруссы (напр. въ Тульской губ.) неударяемое **о** выговариваютъ, какъ **а**, москвичи же произносятъ его неясно близко и къ **а** и къ **ы**. Г^а_ыѣва.

2. Въ переходныхъ великорусскихъ говорахъ существуетъ два звука для буквы **г**. Одинъ, свойственный сѣв.-великоруссамъ (взрывное **г**, равное лат. **g**), и другой свойственный южно-великоруссамъ (придыхательное **г**, равное лат. **h**: Бога, богатый; ноги, гости).

3. З лицо глаголовъ, какъ у сѣв.-великоруссовъ, москвичами произносится твердо: сидѣть, иду^{тъ} и проч.

«Учебникъ по исторіи русскаго языка».

§ 13. Особенности бѣлорускаго нарѣчія.

1. Бѣлоруссы подобно южно-великоруссамъ акаютъ, т. е. произносятъ неударяемое **о**, какъ **а**; неударяемое **е**, какъ **я**: галава, тѣпло.

2. Мягкое **д** (день, деньги) бѣлоруссы произносятъ, какъ **дз**, а мягкое **т** (тетка, Степанъ) произносятъ, какъ **ц**: цетка, ходзиць (ходить), Спяпанъ, цяперъ (теперь).

3. **У** безъ ударенія произносится братко (**ў**), почти какъ **в**. Отсюда и звуки **у** и **в** часто смѣшиваются: праўда, усе (все), ўзяць (взять).

4. Звукъ **л** передъ согласными, а также на концѣ слова произносится часто, какъ **ў**, быў, жиў.

„У воўка языкъ доўгі, да гаварыць ня можець“

5. У бѣлоруссовъ вовсе нѣтъ мягкаго **р**: гавару, Марыя, трапка, цяперъ (теперь).

6. Глаголы въ 3 лицѣ неопр. накл. оканчиваются на **ць**: гóрка рѣ́цца, да яду́ць (горька рѣ́дка, да ѣ́дятъ). Гавары́ць-ня може́ць (говоритъ не можетъ).

7. Бѣлоруссы сохранили (также и малоруссы) древнее смѣтченіе **г**, **х** въ склоненіяхъ:

Бѣлор. у руцѣ, на дуцѣ, у мачисѣ.

Малор. у руці, на дузі, у мачисі.

Великор. въ рукѣ, на дугѣ, у мачехи.

8. Подобно малоруссамъ, бѣлоруссы не выговариваютъ звука **ф**. а замѣняютъ его то **хъ**, то **х**, то **п**: Пархверъ (Порфирій), Хведаръ, Хранцузъ, Апанасъ (Афанасій), хвамілѣя (фамилія).

9. Удареніе у бѣлоруссовъ преобладаетъ на концѣ слова: ваду́, гару́, руку́, было́, были́, дали́, жи́ли и проч.

§ 14. Особенности малорусскаго нарѣчія.

1. Оканіе. Неударяемое **о** малоруссы произносятъ твердо и ясно:

Хлі́б всьóму голо́ва.

2. **Ѣ** произносится какъ **і**: *)

Хлі́б всьóму голо́ва.

То же и у сѣв.-великоруссовъ.

*) На сѣверѣ Малороссіи ѣ иногда произносится, какъ дифтонгъ іе: міе́сто, діе́ло и т. д.

3. **Г** произносится длительно, какъ латинское **h**:
Хлі́б всьóму голо́ва.

То же у бѣл. и ю. велик.

4. **Е** и **И** произносятся близко къ великорусскимъ **э** и **и**, согласные передъ ними произносятся твердо *):

Сонцэ́ пызэ́нько, вэ́чір блызэ́нько.

5. **ОнЕ** въ такихъ словахъ какъ котъ, воля, ледъ, печь, произносятся, какъ **і**: кіт, віл, лід, піч. Это относится къ словамъ, гдѣ **о** и **е** не бѣглые звуки (удерживаются въ другихъ падежахъ) и при томъ только въ словахъ, оканчивающихся на согл. звукъ кіт. Въ словахъ же на гласн. звукъ **о** и сгвозтавливаются: ко-та, во-ла и т. д. **). Въ словахъ съ бѣглыми гласными измѣненій не бываетъ: сонъ - сна.

6. 3-е лицо въ глаголахъ, какъ и въ ю.-вел. говорахъ, оканчивается на мягкое -тъ:

Ді́тки плачу́тъ, а в матері́ сердце боли́тъ.

§ 15. Второстепенныя особенности.

1. Сомнительные согласные звуки, особенно на концѣ словъ, произносятся звонко: ді́д, хлі́б, хлі́в, пла́ч и т. д.

2. Звуки **у** и **е** часто замѣняютъ одинъ другой, или переходятъ въ очень краткое **у**, которое обозначимъ **у̇**. Примеры: удова (вдова), а мянэ́ (у меня), смэр (умеръ), усі (все), ўмію (умѣю).

3. Звукъ **л** на концахъ словъ и передъ согласными часто переходитъ въ **ў** или **е̇**: воє́къ и воў́къ (волеж), дого́ (долго), жи́ў (жилъ), бы́ў (былъ) и т. д. ***).

4. Подобно бѣлоруссамъ малоруссы смягчаютъ **і**, **е**, **а**: при до-розі́ (при дорогѣ), на козаці́ (на козакѣ), на мусі́ (на мухѣ).

5. Малорусское нарѣчіе сравнительно съ литературнымъ языкомъ имѣетъ нѣкоторыя особенности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, напр., сохраняеть древнія формы зват. пад.: коза́че, гостю́, голо́во, зе́мле, ду́ше.

*) Мягкое **и** въ малорусскомъ текетѣ обозначается через **і** или **і̇** ии.

) На сѣверѣ Малороссіи въ такихъ случаяхъ произносятся двугласный звукъ **ю вмѣсто **о** и **юо** или **іо** вмѣсто **е**: куот, вуод, піюч, мюод. Эта особенность иногда встрѣчается и у сѣв.-великоруссовъ.

***). Последнія двѣ черты наблюдаются и у бѣлоруссовъ, а иногда и у великоруссовъ.

Малорусский Зв. п. встрѣчается въ нашей художественной литературѣ, особенно у Гоголя:

«Настроивъ бандару, заигралъ онъ и запѣлъ:

«Ой ты, місяцю, мій місяченьку!

И ты, зоре ласна!

Ой, свитить тамъ по подворю,

Де дивчина красна»...

Гоголь. «Майская ночь».

«Жили-ко! то, что поють школяры, должно быть очень разумное».

Гоголь. «Вий».

«Да не забудь, мой голубе, прибавить пану, что па хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба»...

Гоголь. «Вий».

6. Дат. пад. на-ові и еві: козакові, гостеві. Данное окончаніе встрѣчается почти исключительно въ названіяхъ одушевленныхъ предметовъ.

7. Есть особенности и въ спряженіяхъ.

Образцы малорусскихъ спряженій:

Наст. вр.	Буд. вр. (двоюго).
везу	сиджу
везешь	сидишь
везе	сидить
веземо	сидимъ
везете	сидите
везуть	сидятъ
	носити-му *)
	носити-мешъ
	носити-ме
	носити-мемо
	носити-мете
	носити-мутъ
	буду носити
	будешь носити
	буде носити
	будемо носити
	будете носити
	будуть носити

§ 16. Родство нарѣчій русского языка.

1) Прежде всего бросается въ глаза значительное сходство сѣверно-великоруссовъ и малоруссовъ. Тѣ и другіе, напр., **ѣ** произносятъ, какъ и (дидѣ, дило) и ясно выговариваютъ неударяемое **о** (голова)—окаютъ.

Родство указанныхъ нарѣчій лучшее доказательство единства русского племени и языка.

Сѣв.-великоруссы и малоруссы, хотя и наиболѣе далеко отстоятъ другъ отъ друга (напр., Олонецкая и Екатеринославская губерніи), но не утратили между собою родства. Этому содѣйствовало то, что данныя нарѣчія меньше другихъ подвергались постороннимъ вліяніямъ.

2) Много общаго и въ языкѣ сѣверно-великоруссовъ

*) Носити-му—сокращенное отъ носити имѣю, т. е. памѣрень носити.

и южно-великоруссовъ. Это вполне понятно, такъ какъ и у тѣхъ и другихъ есть особенности прежнихъ сѣвероруссовъ.

3) Родство южно-великоруссовъ съ бѣлоруссами называется прежде всего въ аканьи, т. е. произношеніи неударяемаго **о**, какъ **а** (галава, гара).

Эту черту и тѣмъ и другимъ сообщили вошедшіе въ ихъ составъ прежніе восточно-руссы. Отъ восточно-руссовъ усвоили данныя нарѣчія и произношеніе **ѣ**, какъ **е** (дело, дедѣ).

4) Родство малоруссовъ и бѣлоруссовъ обнаруживается изъ сходства цѣлаго ряда особенностей (напр., и тѣ и другіе говорятъ: сынку! батько!—зват. падежъ).

Сходство это объясняется тѣмъ, что въ составѣ племени бѣлоруссовъ есть также и южно-руссы, образовавшіе изъ себя малоруссовъ.

Родство нашихъ діалектовъ (нарѣчій) можно изобразить въ видѣ слѣд. круга. Сосѣдніе діалекты будутъ отличаться наибольшимъ между собою родствомъ.

Изъ этого круга видно, что 1) С. Велик. одновременно имѣютъ сходство и съ Ю. Вел. и съ Малор.

2) Ю. Велик. одновременно имѣютъ сходство съ С. Вел. и съ Бѣл.

3) Бѣлор.—съ Ю. Велик. и съ Малор.

4) Малор.—съ Бѣл. и С. Велик.

§ 17. Единство русскаго языка. Подъ словомъ русскій языкъ разумѣется не одинъ какой-либо диалектъ, а совокупность всѣхъ русскихъ диалектовъ и говоровъ.

Диалекты русскаго языка крайне близки между собою и не могутъ быть признаны за самостоятельные языки (великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій). Если и есть у каждаго изъ нихъ свои особенности, то особенности эти настолько малы и несущественны, что совершенно теряются въ массѣ общихъ словъ, корней словъ и другихъ языковыхъ явленій.

Если мы, привыкшіе говорить и мыслить на литературномъ русскомъ языкѣ, съ нѣкоторымъ трудомъ понимаемъ рѣчь малоросса или бѣлоросса, то съ меньшимъ же трудомъ мы будемъ слушать и рѣчь простолюдина великоросса.

Вотъ для примѣра образчикъ рѣчи крестьянина Ярославской губернии:

«Ишнѣ, нѣтъ-ли гдѣ, получше любю ярошки, любю телушечки на свой дворъ. Нѣтъ-ли у нѣ, бранина, свѣтлой для племени? Я слышалъ оводсь, што у ней еси свѣтала пригожа, расхорошая, да и продажная еси—дак я к тебѣ по слухамъ-цѣ и забрел. Слухомъ земля полнится, братецъ!.. Ну што, голубчикъ мой, еси штоли у ней?»

«Ишнѣ, нѣтъ ли гдѣ получше или ярошки или телушечки на свой дворъ. Нѣтъ ли у тебя, братецъ, такой на племя? Я слышалъ на дняхъ, что у тебя есть такая пригожа, расхорошая, да еще продажная—вотъ я к тебѣ по слухамъ то и забрел. Слухомъ земля полнится, братецъ! Ну что, голубчикъ мой, есть что ли у тебя?»—).

Между нашими диалектами нельзя провести даже правильныхъ географическихъ границъ, т. к. существуютъ въ пограничныхъ областяхъ еще переходные смѣшанные диалекты. Прилагаемая карта диалектовъ рус-

скаго языка даетъ только приблизительныя границы. При чемъ точками обозначены области съ переходными говорами.

Каждый диалектъ дѣлится еще на говоры. Малорусскій, напр., на 3 говора: сѣв.-малорусскій, южно-малорусскій и угро-русскій. Говоры дѣлятся на подговоры, напр., волынскій, кievскій и проч.

Эти говоры имѣютъ то больше, то меньше родства съ другими нарѣчіями русскаго языка.

II. ДРЕВНЕ-ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

(СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ).

§ 18. Др.-церк.-славянскій языкъ. Въ концѣ IX вѣка св. братья Кирилль и Меѳодій составили славянскую азбуку и перевели на славянскій языкъ книги Священнаго Писанія и книги, необходимыя для совершенія богослуженія.

Славянскій языкъ, на которомъ говорили и писали св. братья, былъ очевидно древне-болгарскій языкъ, такъ какъ основнымъ населеніемъ Солуна (теперь: Салоники), откуда происходили Кирилль и Меѳодій, были болгары.

Однако, всё славяне того времени настолько легко понимали языкъ другъ друга, что съ распространеніемъ среди нихъ христіанства не потребовалось вновь переводить Священныя книги на другія славянскія нарѣчія, а всё понимали и пользовались для богослуженія книгами въ переводѣ св. Кирилла и Меѳодія.

Такимъ образомъ языкъ святыхъ братьевъ скоро сталъ богослужебнымъ (церковнымъ) языкомъ для всѣхъ славянъ, а потому онъ и называется церковно-славянскимъ.

Съ появленіемъ христіанства, церковно-славянскія книги появились и у насъ, на Руси. Древне-болгарскій языкъ сталъ и у насъ языкомъ и богослужебнымъ и письменнымъ, а вскорѣ и вообще языкомъ образованнаго общества (гл. образомъ—духовенства).

Этотъ церковно-славянскій языкъ называютъ еще старо-славянскимъ, или древне-церковно-славянскимъ.

Древнимъ (старымъ) называютъ его въ отличіе отъ теперешняго нашего церковнаго языка, являющагося позднѣйшей переработкой старо-славянскаго языка примѣнительно къ русскому (разговорному).

§ 19. Древне-русскій языкъ. Если письменнымъ языкомъ нашихъ предковъ былъ ц.-славянскій, то разговорнымъ (народнымъ) языкомъ былъ свой русскій. Въ отличіе отъ нашего этотъ языкъ называется древне-русскимъ.

Древне-русскій языкъ постепенно измѣнялся и приближительно къ XV вѣку выродился въ теперешній русскій языкъ.

Рукописи до XV в. даютъ намъ понятіе объ этомъ древне-русскомъ языкѣ. Уже съ XIII в. появляются грамоты, написанныя на чисто русскомъ языкѣ.

Много слѣдовъ древне-русскаго языка находится и въ церковно-славянскихъ книгахъ. Русскіе люди, переписывая книги, очень часто вмѣсто славянскихъ словъ ошибкой (опиской) или для большей ясности вставляли русскія слова. На русскомъ языкѣ дѣлались въ книгахъ и всевозможныя пометки и приписки.

§ 20. Необходимость изученія старо-славянскаго языка.

Старо-славянскій (др.-ц.-слав.) языкъ, будучи долгое время языкомъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, оказывалъ сильное вліяніе и на русскій языкъ. Нашъ литературный языкъ принялъ въ себя значительную часть д.-ц.-славянскихъ словъ и особенностей. А потому для пониманія современнаго литературнаго языка намъ необходимо позна-

комиться съ основными особенностями и д.-ц.-славянскаго языка *).

§ 21. **Славянская азбука.** Азбука, которой пользуемся мы, русскіе, а также—болгары и сербы,—въ сущности та азбука, которая съ древнихъ временъ извѣстна подъ именемъ кириллицы и изобрѣтеніе которой приписывается св. Кириллу **).

Въ болѣе чистомъ видѣ кириллицей печатаются въ настоящее время дер.-славянскія книги. Однако и здѣсь есть уже рядъ позднѣйшихъ измѣненій и нововведеній, напр., съ XIV в. появились ударенія и надстрочные знаки.

Кириллица составлена по образцу греческой азбуки. Но въ виду того, что въ славянскомъ языкѣ были звуки, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ (напр., ш, щ, ч и др.), составители азбуки заимствовали нѣкоторыя буквы изъ другихъ языковъ (напр., древне-еврейскаго) и нѣкоторыя буквы (ж а—юсы) изобрѣли вновь.

Кромѣ кириллицы, въ старину славянскія книги писались еще азбукой, извѣстной подъ именемъ глаголицы ***). Буквы глаголицы отличаются крайне причудливыми, замысловатыми формами. (См. Хрестоматию).

§ 22. Особенности д.-ц.-сл. языка.

Въ изученіи д.-ц.-сл. языка мы остановимся на трехъ видахъ особенностей его:

*) Славянскіе слова и обороты въ русской рѣчи частью уже совершенно обрусѣли (прежде, нужда, вѣщать...), а частью еще и до сихъ поръ ведутъ борьбу за существованіе съ русскими формами. Мы, напр., колеблемся, какъ сказать середина или по д.-славянски средина, черезъ или чрезъ (ц.-сл.), терпѣніе или терпѣніе (ц.-сл.).

**) Кромѣ св. братьевъ Кирилла и Мефодія и ихъ ближайшихъ учениковъ, среди просвѣтителей славянъ выдающееся мѣсто занимаетъ болгарскій царь Симеонъ (конецъ IX и начало X в.). Онъ любилъ книги и наполнилъ ими свой дворецъ. Вокругъ Симеона организовался кружокъ просвѣщенныхъ людей (во главѣ съ знаменитымъ Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ), которые по указанію самого царя переводили съ греческаго на славянскій языкъ большое количество богослужебныхъ и религиозно-правственныхъ книгъ.

***) Самое названіе глаголицы неясно. Скорѣе всего оно происходитъ отъ славянскаго глаголати, т. е. говорить, вѣдь азбука есть средство передачи мыслей, того, что говорится.

- а) Звуковыя особенности (фонетическія),
- б) особенности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ (морфологическія особенности) и
- в) особенности въ построеніи предложенія (синтаксическія особенности).

§ 25. Носовые гласные (юсы).

Д.-ц.-славянский язык имѣлъ особые носовые звуки, извѣстные подъ именемъ юсовъ. На письмѣ они передавались при помощи буквъ: ж (юсъ большой) и а (юсъ малый). Юсъ большой произносился, вѣроятно, какъ фр. *ou* (близко къ *o^н*), юсъ же малый, какъ фр. *in* (близко къ *e^н*).

Въ XI в. на Руси въ разговорномъ языкѣ носовыхъ звуковъ уже не было и ц.-славянскія ж, а произносились, какъ чистые гласные: ж, какъ у (ю) и а, какъ я (а):

мжкъ—мужъ, мать—мять, время—время.

То, что юсы произносились съ носовымъ отглаголомъ, подтверждается.

1) Звуковымъ чередованіемъ: мать—мню; время—время, начать—начну и т. д.

2) въ нѣк. славянскихъ языкахъ др.-церк.-славянскимъ юсамъ соответствуютъ носовые звуки. Напр., польск.: сѣдъ—(судъ) произносится, какъ «сондъ», сѣкъ (сукъ)—какъ «сеякъ», пѣть—«пенць» и т. д.

Въ литературномъ языкѣ, особенно у поэтовъ, встрѣчается на ряду съ пламя (плама) и болѣе древнее пламень. У Лермонтова почти всегда.

«Насквозь прожженный видень камень,
Слезю жаркою, какъ пламень», «Демонъ» Лерм.

«Пламень чистой вѣры...» «Демонъ» Лерм.

«И пышетъ пламень боя» Жуков. «Пѣв.».

«И пламень ржавины сократъ
Ихъ племени и колыбуги» Жуков. «Пѣв.».

Для того, чтобы обозначить мягкость произношенія юса, къ нему прибавлялась при помощи черточки юта (i=ъ=й), отсюда получались буквы ѣ, ѣа: слово ѣа, ѣа же, глагола ѣа.

Знакъ юты присоединяется въ д.-ц.-славянскомъ языкѣ и къ другимъ буквамъ: ѣ (есть—есть), ѣа (яко—яко).

§ 26. О звукѣ ѣ. Въ д.-ц.-сл. языкѣ ѣ было особымъ звукомъ, отличнымъ отъ е. Это доказывается тѣмъ, что грамотные люди не путали на письмѣ данныхъ буквъ.

Возможно, что ѣ произносилось въ д.-ц.-сл. языкѣ близко къ я. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое названіе «ять» и то, что въ письмѣ некоторыхъ словъ чередуются то ѣ, то ѣа и ѣа (и): ѣдущимъ—ѣдущимъ; всѣмъ—всѣмъ (всѣмъ) ѣко (рѣдко)—яко (яко), багрянъ—багрянъ, идѣше—идѣше и т. д. Впрочемъ наши русскіе переписчики не путали ѣ съ я, а скорѣе съ е.

Какъ произносилось ѣ въ д.-ц.-сл. языкѣ, точно сказать трудно. Это, очевидно, было не вполне ясный гласный звукъ. Нынешніе болгары произносятъ его чаще какъ я («чѣлякъ» — чѣлькъ — чѣловѣкъ), русскіе (литературный языкъ) произносятъ, какъ е, многіе сербы и наши малоруссы, какъ и и ѣе.

Въ древне-русскомъ языкѣ (въ эпоху обще-русского единства) ѣ произносилось, какъ ѣе; но уже съ одинадцатаго вѣка наши переписчики вмѣсто ѣ иногда пишутъ е. (Въ „Остром. Еванг.“ — несть, себе). Въ древнихъ нотныхъ книгахъ протяжность ѣ обозначается также нерѣдко черезъ повтореніе при немъ е: „грѣ-е-е-е-е-е“...

Небольшой отглаголъ въ произношеніи ѣ сохранился до XVIII в. Ломоносовъ, желавшій упростить русскую азбуку и предлагавшій выбросить лишніи буквы (ѣ, ѣа), ничего не говоритъ о ѣ. О различіи е и ѣ говоритъ Тредьяковский, желавшій ввести звуковое правописаніе. Впрочемъ современникъ его москвитинъ Сумароковъ признается, что научился такому различію съ трудомъ.

§ 27. Чередованіе гласныхъ звуковъ. Часто въ словахъ одного и того же корня мы наблюдаемъ различные гласные звуки. Въ словахъ, напр., скочить и скакать чередуются о и а. Это явленіе носитъ названіе чередованія звуковъ.

Чередованіе звуковъ въ русскомъ языкѣ явленіе древнее, восходитъ оно еще къ древне-русскому и др.-ц.-сл. языкамъ *).

Чаще чередуются два звука, но иногда и 3—4.

Разсмотримъ слѣдующіе случаи чередованія гласныхъ.

*) Чередованіе гласныхъ восходитъ далѣе къ индо-европейскому языку. Оттуда оно перешло и въ другіе европейскіе языки, начиная съ др.-греческаго и древн. латинскаго, а потому и не является отличительной чертой русскаго языка.

1) *о* чередуется почти со всеми гласными (кроме *ю*, *ж* и *а*).

В одномъ корнѣ оно чередуется даже съ 3—4 гласными *зѣрѣти* (*ѣ*), *зерцало* (*е*), *взирать* *заря* (*а*), *зоркій* (*о*).

рыцѣи (*ѣ*), *реку* (*е*), *нарицать* (*и*), *нарѣчіе* (*ѣ*), *пророкъ* (*о*).

бѣрѣти (*ѣ*), *беру* (*е*), *собирать* (*и*), *соборъ* (*о*).
Особенно часто чередуется:

е—*о*: *теку*—*токъ* (*истокъ*), *везу*—*возъ*, *реку*—*оброкъ*.

о—*а*: *клонить*—*кланяться*, *мокнуть*—*макать*.

Для правописанія необходимо запомнить чередованіе *о* и *а* въ слѣдующихъ 5 словахъ:

о
воснуться
положить
мокнуть
сочинить
росъ

а
касаться
полагать
макать
скакать
расти

2) *з* чередуется со всеми твердыми гласными (кроме *а*):

зѣлки (*ѣ*)—*зову* (*о*)—*призываю* (*ы*)

дѣхнѣти (*ѣ*)—*дохнуть* (*о*)—*дыханіе* (*ы*)—*духъ* (*у*).

3) *ѣ* чередуется съ мягкими гласными, а также съ *о* и *а*.

Примѣры въ пунктѣ 1.

4) *а* чередуется съ *о*, *е*, *н*, *ѣ*:

заря—*зори*,

гребу—*грабити* (*грабли*),

мѣртва—*умирать*—*умереть*—*моръ*—*мѣрти*—*замаривать*.

5) *е* чередуется съ *а*, *и*, *о*, *н*, *ѣ*. Только что указанный примѣръ: *умереть*.

В настоящее время допускается чередованіе *е* и *н* только въ слѣд. словахъ:

е:
надежда
одежда
реку—изреченіе
нарекать

ѣ:
надѣяться
одѣваться
рѣчь—нарѣчіе
противорѣчить.

6) *и* чередуется съ звуками, указанными въ пунктѣ 5, но особенно часто съ *ѣ* и *н*: *пью*—*пить*; *лѣпить*—*липить*.

7) *у* чередуется съ *о*, *ѣ* и *и*:

глаголю (*ѣ*)—*гложу* (*о*)—*глухой* (*у*).

духъ—*дышать*.

Также *у* (дв. *оу*) чередуется съ *ов* и *ав*:
слоути—*слово*—*слава*.

8) *ы* чередуется съ *ѣ*, *о*, *у*. Примѣръ въ пунктахъ 6 и 2.
ы чередуется еще съ *ѣ*: *забыть*—*забывень*.

9) *н* чередуется *а*, *е*, *и*, *о*, *ѣ*. Примѣръ *мѣрти* въ пунктѣ 4.

Чаще *н* чередуется съ *и* и *а*:

висѣть—*вѣсь*;

лѣзть—*лазить*.

10) *ю* чередуется съ *ев*: *плюю*—*плевать* (дв. *плекати*).

11) *ж* чередуется съ *а*:

мѣти—*мѣжа*; *трасти*—*трѣсь*.

Отсюда: *мятеж*—*смуга*, *погрознуть*—*погрузить*, *запрягать*—*подруга*, *взять*—*узы*, *узелъ* и проч.

а еще чередуется съ *и*, *ы*, *ѣ*:

имѣ—*имени*; *възѣти*—*возму*; *начѣти*—*начѣпать*.

ж чередуется съ *ѣ*: *дѣти*—*надѣмень* (*дуть*—*надмѣнный*).

§ 28. Смягченіе звуковъ *г*, *н*, *х*.

Въ д.-ц.-сл. языкѣ и др.-русскомъ гортанные звуки *г*, *н*, *х* передъ мягкими гласными смягчались слѣдующ. образомъ.

г—*ж*—*з*: *Богъ*—*Боже*—*о* *Козъ*

н—*ч*—*ц*: *рекж*—*реке*—*рыцѣи*.

х—*ш*—*с*: *доухъ*—*доуше*—*о* *доушъ*

Нынѣшняя русская рѣчь утратила смягченіе гортанныхъ въ *з*, *ч* и *с*. Мы говоримъ: на *рукѣ*, на *ногѣ*, въ *ухѣ*, *сѣки*, *стриги* и т. д. Однако белоруссы и малоруссы сохранили это древнее смягченіе стр. 31.

Слѣды древняго смягченія можно усмотрѣть въ русскомъ языкѣ развѣ только въ словахъ: *нелзя*, *лзя* (отъ *лѣгота*), *польза* (народн. иногда *полѣга*).

«Учебникъ по исторіи русскаго языка».

§ 29. Появленіе слоговъ ги, ки, хи. Въ др.-ц.-сл. и др.-русскомъ языкахъ были только твердыя сочетанія *гы, кы, хы* (великыи, кысль (кислый), въ Киевѣ), но уже въ половинѣ XII в. появляются и наши теперешніе мягкіе слоги: *ги, ки, хи*—*гибнути, слуги, княгини, хитръ* и проч.

§ 30. Смягченіе свистящихъ з и с. Въ русскомъ теперешнемъ языкѣ сохранилось древнее смягченіе з и с въ шипящія звуки:

з — ж: прозѣть—прожу, сказать—скажу.

с — ш: просить (просьба)—прошу, писать—пишу.

§ 31. Смягченіе д и т. Звуки *д* и *т* различно смягчаются въ др.-ц.-сл. и др.-русскомъ языкахъ.

др.-ц.-сл.	русс. яз.
д смягчается въ жд	въ ж
ходити „ „ хожѣхъ	„ хожу
т смягчается въ щ *)	въ ч
хогѣти „ „ хоѣхъ	„ хочу.

Современный русскій литературный языкъ подъ вліяніемъ книжнаго языка усвоилъ длинный рядъ словъ славянскихъ (съ смягченіемъ на *ж* и *ч*). Одни изъ этихъ словъ совсѣмъ вытѣснили русскія слова, другія существуютъ наравнѣ съ русскими.

др.-ц.-сл. слова:	Русскія слова:
жд: гражданѣтъ, одежда, между, чуждый, рожденіе, прежде, сужденіе, нужда, тождество, невѣжда, угождать.	ж: горожанѣтъ, одежда, межъ, чужой, рожать, прежній, сужу, нужный, тождество, невѣжа, пригонѣтъ.
щ: вращать, могущъ, позлащеннѣтъ, стоящій, гремѣщій, освѣщеніе, сокращать, совѣщаться.	ч: ворочать, могущій, позлащенный, стоячій, гремучій, свѣча, укорачивать, отвѣчать.

Подобные славянизмы не рѣдки въ художественной литературѣ:
«Мы тождественны»... Трг. «Собака».

«Насажденныя вѣтлѣи». Лерм. «Вадимъ».

*) Должно замѣтить, что звукъ *щ* въ др.-ц.-сл. часто изображается двумя буквами: *нш* и *шч*—ночь=ночь.

«Русская покорность чуждому мѣсто» Лерм. «Кн. Литовск».

«Чтобъ я въ ночи встрѣчалъ тебя». «Звѣзда» Лерм.

«Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной».—Аксаковъ.

«Полнощныхъ странъ краса и диво». Пшк. «Мѣдн. Всадн.»

«Шлыветъ луна, царица ночи»... Пшк. «Русл. и Л.»

«Теперь отдыхай—ужъ не ступитъ нога
Въ твоё позлащенное стремѣ»... Пшк. «Вѣн. Ол.»

Однако можно встрѣтить и чисто русское «позозоченный»:

«И посередитъ Божій храмъ
Съ позозоченными главами». Козловъ. «Чернецъ».

У Козьцова встрѣчается довольно рѣдкое, но чисто русское выраженіе:

«Два года не рожался хлѣбъ». Кц. «Сирота».

§ 32. Звукосочетанія *ол, ор, ер*. Слова, имѣющія въ корнѣ *ол, ор* и *ер*, по др.-русски передавались при помощи глухихъ гласныхъ: *ѹл, ѹр, ѹр*; въ др.-ц.-сл. языкѣ эти глухіе сверхъ того стояли въ обратномъ порядкѣ: *лъ, рь, рь*.

Теперь:	ор.-русск.:	др.-ц.-сл.:
волкъ	вѹлкъ	вѹлкъ
скорѣ	скѹрь	скѹрь
смерть	сѹмръ	сѹмръ

§ 33. Полногласіе. Наикрупнѣйшею особенностью русскаго языка (древне-русскаго и современнаго), отличающаго его отъ всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ др.-ц.-славянскаго языка,—является полногласіе, т. е. произношеніе славянскихъ *ра, ла, рь* и *ль*, находящихся между согласными,—какъ *оро, оло, ере, ело*.

Русск.	др.-ц.-сл.	сербск.	чешск.	польск.
Борода	брада	брада	брада	broda
голова	глава	глава	глава	głowa
золото	злато	—	—	złoto
беречь	брътъ	бријег	břeh	brzeg

Подъ книжнымъ влияніемъ въ рускій языкъ вошло много славянскихъ словъ, не имѣющихъ полногласія:

Славян. слова:	Русскія слова:
Петроградъ, плѣнь, младшій, Владиміръ, влеку, середина, храмъ, врагъ, мракъ, храбрый, шлемъ и т. д.	Городъ, полѣнь, молодой, Волода, волоку, середина, хоромы и т. д.

Подобнаго рода славянизмовъ немало и въ русской художественной литературѣ (особенно у Лермонтова).

«Ревъ нравъ... и коней ржанье»... Држ. «Евгенію».

«Онъ душу младую въ объятіяхъ несь»... (Лермонтовъ).

«Казаться хладною и въ тишинѣ любить» (Лермонтовъ).

«Спасень и градъ, и надъ рѣкою»... (Лермонтовъ).

«Межъ тѣмъ черкешенка млада я»... (Лермонтовъ).

«Изъ тмы тѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознеси пышно, горделиво»... (Пшк. «Мѣдн. Всадн.»).

«Мелькаетъ, вьется первый свѣтъ,
Звѣздами падала на брегъ» («Евг. Онѣг.» Пшк.).

У Тургенева встрѣчается въ словахъ крестьянина рѣдкій видъ полногласія черевомъ. чрево:

«Да и барское черевъ обезпокоишь»... «Хоръ и Кал».

БОЛѢ МЕЛКІЯ ЗВУКОВЫЯ ОСОБЕННОСТИ ДР.-Ц.-СЛ. И ДР.-РУССКАГО ЯЗЫКА.

§ 34. Звуки Ф и Ѳ.

Въ др.-русскомъ языкѣ *) какъ и въ д.-ц.-сл., вовсе не было звука ф (ѳ). Давняя буквы введены были для передачи иностранныхъ словъ: кафедра, философія, фигура.

Простонародѣ (особенно белоруссы и малоруссы) и до сихъ поръ съ трудомъ выговариваетъ ф (ѳ), постоянно замѣняя этотъ звукъ то хв, то п, то х: хранцусы, Хведоръ, Пилинь, хвамилиа, хвартуль и т. д.

«Хаворонья» и «Хивря» въ «Сороч. ярмаркѣ». Гоголь употребляетъ вмѣсто «Февронія».

Простакова въ «Недорослѣ» Фонвизина не можетъ выговорить слово ариеметика:

«Арихметикъ учить его, батюшка, одинъ отставной сержантъ»... I, яв. 6.

Наше слово прохвостье образовалось отъ нѣм. Profoss (при Петръ Вели. должность полицейскаго палача) черезъ замѣну звука ф звуками хв. Позднѣ присоединено окончаніе -тъ.

Внословіи въ великорусскихъ говорахъ появился звукъ ф послѣ исчезновенія звука ь на концѣ слова и передъ отзвучными согласными **): «к р о ф ь»—кровь, «ѳ т о р н и к ь»—вторникъ, «ѳ ь три дня»—въ три дня, «лофкій»—ловкій.

§ 35. Ассимиляція (уподобленіе) согласныхъ.

Слова вторникъ, сдается, пробка мы произносимъ «ѳвторникъ», «здается», «прѳбка». Также и цѣлый рядъ другихъ словъ. Пер-

*) До сихъ поръ въ чисто-русскихъ словахъ ф встрѣчается всего 2 раза: фря, фыркаль.

**) Согласные:

I звучные:	б,	в,	г,	д,	ж,	з.
II отзвучные:	п,	ф,	к,	т,	ш,	с.

ный из двух соседних согласных уподобляется второму: если второй звуочный (б, в, г, д, ж, з), то и первый становится звуочным; если же второй отзвучный (ш, ф, к, т, ц, с), то и первый становится отзвучным.

Это явление носит название ассимиляции или уподобления звуков *).

Уподобляется всегда первый второму.

Подобной ассимиляции согласных в древности не было, и она явилась результатом выпадения глухих (з и б), ранее раздвигавших такие согласные: съдавать, вѣтхорый, пробѣка, съдѣ (здѣсь) и проч.

Выпадение глухих повлекло за собой встречу согласных; встреча же согласных сопровождалась уподоблением первого звука второму.

Кроме того, послѣ выпадения глухих, на концѣ слова звучные согласные въ произношеніи становятся отзвучными: «здоровѣ», «готовѣ», «моросѣ» и проч.

Такъ и пишутъ малограмотные.

«...рапѣ, какъ мой староста мнѣ пишетъ донесенія... (вмѣсто «Вашъ рабѣ»...). Л. Толстой. «Война и миръ».

«Бригадирѣ, какъ всѣ люди тогдашней эпохи, путался въ буквахъ «е» и «ѣ»,—писалъ: «хкомѣ», «штопѣ» (вмѣсто «слюдѣмъ» и т. д. Тург. «Бригадиръ».

§ 36. О въ началѣ словъ.

Др.-ц.-сл. ѣ (е), стоящее въ началѣ слова, въ др.-русскомъ языкѣ часто замѣняется звукомъ о.

Д.-ц.-сл. слова: кдинѣ, кже, клень, кзеро и проч.

Др.-русскія слова: одинѣ, ожѣ, оленѣ, озеро и проч.

«Единица», «единный»—это славянизмы въ русскомъ языкѣ.

«Не издаѣ не единаго звука». Трг. «Соперникъ».

«Въ единѣ день холера порѣшила». Трг. «Маша».

У поэтовъ встрѣчаются и болѣе рѣдкіе славянизмы:

«Уже пріюта между скалъ

Елень испуганный искалъ»... (Пшк. «Кавк. Пл.»).

§ 37. Отпаденіе гласныхъ на концѣ слова.

Въ древне-русскомъ языкѣ во многихъ словахъ произошло отпаденіе конечнаго гласнаго звука. Изъ ходити получилось ходитѣ; изъ буди—будѣ, изъ хотѣ—хотѣ и т. д.

Д.-ц. сл. слова:

дѣлаюся, твоея,
пустя, мати,
чтобы, однакоже,
уже, добрѣе,
тамо, тако и проч.

русскія слова:

дѣлаюсь, твоей,
пустя, матъ,
чтобы, однакожъ,
ужь, добрый,
тамъ, такъ и проч.

*) Ассимиляция не бываетъ передъ ѡ: свѣтъ.

Славянизмы подобнаго рода встрѣчаются и въ народной и художественной поэзіи.

«Не шуми, мати, зеленая дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати»... Народн. пѣсня.

«Но клянуся въ неживости ихъ». Лерм.

«За Москву-рѣку поката тися» Лерм. «Пѣсня про к. Калашн.».

«Сошались на свадьбу»... Лерм.

§ 38. Звукъ ё.

Древнее ё подъ удареніемъ въ русск. языкѣ перешло въ ѣ передъ тверд. согл. и на концахъ словъ *) вѣзь, тѣсь, житьѣи проч.

Такия слова, какъ крестѣ, вертепѣ, небо, пещера, трѣба, должно считать обрусѣвшими славянизмами.

Поэты часто допускаютъ и славянизмы даннаго рода, т. е. произношеніе твердаго е тамъ, гдѣ въ разговорномъ языкѣ слышится ѣ. Объ этомъ можно судить по приемамъ. Особенно много такихъ славянизмовъ у Лермонтова.

«И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаемъ о живленнѣй»... Лерм.

«Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ солѣ»... Лерм.

*) Послѣ шипящихъ и ц пишется въ такихъ случаяхъ ѡ: душю отцѣвъ и проч. Звукъ ц былъ ранѣе мягкимъ звукомъ, а потому передъ нимъ е не переходитъ въ ѣ: конецъ, отецъ.

вый из двух соседних согласных уподобляется второму: если второй звучный (б, в, г, д, ж, з), то и первый становится звучным; если же второй глухой (п, ф, к, т, ц, ч, с), то и первый становится глухим.

Это явление носит название ассимиляции или уподобления звуков *).

Уподобляется всегда первый второму.

Подобной ассимиляции согласных в древности не было, и она явилась результатом выпадения глухих (б и в), ранее раздвигавших такие согласные: съдавать, второй, пробька, съдѣ (здѣсь) и проч.

Выпадение глухих повлекло за собой встречу согласных; встреча же согласных сопровождалась уподоблением первого звука второму.

Кроме того, после выпадения глухих, на конце слова звучные согласные в произношении становятся глухими: «здоровъ», «госъ», «моросъ» и проч.

Так и пишут малограмотные.

«...рапъ, какъ мой староста мнѣ пишетъ донесенія... (вмѣсто «Вашъ рабъ»...). Л. Толстой. «Война и миръ».

«Бригадиръ, какъ всѣ люди тогдашней эпохи, путался въ буквахъ «е» и «ѣ», писалъ: «х ко му», «пшто ѣ» (вмѣ. чтобы) «слюдми» и т. д. Тург. «Бригадиръ».

§ 36. О въ началѣ словъ.

Др.-сл.-с. к (с), стоящее въ началѣ слова, въ др.-русскомъ языкѣ часто замѣняется звукомъ о.

Д.-п.-с. слова: кинь, кже, келень, кезеро и проч.

Др.-русскія слова: одинъ, оже, олень, озеро и проч.

«Единница», «единишъ» — это славянизмы въ русскомъ языкѣ.

«Не издаты не единого звука». Трг. «Соперникъ».

«Въ единъ день холера порѣшила». Трг. «Маша».

У поэтовъ встрѣчаются и ботѣ рѣдкіе славянизмы:

«Уже приюта между скалъ
Елень испуганный искаль»... (Шк. «Кавк. Пт.»).

§ 37. Отпаденіе гласныхъ на концѣ слова.

Въ древне-русскомъ языкѣ во многихъ словахъ произошло отпаденіе конечнаго гласнаго звука. Изъ ходити получило ходить; изъ буди — будъ, изъ хотя — хотъ и т. д.

Д.-ц. с. слова:

дѣлаюся, твоея,
пусты, мати,
чтобы, однакоже,
уже, добръе,
тамо, тако и проч.

русскія слова:

дѣлаюсь, твоей,
пусты, мать,
чтобы, однакожь,
ужь, добрый,
тамъ, такъ и проч.

*) Ассимиляция не бываетъ передъ с: свѣтъ.

Славянизмы подобнаго рода встрѣчаются и въ народной и художественной поэзіи.

«Не шуми, мати, зеленая дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думать»... Народн. пѣсня.

«Но клянуся въ неживости ихъ». Лерм.

«За Москву-рѣку покататися» Лерм. «Пѣсня про к. Казани».

«Сожлися на свадьбу»... Лерм.

§ 38. Звукъ ё.

Древнее е подъ удареніемъ въ русск. языкѣ перешло въ ѣ передъ тверд. согл. и на концахъ словъ *) вѣзъ, тѣсъ, житѣи и проч.

Такія слова, какъ крестъ, вертепъ, небо, пещера, треба, должно считать обрусѣвшими славянизмами.

Поэты часто допускаютъ и славянизмы даннаго рода, т. е. произношеніе твердаго е тамъ, гдѣ въ разговорномъ языкѣ слышится ѣ. Объ этомъ можно судить по рюмамъ. Особенно много такихъ славянизмовъ у Лермонтова.

«И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспомянемъ о живленіи ѣ»... Лерм.

«Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ»... Лерм.

*) После шипящихъ и ц пишется въ такихъ случаяхъ о: душою отцовъ и проч. Звукъ ц былъ ранее мягкимъ звукомъ, а потому передъ нимъ е не переходитъ въ ѣ: конецъ, отецъ.

Б. ГЛАВНѢЙШАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТИ Д.-Ц.-СЛ. ЯЗЫКА СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЯ.

Особенности склоненій им. сущ. Др.-ц.-сл. и древне-русскій языкъ имѣли: 1) особую форму для звательнаго падежа и 2) кромѣ нашихъ двухъ чиселъ (единств. и множественное), еще особое, утраченное нынѣ, двойственное число.

§ 39. Смѣшеніе склоненій.

Въ древне - церковно - славянскомъ и др. - русскомъ языкахъ было значительно больше различныхъ видовъ склоненій сравнительно съ теперешнимъ русскимъ языкомъ.

У насъ, напр., слова—рабъ и сынъ имѣютъ одинаковое склоненіе, а раньше склонялись различно:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
И.	рабъ	сынъ	раби	сынове
Р.	раба	сыноу	рабѣ	сыноуѣ
Д.	рабоу	сынови	ракомъ	сынѣмъ
В.	рабѣ	сынѣ	рабѣ	сынѣ
Т.	рабоу	сынѣмъ	рабѣ	сынѣмъ
М.	рабѣ	сыноу	рабѣ	сынѣхъ
З.	рабѣ	сыноу	раби	сынове
Дв. ч.		раба, сынѣ	рабоу, сынѣмъ	рокома, сынѣмъ.

Такая разница въ склоненіяхъ объясняется тѣмъ, что въ глубокой древности данныя слова имѣли разныя основы. Слово рабъ имѣло основу на о, слово же сынъ имѣло основу на ѣ (или ѣ). Позднѣе гласные о и у на концѣ основъ перешли въ ѣ и такимъ образомъ получилось совпаденіе Им. п. (рабѣ, сынѣ), повлекшее за собой совпаденіе и др. падежей.

Смѣшеніе основъ произошло и въ другихъ склоненіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ произошло и вытѣсненіе однихъ надежныхъ окончаній другими. Напр., тоже самое слово рабъ мы уже склоняемъ во множ. ч. съ окончаніями -амъ, -ами, -ахъ—окончаніями женскаго рода: рабамъ, рабамъ, рабахъ вмѣсто старинныхъ рабы, рабѣхъ.

§ 40. Звательный падежъ (ед. ч.). Первоначально зват. пад. ед. имѣлъ особія формы и только въ ср. родѣ (село! поле!) совпадалъ съ им. пад.

Древн. звательный падежъ:

Муж. р. рабе! Боже! Господи! царю!

Напр.: «Царю побѣднѣй, утѣшителью, душе»...
«Отче нашъ, иже еси»...

«Врачу, исцѣлися самъ!» Лук. 4.

Жен. р. дѣво! душе! кости! мати!

Напр.: «Въ городѣ, дѣво, радуйся»...
«Въступнице усердная мати Бога»...

Позднѣе, подъ вліяніемъ совпаденія въ среднемъ родѣ З. и И. падежей, началось совпаденіе ихъ и въ другихъ родахъ.

Теперь Зв. п. всегда сходенъ съ Им.

Исключеніемъ являются обрѣсшіе славянскіе падежи: Господи! Боже!

«Отпусти ты, старче, меня въ море», Пшк. «О рыб. и рыбакъ».

«Плохо, сыне, плохо»... Пшк. «Вор. Годъ».

«Ты, отче патриархъ... Тамъ же.

«О Боже мой, кто будетъ нами править?»—Тамъ же.

«Царю небесъ, вездѣ и присноупцій». Тамъ же.

Старинныя формы Зват. пад. сохранились въ говорахъ Бѣлорусовъ и малоруссовъ; п.ане, сынку. Малорусскій Зв. п. часто встрѣчается у Гоголя. Напр.:

— «Ивасю мой милый!» «Веч. нак. Ив. Куп.».

— «Гдѣ ты, батько?»—«Тар. Бульба».

«Что, сынку, помогли тебѣ твои ляхи?»... Тамъ же.

«Говорить онъ: Парасю, голубко!» «Сор. ярм.».

Во множ. ч. Зват. п. изстари сходятъ съ Им. п.

§ 41. **Именительный падежъ (ед. ч.).** Им. пад. въ д.-ц.-сл. и др.-рус. имѣлъ пезначительныя особенности, сравнительно съ современнымъ языкомъ.

1. Въ нѣк. словахъ ж. р. отпало конечное и: изъ мати получилось мать.

2. Изъ счастье (ср. р.) получилось счастье, изъ судія—судья и проч.

3. Слова камы и црѣкы замѣнены камень и церковь.

Славянскія слова на -и и -и въ общи вошли въ русск. литературный языкъ: благодушiе, великолѣпiе, земледѣлiе, исторiя и проч.

Наряду съ ними въ литературѣ встрѣчаются и чисто русскiя формы.

«Впередъ, впередъ моя исторiя!». Пшк.

«Я вынесъ одно убѣжденiе». Трг. «Хоръ и Кат.».

Славянскiя формы мы употребляемъ чаще, когда хотимъ показать свое благоволенiе и особое уваженiе къ упоминаемому предмету или лицу: сравн. Марiя и Марья.

«Да, вѣдь, и надъ судьей и надъ подсудимымъ есть еще Судiя». Мельниковъ. «Подпробъ».

«Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣнчанный Судiя». Лрм. «Пророкъ».

«Тостъ за здоровiе Государя Императора»...

§ 42. Родительный падежъ (ед. ч.).

Род. пад. въ д.-ц.-сл. и др.-русскомъ языкахъ имѣлъ сравнительно съ современнымъ языкомъ слѣдующiя особенности:

I. *Муж. родъ.* Одни имена существительныя имѣли род. п. на у (ю): сыну *), другiя на а (я) (вѣлка). Позднѣ произошло смѣшенiе склоненiй, и родит. пад. одного и того же слова сталъ оканчиваться и на у и на а: раза и разу.

Ломоносовъ (XVIII в.) рекомендовалъ р. пад. на у только для славянскихъ, книжныхъ словъ, а для разговорной рѣчи— на а. Спустя сто лѣтъ Бѣлинскiй уже такъ высмѣивалъ частое употребленiе род. пад. на у (у писателя Брамбеуса).

«И мнѣ кажется, что я уже слышу громкiй хохотъ свидѣтелей сѣбшснато восторгу оттого, что въ поэмѣ нѣтъ никакого размытру, а можетъ и отъ смѣшной претензiи пыхтящаго рецензенту преобразовать правописание языка, который чуждъ ему и котораго духу онъ совсѣмъ не знаетъ».

У Пушкина и Гоголя встрѣчается болѣе 50 различныхъ именъ существительныхъ съ окончанiемъ у въ род. пад.: шагу, порогу, сроку, блеску, табаку, восу, сову, броду, голоду, народу, дому, рому, перцу, шуму, товару, свѣту, спору, вздору и т. д.

«Не дасть старику мнѣ покою». Пшк. «О рыб. и рыбѣ».

«Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало». Пшк. «Русл. и Люд.».

«Не вѣдалъ счету я друзьямъ». Лерм. «Морякъ».

«Кромѣ шелку да бархату, она ничего носить не хотѣла». Тур. «Дв. гитздо».

«И не давать ему ни отдыха, ни сроку». Кр. «Дем. уха».

*) См. таблицу склоненiй: сынъ... стр. 56.

В настоящее время р. п. на *у* чаще встрѣчается въ народномъ языкѣ, въ литературномъ же беретъ рѣшительный перевѣсъ форма на *а*.

Для единообразія въ правописаніи установилось правило: въ Р. п. на *у* оканчиваются существительныя, означающія вещество, и то въ тѣхъ только случаяхъ, когда имѣется въ виду мѣра, всѣхъ или часть вещества:

кусокъ сахару } часть вещества.
стаканъ чаю

Если же нѣтъ указанія на часть (мѣру или всѣхъ), то пишется *а*: производство сахара, вкусъ чай.

Старинный род. падежъ встрѣчается въ выраженіяхъ. дать маху, съ часу на часъ, изъ виду, изъ дому, съ краю.

«Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ». Крыловъ.

«Поговорилъ бы съ нимъ съ глазу на глазъ... Остр. «Гроза».

Отъ род. пад. на *у* образовались нарѣчія: сбоку, сверху, снизу, сразу и др.

II. *Жен. родъ*. Слова съ мягкимъ окончаніемъ (см. 2-ое скл. табл., склоненій). имѣли род. пад. въ др.-ц.-сл. языкѣ на *я* (земл*я*) и *а* (доуш*а*) и въ др.-русскомъ на *ъ* (землѣ, доушѣ).

Въ настоящее время эти окончанія утрачены и замѣнены *и* (земли, души).

ъ въ род. пад. сохранилось въ народномъ языкѣ даже и въ словахъ твердаго склоненія: у сестрѣ, у мамѣ и проч.

«У голодной кумѣ только хлѣбъ на умѣ».

Литер. языкъ не допускаетъ данной формы *и*, когда, напр., критики указали Пушкину ошибку въ словахъ:

«Въ тертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Какъ у Вандиковой Мадонѣ...» («Евг. Онег.»),

то онъ согласился и исправить:

«Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ» —
здѣсь уже предложный падежъ.

III. Сущ. 4-го скл. (см. табл.) имѣли въ род. пад. е: цркъѣкѣ матери, имени камене, словессы и проч.

Въ наст. время данные слова или оканчиваются на *и* (церкви, матери, имени) или вовсе утратили старинныя формы (камня, слова).

Въ народномъ языкѣ утратили старинную форму род. пад. и сущ. на —*я*: вмѣсто литературныхъ временіи, имени въ просторѣчьи слышались нѣтъ время, безъ имя и т. д.

Данные формы попадаются и въ худож. литературѣ:

«И съ міра, и съ время
Покровы сняты»... Кпл.

«Я не имѣлъ ни время, ни охоты»... Лерм.

«Не зналъ другого имя». Лерм.

«Подобрать туманъ выше темя горы». Кпл.

«Изъ пламя и свѣта рожденное слово». Лерм.

«Какъ, любви не зная бремя,
Я живаль да похваль»... Пушкин.

§ 43. Дательный падежъ (ед. ч.).

1. Тѣ слова м. рода, что въ р. п. оканчивались когда-то на *у* (сынъ—сыну), имѣли дательный падежъ на -ови (-еви): сынови, Господеви.

Однако уже къ XI в. произошло смѣшеніе склоненій, и слово волкъ, наприм., чередуется то въ *акоу* то въ *акои*.

Теперь окончанія -ови и -еви встрѣчаются только въ рѣчи бѣлоруссовъ и малоруссовъ, особенно въ названіяхъ одушевленныхъ предметовъ: Богови, Петрови, Иисусови, Духови.

2. Въ ж. р. Дат. пад. оканчивался на *и*, кромѣ словъ твердаго склоненія (вода—водѣ), гдѣ было *ъ*.

Теперь на *и* оканчиваются только слова 3-го скл. (кость—кости), а всѣ остальные приняли окончаніе *ъ* (землѣ).

Славянская форма на *и* въ мягкомъ склоненіи встрѣчается только у поэтовъ:

«Я, царь земли, приросъ къ землѣ». Тютчевъ.

§ 44. Винительный пад. (ед. ч.).

Древний вин. пад. совпадалъ съ им. п., кромѣ словъ жен. р. на *-а* и *-я*, гдѣ опъ имѣлъ носовой звукъ въ окончаніи (водѣж, землѣж—теперь воду, землю).

Въ настоящее время в. пад. м. р. сходенъ съ им. только въ названіяхъ неодушевленныхъ предметовъ: вижу столъ; названія предметовъ одушевленныхъ приняли окончаніе род. пад.: вижу мужа вмѣсто стариннаго *киждѣ мужѣ*.

Пережита эта произошла настолько давно, что уже въ Остромировомъ Евангеліи (XI в.) встрѣчается отца, сына:

Слѣды стараго вин. пад., совпадающаго съ им., сохранились въ выраженіи: выходить за-мужъ.

«Играемъ въ карты мы въ ерошки, въ фараонъ». Држ.

«На конѣ вскоконь»... Држ. «Атаману».

Также у Пушкина встрѣчается древній вин. падежъ отъ слова конь:

«Люди на конѣ! ай, живѣ!» «Ск. о зол. пѣт». Пушкин.

Впрочемъ, если названіе одуш. предмета относится къ неодушевленному, то в. пад. можетъ быть сходенъ съ им.:

«Я рѣшился съѣхать изъ нея (географич. карты) змѣй». Пушкин. «Баю, дочка».

Наоборотъ, если имя неодуш. предмета относится къ одушевл., то вин. пад. совпадаетъ съ род.

«Языка ведутъ». Ломоносовъ.

«Въ цюва пня въ десять лѣтъ не долбилъ того, что другой ловить на полетѣ». Фонвизинъ «Недоросль».

Въ др.-цер.-сл. языкѣ въ словахъ ками, цркви, мати, дщи В. п. былъ камень, цркви, мать, дщери.

§ 45. Творительный падежъ (ед. ч.). Древній творительный падежъ имѣлъ мягкое окончаніе *-мь* (цер.-сл. ракомъ конемъ и русск. рабѣмъ, конемъ) для

муж. и ср. рода и носовое для женск. рода—(водоѣж, землеѣж, костиѣж).

Теперь тв. пад. въ муж. и ср. род. имѣетъ твердое окончаніе (рабомъ, окномъ), а въ женскомъ носовой звукъ ѣж смѣнился чистымъ гласнымъ ю (водою, землею, костью).

Кромѣ того старое окончаніе *-ю* перешло въ *-ю* (-ою) землею, душою и проч.

Какъ отзывъ старины, въ литературѣ, особенно у поэтовъ, встрѣчается тв. пад. ж. рода на *-ю*. Древнее костью вмѣсто теперешняго костью.

«Межъ тѣмъ съ боязнію лукавой
Начнемъ о мирѣ разговоръ». Лерм. «Изм.-Бѣл».

«За снѣжной цѣпью холмовъ». Лерм. «11-го июля».

«Мнѣ смертію кость угрожала». Пушкин. «Пѣснь о Вѣщ. Ол.».

«И пѣсню громкой
Лука огласимъ». Клин.

§ 46. Мѣстный (предложный) пад. (ед. ч.).

Шестой падежъ нашихъ склоненій носитъ названіе предложнаго, т. е. всегда употребляется съ предложкомъ (*оу* окнѣ, *на* окнѣ, *оу* окнѣ)... Раньше этотъ падежъ могъ употребляться и безъ предлога для обозначенія мѣста (на вопросъ *гдѣ?*), а потому и назывался мѣстнымъ падежомъ.

Въ припискѣ къ Остромирову Евангелію говорится, что князь Изяславъ правитъ «Кыевѣ», т. е. въ Кіевѣ, а «брата своего столъ поручи правити близку своему Остромиру Новѣгородѣ», т. е. въ Новгородѣ.

Особенности въ окончаніяхъ предложнаго падежа.

1. *ю* въ предложн. (мѣстномъ) пад. раньше было только въ твердомъ склоненіи (о рабѣ, на водѣ, въ селѣ); мягкое склоненіе имѣло *и* (на земли, о души, въ поли...).

Въ настоящее время *и* всюду вытѣснено *ю*, кромѣ словъ ж. р. на *о* (кость), гдѣ сохранилось *и* (о кости). *)

Теперь въ словахъ на -я (ж. р.) -и допускается только въ стихахъ:

«На земли ты знаменитъ». Држ. «Кузнецикъ».

«Скажи, мудрецъ молодой, что прочно на земли?»
Батюшковъ «Къ другу».

«Мужикъ, простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ червонецъ на земли». Крл. «Червонецъ».

«На ихъ надменной выи
Десница мстѣющая Творца». Пушкинъ. «Восп. въ Ц. с.».

2. Слова типа сынъ въ д.-ц.-сл. и др.-русскомъ языкахъ имѣли предложн. (мстгн.) надежъ на -у: сыну.

Окончаніе -у (ю) въ обилии сохранилось въ современномъ языкѣ для обозначенія мѣста (особенно послѣ предлоговъ *въ* и *на*): въ лѣсу, въ саду, на берегу, на пиру, на бадѣ, въ раю, на краю и проч. **).

Несмотря на старинное окончаніе многія формы на -у только недавно вошли въ литературный языкъ (напр., на базу). Пушкинъ исключительно употребляетъ форму на балѣ:

«На балѣ, говорятъ, какъ солнце, вы блистали». «Борисъ Год.».

«Не дай мнѣ Богъ сойти съ на балѣ
Иль при разлѣдѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шапѣ...». «Евг. Он.».

«На балѣ въ ночь вертѣтся на паркетѣ». «Сонъ».

«На балѣ» встрѣчается и у другихъ писателей первой половины XIX вѣка:

«На балѣ, помните, открыли мы...». Гриб. «Горе отъ ума». I, явл. 7.

*) Также пишется *и* въ сохранившихся славянскихъ формахъ о Маріи, о терѣннѣ... Русск. формы: о Марѣ, о терѣнѣ.

**) Предл. пад. на сѣту, совпала по окончанію съ Р. п.: возъ сѣту, почти всегда разнится отъ него въ удареніи.

Теперь принято только на балу.

Въ другихъ словахъ часто форма на *у* существуетъ наравнѣ съ формой на -ѣ:

«Въ дымѣ огонь блещетъ». Лерм. «Бородино».

«Все въ дымѣ скрылось густомъ». Лерм. «Изм.-Бей».

«Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ». Лерм. «Изм.-Бей».

«Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ». Лерм.

§ 47. **Двойственное число.** Кромѣ единственного и множественнаго числа, древне-русскій (и др.-ц.-сл.) языкъ имѣлъ еще двойственное число. Оно употреблялось, когда шла рѣчь о двухъ предметахъ или лицахъ.

Напр.:

рыбѣ—2 рыбы,

селѣ—2 села,

раба—2 раба.

Въ современномъ языкѣ есть нѣкоторые, разрозненные слѣды двойственного числа.

Слова два, двѣ; оба, обѣ—сохранившіяся старинныя формы двойственного числа.

Въ нашихъ выраженіяхъ два раба, два шага *), двѣ души, двѣ кости существительныя стоятъ не въ Род. пад., а въ древнемъ двойственномъ числѣ, только совпа-

*) То, что «два шага» стар. дв. число, а не Род. п. ед., доказывается, напр., тѣмъ, что Пушкинъ въ Род. п. всегда говоритъ шагу: «Не отходя ни шагу прочь» и только при числительныхъ употребляетъ шага:

«Зарѣкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной». «Евг. Он.».

Также Пушкинъ различаетъ:

«Промachu въ карту не дамъ» («Выстрѣлъ») и «Я далъ четыре промаха» (тамъ же).

Должно замѣтить, что позднѣе, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ, дв. ч. употреблялось и при числительныхъ три, четыре.

Учебникъ по исторіи русскаго языка.

дающемъ съ Род. пад. ед. числа. Образцы скл. дв. числа см. таблицу склоненій.

Двойственное число отличалось отъ Род. пад. прежде всего удареніемъ: два раза, два шага.

Въ Род. пад. тѣ же слова произносились: шага, ра́за.

Сохранилось до нашего времени двойственное число отъ названій парныхъ существительныхъ: *очи*, *уши*, *плечи*, *колѣни* (И. и В. пад.).

«Онѣ стали на колѣни возлѣ кровати». Лрм. «Баба».

«Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ». Лрм. «Баба».

Однако народная форма *колѣна*, *плеча* изъ разговорнаго языка и народной поэзіи проникаетъ и въ художественную литературу. «И по колѣна Святоторъ въ землю угрызъ». Былина.

«Дрожація колѣна преклоняю». Пшк. «Кам. гость».

«И первымъ свѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь». Пшк. «Евт. Он.».

«Платокъ скатился съ ея головы на плеча». Трн. «Отцы и дѣти».

Тв. пад. ж. рода двойств. ч. въ чистомъ видѣ сохранился въ выраженіи *былины*:

«Слѣзаетъ Святоторъ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама...»

Въ словѣ *двою-родный*—*двою* есть старая форма двойственного числа (Р. и М. отъ два).

Двою сокращалось въ *дву*: отсюда наши слова: *дву-улицы*, *дву-смысленный* и проч.

Отзвукомъ стариннаго двойств. числа является наше *дѣвѣсти-раше* *дѣвѣсти* и слово *воочию*. «Очию» Род. и М. пад. отъ *очи*.

Формой двойственного числа является и народное: *два дни*, *три дни*. Въ литературѣ это выраженіе встрѣчается рѣдко:

«Идѣсь есть молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни станеть». Лрм. «Вадимъ».

«Быть три часа, а въ три дни не сварится». Грнб. «Горе отъ ума».

У Державина и Жуковского довольно часто встрѣчается славянское выраженіе *крилѣ* (дв. число *) вмѣсто нашего «крылья»:

«Утасная крилѣ распира,
Махнулъ по свѣту богатырь». Држ.

Блзны лебедь встрепенулся,—
Распустилъ крилѣ свои». Ижк. «Ад.».

§ 48. Исчезновеніе двойственного числа.

Сначала были выраженія *купихъ коровѣ* (= купилъ двухъ коровъ) и *купихъ коровы* (= купилъ коровъ). Двойственное число придавало особую сжатость и точность рѣчи.

Позднѣе, когда двойственное число въ нѣкоторыхъ случаяхъ совпало съ Вин. пад. ед. (видѣхъ раба—и ед. и дв. число), для отличія къ двойственному стали прибавлять числительное *два*: *видѣхъ два раба*, *два волка*.

Числительныя (*два* и *двѣ*) появились и въ др. склоненіяхъ (напр., *двѣ кости*), а вмѣстѣ съ тѣмъ формы двойственного числа стали излишни и постепенно вымерли.

Нужно замѣтить, что формы двойственного числа употреблялись иногда и при числительныхъ: *полтора*, *три*, *четыре*.

«Быть три часа, а въ три дни не сварится». Грнб. «Горе отъ ума».

§ 49. Именительный падежъ (мн. ч.).

Др.-ц.-сл. языкъ, сравнительно съ современнымъ русскимъ, имѣлъ слѣд. особенности въ И. п. множ. ч.

1) Въ муж. родѣ вовсе не было окончанія *и*. Было:

*) Дв. число въ ж. и ср. р. оканчивалось въ И., В., Зв. на *и* и *и*.

сади, доми, раби и проч.; *и* было перенесено изъ В. пад. (подъ влияніемъ ср. и ж. р., гдѣ данные падежи сходны между собой). Появились слова: дома, рабы, сады...

Въ словахъ: черти, холопы, сосѣди ученые видятъ слѣды древняго окончанія Им. п. Однако въ разговорномъ языкѣ, да и въ литературѣ послѣдніе два слова встрѣчаются и въ формахъ: сосѣды, холопы.

«Тогда нестройные сосѣды
Отчалили своей побѣды». Лерм.

Также у Пушкина и Вѣлиисаго.
Слово холопы у Пушкина всегда на —и.

Позднѣе многія слова м. рода стали оканчиваться на —а (я): города, лѣкаря, голоса...

«А», очевидно, остатокъ стариннаго двойственного числа.

Съ утратой дв. ч. окончаніе —а стало окончаніемъ множ. ч. сначала для словъ, обозначающихъ парные предметы (рукава, бока, пологъ, берега, глаза...), а затѣмъ распространилось и на др. слова (вечера, тода, волосы...).

Бѣлорусскіе и малорусскіе говоры держатся др.-русскаго окончанія —и. Слѣды этого въ худож. литературѣ находимъ у Гоголя:

«Домы были въ одинъ, два и полтора этажа...
Мѣстами эти дома казались затерянными» (Мертв. души).

Нѣк. слова въ современномъ литер. языкѣ имѣютъ оба окончанія: хлѣбы, хлѣбѣ, цвѣты, цвѣтѣ, мѣхи, мѣхѣ и т. д. Даннымъ формамъ усвоено различное значеніе.

Слова съ окончаніемъ *ы* (и), вѣсело общепринятаго *а* (я), у поэтовъ будемъ разсматривать не какъ поэтическую вольность, а какъ старинный въ выраженіи:

«Воспоминъ, какъ въ первые вѣки
Отшельники жили...» Майковъ.

«Женихъ хоть кому, а все-таки учителя ходятъ». Фонв. «Нед.».

«Валились дома янычаровъ». Пшк.

Промчались годы заточенья». Пшк.

«Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался». Крыловъ.

2) Слова типа сынъ въ древности (слав. и русск. яз.) имѣли окончаніе Им. п. —ове: **сынѡкѣ**. Отсюда наше сыновья.

3) Въ ж. р. Им. мн. всегда совпадалъ съ Р. п. ед. Послѣ измѣненій въ Р. п. ед. (см. § 42) совершенно такъ же измѣнился и Им. мн.

§ 50. Род. падежъ (мн. ч.). 1) Въ древности (въ русск. языкѣ, какъ и въ др.-ц.-сл.) Род. пад. муж. рода оканчивался на *ѡ* и *ѡ*: рабѡ, конѡ (сходно съ Им. ед. ч.).

Слова типа сынъ имѣли окончаніе —овѡ —евѡ: сыновѡ. Съ XI в. окончаніе это начинаетъ встрѣчаться все чаще и чаще.

Теперь: столовѡ, рабовѡ и проч.

Окончаніе —евѡ въ рядѣ словъ было вытѣснено окончаніемъ —ѡи:

Вмѣсто—коневѡ, теперь—коней.

Слѣды др. формы на *ѡ* видимъ въ словахъ (Род. п.): глазѡ, аршинѡ, солдатѡ, сапогѡ, чулокѡ, человекѡ, разѡ и др.

Въ народномъ языкѣ, а иногда и въ поэзій, встрѣчаемъ и совершенно устарѣлыя формы на *ѡ*:

«Водной коровѡ Богъ рогѡ не даетъ». Пословица.

«Старѡ, зубѡ ужѡ нѣтъ». Пшк. «Домъ въ Кол.».

«Повисѡ на немѡ, и зубѡ не разжималъ». Крыловъ.

2) Въ словѣ сѣмя Р. мн., вопреки древнему окончанію (—сѣнѡ), оканчивается на —янѡ: сѣмянѡ.

Въ народномъ языкѣ и въ поэзій окончаніе —янѡ распространяется и на др. слова ср. рода на —мя:

«Хваленыхъ дѣдовскихъ временѡ». Пшк. «Евг. Он.».

«Какъ изъ стремянѡ вы выпилѡ его». Пшк. «Скуп. рыц.».

3) Въ народномъ языкѣ наблюдается стремленіе замѣнить всѣ окончанія Род. пад. мн. однимъ —овъ (—евъ): барышневъ, родителей, мѣстовъ, дѣловъ, съ сердцовъ и проч.

«Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни лѣсьмовъ—ничего, говорить, этого нѣтъ». Горб. «Лѣсь».

«Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублей». Фонв. «Нед.».

«А сколько ты жалованья получаешь?»—спросилъ я.
— Тридцать пять рублей и пять рублей на сапоги...»
Трг. «Контора».

§ 51. Дат. падежъ (мн. ч.). Въ настоящее время Д. п. во всѣхъ родахъ во мн. ч. имѣетъ окончаніе —амъ (ямъ): столамъ, рукамъ, окнамъ; въ древности онъ оканчивался въ муж. и ср. р. на —омъ и —емъ (—ямъ): столѡмъ, окнѡмъ, путѡмъ. Позднѣ окончаніе женскаго рода —амъ (—ямъ) вытѣснило всѣ другія окончанія.

Слѣдовъ стариннаго окончанія муж. и ср. рода въ совр. языкѣ крайне мало.

По дѣломъ вору и мука.

«По дѣломъ тебѣ, старый певча». Пшк. «Ск. о рыб.».

«Имъ по дѣломъ была и честь». Крыловъ. «Гуси».

«Въ Псалтырѣ именно напечатано: И знакъ на службу чело-вѣкомъ». Слова Кутейкина въ «Недор.» Фонвизина.

«А дѣвѣ Татьянѣ по дѣломъ...» Трг. «Контора».

§ 52. Винит. пад. (мн. ч.). Въ настоящее время В. мн. сходень съ И. п. (для неодушвл. понятій—вижу столы) и съ Р. п. (вижу братьевъ—одуш. понятія). Въ древности В. имѣлъ свои окончанія (см. таблицу склоненій). Окончаніе И. мн. —ы (и): столы, какъ видѣли (§ 49), есть въ сущности окончаніе древняго В. п.

Слѣды древняго Вин. пад. на ы (и) можно видѣть въ выраженіяхъ: вышеть въ люди, въ мальчики, въ солдаты, и пр.

«Плохъ—говорить—у насъ солдаты,
Когда не мѣтитъ въ генералы». Омулевскій.

«Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животно спасая». Крыловъ.

«Даль чинъ ассессора и взялъ въ секретари». Гриб. «Горе отъ ума».

«Подай ему побѣду на враги». Б. Год.». Пшк.

«Здѣсь подъ окномъ, надѣвочки,
Играть изволятъ въ дурачки». «Евг. Он.». Пшк.

«Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темпу почъ». «Бр. разб.». Пшк.

Въ сибирскихъ народныхъ говорахъ слышится древняя форма В. п.: пасу коровы, стригу овцы и проч. Тоже и у малороссовъ.

«—Что-жъ, отдавай воли за двадцать». Гог. «Сор. ярм.».

§ 53. Твор. пад. (мн. ч.). Теперешнее окончаніе Тв. пад. —ами (—ямъ): столами, руками, окнами—въ древности принадлежало только жен. роду: руками; въ муж. и ср. родѣ были свои окончанія —и и —и: рабы, селы, кони.

Слова типа путь и кость имѣли окончаніе —ьми: путьми, кутьми.

Въ современномъ языкѣ сохранились слѣды древнихъ окончаній Тв. падежа.

«Съ дубовыми, тесовыми вороты»... Пшк. «Сказка о рыб.»

«Варосла дорога лѣсы Брянскими». Былина.

«Дому владыкъ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы».
Слова Кутейкина въ «Недор.» Фонвизина.

«Пуго съ товарищи». Пшк. «Домъ въ Кол.».

«Бьетъ челоуъ сыннико боярскій Ленишко съ товарищи».
«Сказка о Ершѣ Щет.»

Форма костью (и подобныя) встрѣчаются и въ разговорномъ языкѣ, и въ литературѣ (даже и въ словахъ, гдѣ не было -ми).

«Клятушки съ плотно закрытыми дверьми». Трг. «Деревья».

«День цѣлый за звѣрьми тонялся». Козловъ. «Чернецъ».

«Какъ проку, который гремитъ костью». Пшк. «Ск. рыц.»

«Ни славою, ни почестями не льстится». Крыловъ. «Орелъ и пчела».

Въ современномъ литературномъ языкѣ окончаніе -ми принято только въ трехъ словахъ: людьми, дѣтьми и лошадьми.

«Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться». Грѣб. «Горе отъ ума».

«Нѣсколько тѣтъ, заприженныхъ разнузданными лошадьми,
шибко натились по узкому проселку». Трг. «Отцы и дѣти».

«Опалаканный своимъ соедомъ,
Дѣтьми и вѣрюю женою...» Пшк. «Евг. Оп.».

Въ народномъ языкѣ и эти слова оканчиваются на -ямъ. Людьями, впрочемъ, встрѣчается и у Кольцова.

Принято говорить: гвоздями, звѣрьми, когтями, козырями, королями и проч.

Однако въ поэзіи встрѣчаются и отступленія въ сторону окончанія -ми:

«И такъ я отобралъ три масти корольми.
По краю лишь мою убили козырьми». Майковъ. «Игрокъ».

Народному языку во многихъ мѣстахъ (особенно Пск. губ.) свойственъ неправильный Т. п. на -ъ: съ руками, съ ногамиъ.

Отзвукомъ его въ художественной литературѣ является слѣд. форма въ «Конекъ-Горбункѣ» Ершова:

«Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ
Съ бородою и съ усами».

§ 54. Предложн. (мѣстный) пад. мн. ч.

Въ настоящее время въ Предл. пад. (какъ и въ Д. и Тв.) господствуютъ окончанія ж. рода -ахъ и -яхъ: о рукахъ, земляхъ, столахъ, окнахъ и проч. Окончанія -ѣхъ (о рабѣхъ, селѣхъ) и -ихъ (о конихъ, полихъ) исчезли.

Въ полуславянской рѣчи Кутейкина въ «Недоростѣ» Фонвизина встрѣчаемъ: «Притча во языцѣхъ». У Тургенева въ путевой формѣ: «Темна вода во облацѣхъ». «Новъ», XIV тл.

§ 55. Зват. пад. (мн. ч.). Зв. пад., какъ и теперь, во всѣхъ родахъ во множ. числѣ былъ сходенъ съ Им. пад.

Зв. пад.	Им. пад.
«Вы, отроки-друзи, возьми коня». Пшк. «Вѣщ. Ол.»	«И отроки топча съ конемъ отошли». Пшк. «Вѣщ. Ол.»

«Смотрите, дѣти, на него, какъ онъ угрюмъ...» Дрм. «Пророкъ».	«Прибѣжали въ избу дѣти...» Пшк. «Утопленникъ».
---	---

§ 56. Исчезновеніе среднего рода въ народномъ языкѣ.

Въ русскомъ языкѣ имена существительныя дѣлятся на три рода: мужескій, женскій, и средній. Есть языки (напр., французскій), въ которыхъ вовсе нѣтъ словъ среднего рода. Въ разговорномъ языкѣ нашихъ крестьянъ наблюдается постепенное выпаденіе (правда, далеко не полное) среднего рода. Говорятъ «адна поля», «златая сонца», «духовная училища», «малая дитя», «одинъ яблокъ», «черный облакъ» и проч.

Еще въ началѣ XVII в. Ксения Годунова писала:

«У насъ моровая повѣтряя».

Въ литературномъ языкѣ большинство словъ ср. рода на -ко имѣетъ мн. число на -и (окончаніе муж. р.), а не на -а: яблоко—яблони, очко—очки, окошко—окошки и проч. Нѣкоторыя изъ такихъ словъ и въ Р. п.

принимают мужское окончание -овъ: очковъ, яблоковъ, облаковъ, ушковъ *).

Въ народномъ языкѣ это окончание распространено еще шире: мѣстовъ, дѣловъ, съ сердцовъ.

Въ Им. п. мн. ч. мужескія окончанія -ы и -и (вмѣсто -а и -я) изъ народного языка проникаютъ и въ литературу:

«И ей служилъ въ былыя лѣты». Баратынскій.

«Все тѣ жъ кругомъ поля, озера». Кал. «Къ рѣкѣ».

«Одинъ проваль младенческія лѣты». Лрм. «Изм.-В.».

«И кольца русыя кудрей
Вѣдутъ, на плеча ниспадая». Лрм. «Олегъ».

«Не погонять ни за какія блага». Трг. «Однодв. Овс.».

«Не ихъ ли кровью омыты
Твои булатныя копыты». Пшк. «Опричн.».

*) Въ литературѣ встрѣчаются двояко: яблокъ и яблоковъ, облакъ и облаковъ:

«Изъ облакъ мѣсяцъ золотой.
Выходить ратникъ молодой». Пшк. «Кольна».

«По небу много облакъ бродить». Тютчевъ.

«Рѣдѣть облаковъ летучая гряда». Пшк.

«Красть дарскихъ яблокъ воръ не приходилъ». Жуковъ.

«На кааедру летитъ градъ яблоковъ и фигъ». Батюшковъ.

«Изъ саду вѣяло осенней свѣжестю п запахомъ яблоковъ.
Трг. «Мой сос.»

Форма облаки, распространенная у писателей рубежа XVIII—XIX вв., теперь вытѣснена формою облака.

Какъ народный элементъ, а не грамматическія ошибки (и не „поэтическія вольности“) должно разсматривать выраженія Пушкина: веслы, чернилы, стойлы, крылы, жалы, копыты и др. Много подобныхъ выраженій и у Лермонтова: вины, знамены, паникадилы.

Многія слова въ унизительной формѣ ранѣе принимали окончаніе -ишко, замѣненное нынѣ -ишка: домишко замѣнено домишка, изъ городишко получилось городишка и т. д.

Форма *азъ* была смягчена въ *язъ* и сокращена позднѣе въ наше *я*. *Азъ* сохранилось въ шутовомъ выраженіи:

„*Азъ грѣшный*“.

Въ литературѣ *азъ* встрѣчается въ передачѣ славянскаго и древнерусскаго языка:

«И *азъ*, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
За тѣ, аки воду, лихъ и лихъ...» «Вас. Шиб.». А. Толст.

Въ «Недоростѣ» Фонвизина Митрофанушка читаетъ Часословы:
«*Азъ* же есмь червь...» И далѣе:

«*Азъ* есмь скотъ...»

Древняя форма Род. пад. мене сохранилась у малороссовъ.

«Немного помолчавши, заиграѣ онъ (Левко) и запѣлъ:
Сонце вызенько, вечеръ близенько,
Выйди до мене, мос серденько!». Гоголь. «Майск. ночь».

Въ древне-русскомъ (какъ иногда и въ теперешнемъ народномъ) языкѣ были и формы тебя, себя, тобѣ, собѣ.

§ 58. Мѣстоименіе 3-го лица.

Мѣстоименіемъ 3-го лица въ др.-ц.-сл. языкѣ было *и* (=онъ), *я* (=она) и *е* (=оно).

Въ Именит. пад. это мѣстоименіе употреблялось только съ частицей *же*: иже, яже, еже и имѣло значеніе: который, которая и проч.

«И *азъ*, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
За тѣ, аки воду, лихъ и лихъ...» «Вас. Шиб.». А. Толст.

На современномъ языкѣ было бы:
«И я, который лилъ кровь за тебя...»

Уже съ древности И. п. началъ замѣняться указательнымъ мѣстоименіемъ онъ, она, оно (драткал форма къ оный, оная, оное).

Мѣстоименія.

§ 57. Личныя (и возвратное) мѣстоименія.

	Ед. число.			Мн. число.	
И.	<i>азъ</i>	ты	—	мы	вы
Р.	<i>менѣ</i>	<i>тебѣ</i>	<i>себѣ</i>	<i>васъ</i>	<i>васъ</i>
Д.	<i>мнѣ</i>	<i>тебѣ</i>	<i>себѣ</i>	<i>намъ</i>	<i>вамъ</i>
	<i>ми</i>	<i>ти</i>	<i>си</i>	<i>ны</i>	<i>вы</i>
В.	<i>менѣ</i>	<i>тебѣ</i>	<i>себѣ</i>	<i>ны</i>	<i>вы</i>
	<i>ма</i>	<i>та</i>	<i>са</i>		
Т.	<i>мѣноу</i>	<i>тобоу</i>	<i>собоу</i>	нами	вами
М.	<i>мѣнѣ</i>	<i>тебѣ</i>	<i>себѣ</i>	насъ	васъ

Дв. число: И. въ, ка; В. на, ка; Р. М. наю, кю;
Д. Т. нама, кама.

Наибольшую особенностью прежняго склоненія личныхъ мѣстоименій являются краткія формы Д. и В. пад.: ми, ти, си, мя, тя, ся.

Краткія (нѣсколько иныя) формы личныхъ мѣстоименій есть и въ современномъ народномъ языкѣ и въ литературѣ, въ передачѣ разговора простонародія:

«И те сына вышлаю; онъ те проводить». Пшк. «Мятель».

«Аль хмель вчерашній еще у тѣ не прошель». Пшк. «Гробовщикъ».

«А кто те жѣмаетъ?—отвѣтила Лиза». Пшк. «Бар.-кр.».

Наибольшую особенностью склонения мѣстоименія 3-го лица (см. табл. склонений) былъ В. п. ед.: вмѣсто *его* было *и*; вмѣсто *ее* было *ѣ* (ю) и въ ср. родѣ было *ѣ*.

Послѣ предлоговъ данное мѣстоименіе принимало (какъ и теперь) и: за него, къ нему и т. д. Въ м. р. послѣ предлоговъ въ ед. ч. «и» сокращалось въ *ѣ* («на *нѣ*»=на него).

Въ народной рѣчи мѣстоименіе *онъ* послѣ предлоговъ можетъ быть и безъ парашенія и—«къ ей», «къ ему», «объ ѣмъ» и т. п.

«Такъ и слуховъ *объ ѣмъ* пѣть...» Горб. «Пост. дв.».

«И куда ты *отъ ей* не уйдешь...» Тамъ же.

«Богъ съ *ими*, другъ сердечный!» Горб. «На праздн.».

§ 59. Мѣстоименіе *кѣи* (кѣй), *каѣ*, *коѣ*.

Древнее мѣстоименіе *кѣи* почти совершенно исчезло изъ современнаго литературнаго языка. Въ народномъ языкѣ оно приняло видъ *кой*, *каѣ* (*коѣ*), *коѣ*.

Въ литературѣ данное мѣстоименіе чаще встрѣчается въ передачѣ славянскаго и народной рѣчи:

«*Кой чортъ!*—подумалъ я,—теперь
И мы попробуемъ!» Пшк. «Гусарь».

«А *кой* тебѣ годикъ?»—Шестой миновалъ...
Негр. «Мужичокъ съ поготокъ».

«Ты, *коѣ*му судьба дала
И смѣлый умъ, и духъ высокій...» Пшк.

Особенно распространены выраженія: «до *коѣ*хъ поръ» и въ «*кой-то вѣки*».

«Въ *кой-то вѣки* дождался я Аркаши...» Трг. «Отцы и д.».

«Безумный Донъ-Жуанъ! До *коѣ*хъ поръ
Играть тобой воображеніе будетъ...» А. Толст.

§ 60. Народныя мѣстоименія.

Въ народной рѣчи существуетъ длинный рядъ своихъ особыхъ мѣстоименій, уклоняющихся отъ принятыхъ въ языкѣ образованнаго общества.

Въ художественной литературѣ народныя мѣстоименія встрѣчаются только въ передачѣ разговора крестьянъ:

«Есть съ горы слушать моги...» Трг. «Стучить».

«Этого нельзя въ расчетъ не принять-ст!» Трг. «Контора».

«Охота вамъ, баринъ, объ *эфтихъ* предметахъ разговаривать».
Трг. «Разговоръ».

«Мамка то *евѣнная* (т. е. его) въ столицѣ нанялась...» Гл. Усп.

«Вытребовать изъ дома *ейнихъ* (т. е. ея) отца и мать...»
Гл. Усп.

«И отъ крика *ихняго* у него еще нуще сердце разгорается...»
А. Толстой.

Въ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургенева встрѣчается слѣдующее разсужденіе:

— Слыхали мы эту пѣню много разъ,—возразилъ Базаровъ,—но что вы *эти* хотите доказать?

— Я *эфтимъ* хочу доказать, милостивый государь... Павелъ Петровичъ, когда сердился, съ намтрѣпемъ говорилъ: «*эфтимъ*» и «*эфто*», хотя очень хорошо зналъ, что подобныя словъ грамматика не допускаетъ. Въ этой причудѣ сказались остатки Александровскаго времени. Тогдашніе тузы, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда говорили на родномъ языкѣ, употребляли, одни—*эфто*, другіе—*эхто*: мы, моль, коренные русаки, и въ то же время мы вельможи, которымъ позволяется пренебрегать школьными правилами...»

Замѣчено, что мѣстоименіе *этотъ* въ народномъ языкѣ приспособляется къ предшествующему согласному звуку (происходитъ ассимиляция звуковъ):

въ *этомъ*,
«съ *этимъ*»,
«вонъ *энтотъ*»,
«къ *эхтому*».

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ.

§ 61. Образование прилагательныхъ съ полнымъ окончаніемъ.

Наши прилагательныя имѣютъ то полныя окончанія (добрый, добрая, доброе), то краткія (добръ, добра, добро). Въ древности въ ц.-сл. языкѣ были только одни краткія имена прилагательныя. Полныя окончанія появились отъ сліянія прилагательныхъ съ мѣстоименіемъ 3-го лица: *и, я, е*:

добръ+и дало добрыи и позднѣе: добрый;

добра+я=добра я; добро+е=доброе и т. д.

Это сліяніе прилагательныхъ съ мѣстоименіемъ лучше всего прослѣдить на Род. п. муж. рода:

добра его слилось въ добраго (-его въ силу уподобленія гласныхъ перешло въ -аго).

Позднѣ добраго сократилось въ добраго (произошло стяженіе двухъ гласныхъ въ одинъ *).

То же наблюдается и въ др. падежахъ (см. табл. склоненій).

Д. пад. въ ц.-сл. яз. имѣлъ окончанія -ууму и уму, въ др.-русскомъ же языкѣ появляются гласныя окончанія *ому* и *ему*.

*) Примеры окончанія Р. п. Въ Зографскомъ Евангелии (XI в.) читаемъ: «наваго завіта», въ Остромъ Евангелии «новаго завіта», а въ Саввиномъ Еванг. (также XI в.) уже «новаго завіта». Однако, въ др.-русскомъ яз. (не ц.-слав.) Род. пад. имѣлъ -ого (-его); нового, дѣтскаго, лучшаго и проч.

§ 62. Склоненіе краткихъ прилагательныхъ.

Краткія им. прилагательныя раньше имѣли полное склоненіе, а теперь сохранились только въ Им. п. (онъ добръ, земля сыра и проч.).

Однако въ народномъ языкѣ и иногда въ литературѣ (главнымъ образомъ у поэтовъ) встрѣчаются слѣды склоненія им. прилагательныхъ съ краткими окончаніемъ:

И. п.:

«И море билось съ влажнымъ дномъ,
И черна бездна загоралась...» Лрм. «Коре».

«Ворота тесовы растворились». Каз. «Кр. пир».

Р. п.:

«Не стыдно-ль, говорить, средь бѣлы дня
Попался!...» Кра. «Чижъ и Голъ».

«Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?» Пшк.

Д. п.:

«...По презрѣнью слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ тодь опять заиду...» Пшк.

«Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ...» Пшк. «О мертв. цар».

В. п.:

«Нашель онъ полощъ дворъ услуги...» Пшк. «Евг. Он».

«Ты не пой, косарь,
Про широку степь». Каз. «Не шуми».

«Волшебный край! Тамъ въ стары годы...» Пшк. «Евг. Он».

«Восточны пѣсни напѣвали». Лрм. «Кавк. пл».

Отъ различныхъ падежей краткихъ прилагательныхъ образовались наши многочисленныя нарѣчія: сырава,

Учебникъ по исторіи русскаго языка.

сдуру, сполна (Р.); налегкѣ, вдалькѣ (П.); по-добру, по-здорову (Д. п.) и т. д.

§ 63. Прилагательныя съ окончаніемъ -ой.

Въ ц.-сл. языкѣ не было окончанія *ой* (слѣпой, больной...), а только окончаніе -ый (слѣпый).

Славянскія окончанія встрѣчаются въ литературѣ, особенно, когда идетъ рѣчь о Богѣ и о предметахъ церковныхъ, также въ разговорѣ дух. лицъ:

«И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопаѣ твоимъ, святой отецъ, принадлежи». Пшк. «Бор. Год».

«Благослови меня, честный отецъ». Пшк. «Бор. Год».

Окончаніе *-ой* отличительная черта великорусскихъ говоровъ; малоруссы и бѣлоруссы имѣютъ старинныя формы на -ый (стр. 39, § 9).

Теперь въ литературномъ языкѣ *-ой* только подъ удареніемъ: слѣпой, больной и проч., у поэтовъ же (особенно первой половины XIX в.) постоянно встрѣчаемъ *-ой* и безъ ударенія *).

«Незваной гость,
Долой съ двора!
Не мной другъ,
Не знай меня». Кпл.

«Мой другъ случайной». Лрм. «Демонъ».

«Когда казалось онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокой». Лрм. «Демонъ».

«Гдѣ запыль бѣлоспѣшной
Смелся съ фальшой вѣжной». Пшк.

§ 64. Особенности Р. пад. муж. и ср. рода. Теперь въ русскомъ языкѣ имена прилагательныя оканчиваются

* У Лермонтова почти всегда *-ой* вмѣсто *ый*, хотя позднѣйшіе издатели его трудовъ во многихъ случаяхъ сдѣлали поправки на *ый*.

въ Р. пад. на -аго (добраго) и подъ удареніемъ на -о́го (слѣпо́го). Первое окончаніе ц.-славянскаго происхожденія; случилось оно, какъ видѣли, изъ слиянія —а+его (добра+его); окончаніе же -о́го особенность русскаго языка.

Окончаніе *-ого* вошло въ литературный языкъ совсемъ недавно. Раньше писали славянское *-аго* даже тамъ, гдѣ ясно слышится -о́го, напр., другаго, инаго, святаго и проч.

Славянизмы подобнаго рода изрѣдка мелькаютъ и въ современной русской поэзіи, но особенно ихъ много у писателей XVIII вѣка и первой половины XIX в.

«Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика...» Держ. «На рожд. порф. отр.»

«И храма святаго
Сіяющій крестъ». Колы.

«Вамъ людямъ молодымъ
Другаго нѣту дѣла...» Гриб. «Горе отъ ума».

Должно замѣтить, что въ литературномъ языкѣ установилось сѣв.-великорусское произношеніе Р. падежа съ звукомъ *о* вмѣсто *о́*: „слѣпово“, „иновов...“ Также и въ мѣстоименіяхъ: „твоево“, „своево“ и проч.

Подобныя окончанія распространились и у части ю.-великоруссовъ, при чемъ конечное *о* перешло въ *а*, если на немъ нѣтъ ударенія: „инова“, „добрава“ и т. д.

Эти разговорныя окончанія встрѣчаются и въ поэзіи, особенно съ народнымъ оттенкомъ:

«Постою за правду до послѣдней!»
Лерм. «Пѣсни о купцѣ Калашн.»

«Не видать милова друга». Пшк. «О мертв. царевнѣ».

«И все прошло, какъ бредъ больнова». Лерм. «Маск.»

«Ты не найдешь родныхъ, ни кровя
И даже... на груди другога
Не будешь счастлива опять...» Лрм. «Ангель смерти».

§ 65. Древній Род. пад. жен. рода.

У поэтовъ постоянно встрѣчается древній Род. пад. жен. рода на **ья** и **ія**: мудрыя змѣи, правды чистыя и проч.

«И жало мудрыя змѣи...» Пшк. «Прор.».

«Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученье...» Лерм. «Пр.».

«... Подъ скипетромъ великія жены». Пшк. «Восп. въ Ц. С.».

«Подъ вѣтвями пустыниа рѣбины». Лрм.

«По рыданія звучали
Вплоть до бѣзѣи зари...» Лерм.

«Украины вольныя сыновъ». Каз. «Ноч. чум.».

«При свѣтѣ полныя луны». Жук. «Гаральдъ».

§ 66. Степени сравненія. Въ древне-русскомъ и ц.-славянскомъ языкахъ имена прилагательныя имѣли нѣсколько иныхъ степеней сравненія, чѣмъ въ настоящее время.

Окончанія теперешней превосходной степени (умѣйшій, величайшій) были окончаніями сравнительной степени, превосходная же степень образовывалась посредствомъ **пре-** (**прѣ-**) и **наи-**:

пре-добрый, пре-красный, наи-большій, наи-лучшій.

Много такихъ формъ вошло въ нашъ литературный языкъ.

Въ народныхъ говорахъ есть и другія представки для образованія превосходной степени (раз-, на-): раз-удалый, рас-прекрасный, на-большій...

Должно замѣтить, что уже въ древности сравнительная степень утратила надежныя и родовыя окончанія и теперь не согласуется съ существительными въ родѣ, числѣ и падежѣ:

столь больше стула
скамья больше стула
окно больше аршина.

Въ др.-ц.-сл. языкѣ было бы: столь **болій**, скамья **колыши**, окно **коме**.

Въ настоящ. время ср. степень оканчивается на неизмѣняемыя **-ѣ** и **-е** (добрѣе, лучше), а превосходная на **-ѣйшій**, **-айшій** и **-шій** (сильнѣйшій, легчайшій, лучшій). Превосходная степень имѣетъ полное склоненіе, подобно именамъ прилагательнымъ.

Въ народныхъ, сѣв. великорусскихъ говорахъ въ ср. степени слышится **-ли** и **-ле** вмѣсто **-ѣ**: полныя, скорые, сильныя... Изъ писателей въ свое время допускали эту форму Тредьяковский, Сумароковъ и Ломоносовъ. Въ настоящее время эта форма недопустима вовсе.

Превосходную степень мы часто образуемъ добавленіемъ словъ „самый“, „изъ всѣхъ“, „всѣхъ“: самый умный, лучше всѣхъ и проч.

Данныя слова мы иногда прибавляемъ и къ формѣ превосходной степени: самый величайшій, самый лучшій и т. д.

У Гоголя встрѣчается любопытная форма превосходной степени (съ тройнымъ усиленіемъ):

«Панамъ подчасъ захочется такого, что и самый наи-грамотнѣйшій человекъ не разберетъ». «Віи».

РОДОВОЙ ЧЛЕНЪ.

§ 67. Утрата родового члена. Во французскомъ языкѣ для обозначенія рода передъ существительнымъ ставится членъ: для муж. рода *le* и *un* и для женскаго *la* и *une*: *le père*, *la mère* и т. д.

Эти члены есть не что иное, какъ слѣды старинныхъ (латинскихъ) указательныхъ мѣстоименій (*ille*—этотъ и *illa*—эта). Въ точномъ переводѣ на русскій языкъ *le père* было бы „этотъ отецъ“ въ отличіе отъ *un père*—одинъ (лат. *unus*) отецъ.

Подобные члены-мѣстоименія есть и въ нѣм. языкѣ (*der*, *die*, *das*; *ein*, *eine*, *ein*) и въ др. языкахъ.

Въ глубокой древности и славяне при именахъ существительныхъ ставили мѣстоименія, играющія роль члена: и, я, е (—онъ, она, оно); ть, та, то (—тотъ, та, то) и „одинъ“ (сокращенное въ -инъ).

Однако въ славянскихъ языкахъ родовой членъ ставился не передъ существительнымъ, а послѣ него *).

Мы и до сихъ поръ указательныя мѣстоименія постоянно ставимъ послѣ существительныхъ: «Иза эта построена...» «Домъ тотъ уже сгорѣлъ...»

«Такъ и пустынику тому
Наскучило жить вѣчно одному...» Крл.

«Златая цѣпь на дубѣ томъ». Пшк.

* Члены ставятся также послѣ существительныхъ еще въ языкахъ румыскомъ и шведскомъ.

«Какъ можно не страдать,
Малюткамъ этихъ вида...» Крл.

«Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть...» Пшк. «Домъ въ К.».

«Втапору Волхъ онъ догадывъ былъ». Былина.

Родовой членъ, стоящій послѣ существительнаго, употребляется въ соврем. болгарскомъ языкѣ: човѣкъ-*тъ*, жена-*та*, дѣте-*то* и во мн. човѣци-*тъ*, женѣ-*тъ*, селѣ-*та*.

Въ русскихъ народныхъ говорахъ, особенно у сѣв.-великоруссовъ, постоянно можно наблюдать слѣды родового члена: баба-*та*, бабу-*ту*, глаза-*тъ*, глазамъ-*тъ* (особенно Вят. губ.; см. „Искл. прот. Аввакума“).

«Мостъ-о-тъ нашъ каковъ». Крл.

«Въ ученѣи прокъ-о-тъ не великъ». Грлб.

Слѣдомъ члена „одинъ“ является окончаніе -*инъ*: господи-*нъ*, бари-*нъ*, татарин-*нъ*, армянин-*нъ*.

Во множественномъ числѣ слово одинъ не имѣло бы смысла, а посему и окончаніе -*инъ* исчезаетъ: господа, баре, татары, армяне и проч. *).

Въ славянскихъ языкахъ членъ могъ употребляться и при прилагательныхъ и при мѣстоименіяхъ (*добръ-и*—добрый, *добра-я*—добрая... *Онъ-и*—онъ, *она-я*—она и т. д.).

Прилагательныя съ полнымъ окончаніемъ (*добрыи*) носятъ названіе членныхъ, въ отличіе отъ нечленныхъ (краткихъ) именъ прилагательныхъ (*добры*).

§ 68. Частицы -*сь* и -*съ*. Какъ слѣдъ прежняго члена—мѣстоименія *сей*, *сія*, *сіе* (*сь*, *си*, *се*), можно разсматривать приставочную частичку -*сь* въ выраженіяхъ: *днесъ* (=въ сей день), *мѣсь*, *почесъ*, *утросъ* (*ночь-сь*, *день-сь*). ☞

*) Посему нельзя производить отъ слова «русичъ» множ. ч. «русичи». Последняго слова нѣтъ и въ народномъ языкѣ.

Всѣ подобныя выраженія можно замѣнить и сложными съ мѣстоименіемъ „этотъ (сей)“: въ это утро, въ эту ночь, этимъ лѣтомъ и т. д.

«Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесъ его могила...» Жуков. «Пѣв.»

«Дѣти лѣто съ воронье гнѣздо разорили...»
Горб. «На больш. дор.»

Однако съ данной членной частицей **-съ** нельзя путать **-съ** частицы, сократившейся изъ „сударь“ *).

Слушаю-съ—слушаю, сударь!

буду-съ—буду, сударь, и т. п.

Частицей **-съ** пострить «лавейскал» рѣкъ Молчалина въ «Горе от ума» Грибоедова.

Почти къ каждому слову прибавляетъ **-съ** и учтивый Владимиръ изъ дворовыхъ въ разсказѣ Тургенева «Лѣтній».

«— Глупый человекъ-**съ**,—промовилъ онъ, когда тотъ ушелъ,—совершенно необразованный человекъ, мужикъ-**съ**, больше ничего-**съ**. Дворовымъ человекомъ его назвать нельзя-**съ**... и все хвасталъ-**съ**... Гдѣ-жъ ему быть актеромъ-**съ**, сами изволите разсудить-**съ**! Напрасно изволите безпокоиться, извоили съ нимъ разговаривать-**съ**...»

Тургеневскій помѣщикъ въ «Гамлетѣ» Штирлицкаго уѣзда понимаетъ частицу-**съ** («слово—ерикъ»), какъ признакъ вѣжливости.

«Всѣ начали обращаться со мной грубовато... не дослушивали моихъ разсужденій и, говоря со мной, уже «слово—ерика» не употребляли...»

§ 69. Родовой членъ передъ существительными.

Древне-русскій языкъ не чуждъ былъ и родовыхъ членовъ, стоящихъ, подобно французскому языку, передъ существительными. Слѣды такихъ членовъ обильны въ народной поэзіи:

*) Слово «сударь» и «осударь» имѣетъ въ русскомъ языкѣ и другія сокращенія: написанія «Одѣдоръ—осу Ивановичъ», «князь Дмитрей—осу Ивановичъ» (XVIII в.) значили: «Одѣдоръ—осударь Ивановичъ», «Дмитрій—осударь Ивановичъ», «Я—су, простите своровалъ».—Прот. Аввакумъ.

Здѣсь же относится и наше—*ста* (изъ *-ста*) въ выраженіяхъ: по-жалуй-*ста*, «мы—*ста*»... «я—*ста*»...

«Всѣ ли здѣсь?—спросить незнакомецъ.—Всѣ ли—*ста* здѣсь?—повторя староста.

Всѣ—*ста*—отвѣчали граждане...» Пшк. «Ист. с. Горохина».

«Какъ изъ славнаго города изъ Муромъ
Изъ *того* села Корачарова...
А и выгхалъ Илья со двора своего
Во *тѣ* ворота широкія...
А и слышала соловей-разбойникъ
Тово ли тоу конинаго
Отъ *той* ли поѣздки богатырскія...» Былина.

«И съѣлъ на пазаты бѣлокаменны,
На *тѣ* на пазаты парскія,
Къ *тому* царю Индѣйскому
И на *то* окошечко косячатое...» Былина.

«Безъ бою, безъ драки великия,
И безъ *того* кровопролитія напраснаго...» Былина.

Также и слово одинъ въ смыслѣ нѣкоторый (сходно съ нѣм. *ein* и фр. *un*) постоянно употребляется въ русской поэзіи передъ существительными: „Въ одинъ прекрасный день...“

«Въ *одной* знакомой улицѣ
Я помню старый домъ». Полонскій.

«Въ *одно* прекрасное июльское утро...» Тург. «Смерть».

«Верстахъ въ пятнадцать отъ моего имѣнія, живетъ *одинъ* мнѣ знакомый человекъ, молодой помѣщикъ...» Тург. «Буринистръ».

ГЛАГОЛЬ.

§ 70. Особенности др.-русских глаголовъ. Глагольные формы въ др.-русскомъ и др.-ц.-славянскомъ языкахъ были однѣ и тѣ же, за исключеніемъ 3-го лица, гдѣ въ русскомъ языкѣ издревле было мягкое **-ть** (онъ несеть, они несуть), въ др.-ц.-сл. же языкѣ **-тъ** (несетъ, несутъ).

Древне-русскій языкъ сравнительно съ нынѣшнимъ имѣлъ:

1) двойственное число для передачи дѣйствія, относящагося къ двумъ предметамъ (напр., **раба ведета конь** = 2 раба ведутъ коня). Двойственное число исчезло къ XIV в., вмѣстѣ съ исчезновеніемъ его въ склоненіяхъ (§ 48).

2) Древне-русскія спряженія отличались обиліемъ формъ, особенно для передачи прошедшаго времени (§ 74).

§ 71. Настоящее время. Настоящее время въ др.-ц.-сл. и др.-русск. языкахъ спрягалось съ нѣкоторыми особенностями сравнительно съ нашимъ временемъ:

нынѣшній русскій языкъ.	др.-ц.-сл.	древне-русскій языкъ.
несу	несѣ	несу
несешь	несешн	несешь
несетъ	несетъ	несеть (несе)
несемъ	несемъ (и)	несемъ *)
несете	несете	несете
несутъ	несутъ	несутъ

*) Въ др.-русскихъ памятникахъ часто встрѣчаются формы 1 л. мн. ч. на **е** и **о**: несеме, несемо; есме, есмо.

Форма на **о** распространена у сербовъ и болгаръ и нѣк. др. славянъ. У насъ она обычна у малоруссовъ. См. стр. 36.

Кромѣ того, др.-ц.-сл. и др.-русск. языки имѣли еще двойственное число: 1 л. **несевъ**, 2 л. **несета**, 3 л. **несета**.

Въ др.-русск. языкѣ форма на **-въ** замѣнялась и формой на **-ва**: **несева**.

Окончаніе третьяго лица ед. **-тъ** (тъ) можетъ опускаться. Примеры этого встрѣчаются уже въ древнихъ рукописяхъ: бере, напише, хоще. Данная форма является вполне обычною въ спряженіи малороссійскихъ глаголовъ, въ великорусскихъ же говорахъ она встрѣчается только какъ жѣстное явленіе:

«Може его и не влзти... Горб. «Лѣтъ».

«Онъ въ первый разъ **но**»,
Машетъ правою рукою,
Во другой онъ разъ **ног**,
Машетъ лѣвѣю пуховой...» Л. Толст. «Казакъ».

§ 72. Спряженіе глаголовъ на **мь** *). Наст. время отъ глаголовъ **быти**, **глаголи** (исти), **дати**, **вѣсти** (знать) въ др.-ц.-сл. языкѣ имѣло особое спряженіе:

	теперь:	
іесмь	дамъ	дамъ **)
іеси	даши	дашь
іестъ (др.-р. есть)	дастъ	дастъ
іесмь (и іесмы)	дамы	дадимъ
іесте	дасте	дадите
сжтъ, (суть).	дадаты	дадутъ.

Настоящее время отъ **быти** почти совершенно исчезло изъ русской рѣчи. Сохранились только **есть** и **суть**. „Есть“ утратило значеніе 3-го лица ед. и можетъ употребляться при подлежащемъ любого лица, особенно въ народной рѣчи:

«Что мы за люди **есть**...» Горб. «Разв. житъ».

«Какіе вы такіе люди **есть**?» Горб. «Пост. дв.».

*) Окончанія данныхъ глаголовъ наиболее древни, сравнительно съ глаголами типа **несу**, а потому ихъ принято называть архаическими глаголами или «архаическими» (т. е. древними) спряженіями.

**) Теперь имѣетъ значеніе будущ. времени.

Другія лица наст. времени отъ быти встрѣчаются въ поэзіи съ религиознымъ оттѣнкомъ, да иногда въ былинахъ (особенно *еси*).

«Я *есмо*—конечно *есъ* и ты... Держ. «Богъ».

«Ой вы гой *еси*, братцы - ребитунки!
Мнѣ что на заставушкѣ устояти». Былина.

«Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
— Гой *еси* вы, мужики Повгородскіе!» Былина.

«Вы дочере *есте* купецкія...» Нар. пѣсня.

Въ малорусскомъ нарѣчій встрѣчается только форма *еси*:

«Добре *еси*, мій кобзарю!» Нар. пѣсня.

Форма „не есь“ дала „нѣсть“, а позднѣе „нѣтъ“ и „нѣту“.

«Пустое, Еремѣвна! *Нѣсть* грѣха въ куреніи табака...»
Фонв. «Нед.».

«Но голова у насъ, какой во всей Россіи *нѣту*...»
Гриб. «Горе отъ ума».

Отъ глагола *вѣсти* сохранилась древняя форма „вѣсть“ въ выраженіяхъ: „Богъ вѣсть...“, „не вѣсть...“

«И не *вѣсть* что наскажетъ». Гриб. «Горе отъ ума».

§ 73. Будущее время. Будущее время какъ въ др.-п.-сл., такъ и въ русскомъ языкѣ имѣетъ то же спряженіе, что и для настоящаго времени:

Наст. вр.	беру	берешь	береть...
Буд. вр.	возьму	возьмешь	возьметъ и т. д.

Будущее сложное (напр., „буду писать“) въ др.-п.-сл. языкѣ образовывалось съ помощью глаголовъ буду, имамъ, стану, пачьну, хочу.

Въ наше время будущее сложное образуется только съ глаголами буду и стану. Въ канцелярскомъ языкѣ сохранилось выраженіе „имѣть сказать“ *).

«Буду думать, что случашь
Ты въ чужомъ краю...» Ярм. «Дол. п.».

«Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою...» Ярм. Тамъ же.

§ 74. Прошедшія времена. Д.-п.-сл. и древне-русскій языки имѣли слѣдующія прошедшія времена. Въ настоящее время изъ нихъ сохранилось только 3-е и 5-е, отбѣченные нами прифтомы.

Прошедшія простыя:	1. Аористъ: любихъ.
	2. Преходящее время любмахъ.
Прошедшія сложныя:	3. Прошедшее совершенное: любиль іесмы.
	4. Давнопрошедшее время могло образовываться двояко:
	а) любиль бѣхъ (или бѣхъ).
	б) бѣхъ іесмы любиль.
	5. Прошедшее условное: любиль бѣхъ, любиль бы...

§ 75. Аористъ. Аористъ соответствуетъ нашему прошедшему времени совершеннаго вида. Имъ обозначается законченное дѣйствіе; переводится формами: сказалъ, сдѣлалъ.

Аористъ (греч. слово) называютъ иногда по-латыни Perfectum.

Аористъ спрягался слѣд. образомъ **).

*) Слѣды вспомогательнаго глагола *имамъ* сохранились въ малороссийскихъ спряженіяхъ. См. стр. 36.

) Дв. ч. 1 л. **любиховѣ, несоховѣ
2 л. **любиста, несоста**
3 л. **любиста, несоста.**

Гласная основа: <i>люб-</i>		
1 л. ед.	ЛЮБИХЪ	
2 " "	ЛЮБИ	
3 " "	ЛЮБИ	
1 л. мн.	ЛЮБИХСМЪ	
2 " "	ЛЮБИСТЕ	
3 " "	ЛЮБИША	

Согласная основа: <i>нес-</i>	
несохъ	
несе	
несе	
несохсмъ	
несосте	
несоша	

§ 76. Слѣды аориста въ живомъ языкѣ. Единственными остатками аориста въ живомъ русскомъ языкѣ являются: 1) междометіе „чу“ и 2) частица „бы“.

«Чу!—2 лицо аор. отъ глагола *чути* (чуять) со значеніемъ: слышишь!»

«Чу!—пушка грянула». А. Толст. «Осада Тр. л.».

«Тише, *чу* гитары звонят!..». Пшк. «Исп. ром.».

«Чу! Въ рошѣ голосъ заунывный...» Майк. I, 6.

Частица «бы»—это старинная форма 3-го лица аор. отъ глагола *быти* *). Въсѣтъ съ формой *на-и* аористъ *быхъ*, *бы...* давалъ прошедшее условное время: *ходилъ бы*, *любилъ бы*.

Поэтому-то до сихъ поръ частица *бы* употребляется только для обозначенія прошедшаго времени. Значеніе 3 л. ед. числа частица *бы* утратила и можетъ стоять при глаголѣ любого числа. *Бы* сокращается иногда въ *бѣ*. *Захотѣлъ бы*, *повеселился бы*:

«Когда *бы* жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить *захотѣлъ*,
Когда *бѣ* мнѣ быть ономъ, супругомъ.
Пріятный жребій *повеселился...*» «Евг. Оп.».

Настала бы... *оживило бы...*

«Ахъ, если *бы* спорѣ день *насталъ*
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можетъ, и меня оно *бы оживило...*» Крл. «Вас.».

§ 77. Формы аориста у поэтовъ.

У поэтовъ иногда встрѣчаются древнія формы аориста для передачи книжно-славянской рѣчи (чаще у лицъ духовнаго сословія):

*) Аористъ отъ *быти* см. таблицу спряженій.

Взлелехъ бы яко пѣсь ко вечеру...» Фонв. «Нед.».

«Уста твои всегда *плачюша* гордыню, нечестивый...» Тамъ же.

«*Приде* грѣхъ велий на языци земни...» Пшк. «Б. Год.».

«И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ,
За тя, аки воду *ляхъ* и *ляхъ...*» А. Толст. «В. Шиб.».

«Надо французовъ взять, чтобы своя своихъ *позлаша* и своя своихъ *побиваша...*» Л. Толст. «Война и миръ», ч. I, 24 гл.

§ 78. Преходящее время. Такъ называлась глагольная форма, соответствующая нашему прошедшему времени несовершеннаго вида и латинскому *imperfectum*.

Вѣдннмъ признакомъ преходящаго времени являются двойныя соединительныя гласныя: *аа*, *ѣа*, *иа*: *читаахъ*, *несѣахъ*, *любиахъ*.

Въ древне-русскомъ языкѣ чаще встрѣчались стяженные (сокращенныя) формы: *читахъ*, *несѣхъ*, *любиахъ*.

Образецъ спряженія преходящаго времени:

Ед. ч.	<i>читаахъ</i> — <i>читахъ</i> <i>читааше</i> — <i>читаше</i> <i>читааше</i> — <i>читаше</i> *)	М. ч.	<i>читаахсмъ</i> — <i>читаахомъ</i> <i>читааше</i> — <i>читаше</i> <i>читаахъ</i> — <i>читаахъ</i>
Дв. ч.	<i>читаахъѣ</i> — <i>читаахъѣ</i> <i>читааша</i> — <i>читаша</i> <i>читааше</i> — <i>читаше</i>		

§ 79. Исчезновеніе преходящаго времени. Преходящее время, являясь какъ и аористъ, главнымъ образомъ книжной формой исчезло изъ разговорной рѣчи еще раньше аориста. Оно уже не встрѣчается вовсе въ русскихъ памятникахъ XIV в.

*) Въ др.-русскомъ языкѣ довольно обычна форма для 3-хъ лицъ на -тъ—окончаніе заимствовано отъ формъ настоящаго времени. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» встрѣчаемъ: *башеть* (*ближе* отъ глагола *быти*), *помяхуть* и др.

Единственнымъ слѣдомъ его въ наше время является частица *быи*, образованная изъ древней формы *бѣи* (3 л. отъ глаг. *быти*), сокращавшейся уже въ древности то въ *быи*, то въ *бѣи*.

«— Такъ о чемъ *быи* и говорили?»—продолжалъ онъ припоминая.
Л. Толст. «Казань».

«И?—А гдѣ *быи*?.. да тутъ же *быи* съ вами». Лрм. «Вадимъ».

§ 80. Прошедшее совершенное. Прошедшее совершенное по смыслу было близко аористу, но образовывалось уже сложнымъ путемъ. Оно состояло изъ несклоняемаго причастія *) на -лъ, -ла, ло, ли, (сидѣлъ, сидѣла, сидѣло) и наст. вр. отъ глагола *быти*: сидѣлъ есмь, еси, естъ и т. д.

Позднѣ вспомогательный глаголѣ отпалъ, и осталось одно причастіе сидѣлъ, сидѣла...

Въ наше время въ грамматикахъ русскаго языка данное причастіе разсматривается уже просто, какъ прошедшее время.

«Се азъ Метиславъ *послѣи есмь*»... (грамота XII в.).

«А се азъ Всеволодъ *далъ есмь*»... (грамота XII в.).

«Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ

Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?» «Вас. Шиб.» А. Т.

Однако уже въ старину глаголѣ *быти* часто опускается:

«На чѣмъ *цѣловали* отци ваши и наши крестъ» (Новг. гр. XIII в.).

«Цѣловали» здѣсь употреблено вмѣсто «цѣловали сущ».

§ 81. Исчезновение аориста. За преходящимъ временемъ скоро вымеръ и аористъ. Общ. формы совершенно исчезли изъ живого языка на рубежѣ XIV—XV вв.

Прошедшее совершенное (§ 80) вытѣснило аористъ слѣд. образомъ:

Прошед. совер.:	Отцѣ купилъ естъ землю	} Отцѣ купилъ землю.
Аористъ:	Отцѣ купи	

Глаголѣ «естъ» сталъ все чаще и чаще пропускаться, и выше приведенныя фразы скоро приняли такой видъ:

Отцѣ купилъ землю.

Отцѣ купи землю.

*) См. § 91, «Причастіа».

Сходство повело къ смѣшенію данныхъ формъ и въ результатѣ осталась всего одна изъ нихъ:

Отецъ купилъ землю.

Форма на -лъ восторжествовала, какъ вообще болѣе частая въ русскомъ языкѣ (напр., прилагательныя: кисть (кысль), голъ, смѣлъ и т. д.). Кромѣ того, аористъ издавна употреблялся болѣе въ книжной, а не разговорной рѣчи.

Давнопрошедшее время. (Plusquamperfectum).

Давнопрошедшее время могло образовываться двояко:

1) Бѣахъ коупилъ, класи коупилъ и т. д.

Бѣахъ могло сокращаться въ *бѣи*: бѣхъ купилъ...

2) Быхъ иссмъ коупилъ, была иссмъ коупилъ и т. д.

Глаголѣ иссмъ могъ быть пропущенъ и тогда получалась форма: быхъ купилъ, была купила и т. д.

Давнопрошедшее время довольно часто и правильно употреблялось еще въ XV в. „Пришли были до гробу“. („Стр. Госп.“), „Насадилъ былъ Богъ рай“. (Библ. Скоряны).

Интересно, что и въ соответствующемъ латинскомъ текстѣ видимъ тотъ же Plusquamperfectum: plantaverat Deus paradisi.

Давнопрошедшее время встрѣчается въ древней литературѣ до Кантемира включительно (первая половина XVIII вѣка):

«Еще не обѣдалъ было народъ, а улица тѣсна была».
(I, 104).

Въ настоящее время единственными остатками давнопрошедшаго времени являются выраженія „жили-были“, „взялъ-было“ и под.

«Одинъ было прохожій камень *взялъ*»... Крл. «Пр. и Соб.».

(Ворона) позавтракала было *совѣтъ* ужъ собралась... Крл.

«Собаки, которымъ такъ было *запѣлось* меня съѣсть»...
Трг. «Бѣж. лугъ».

«Учебникъ по исторіи русскаго языка».

Слѣдами давнопрошедшаго времени являются и южно-русскія выраженія:

«Я дав бывъ» (Малоруссы).

«Я быў даў» (Бѣлоруссы).

§ 83. Прошедшее условное (сослагательное). Въ др.-ц.-сл. и др.-русскомъ языкахъ прошедшее условное (или какъ теперь принято называть — сослагательное наклоненіе) имѣло слѣдующее полное спряженіе:

	прежде:	теперь:
я	читалъ быхъ	читалъ бы
ты	читалъ бы	читалъ бы
онъ	читалъ бы	читалъ бы
мы	читали быхомъ	читали бы
вы	читали бысте	читали бы
они	читали быша	читали бы

Какъ видно, наша частица „бы“ („читали бы“) есть не что иное, какъ слѣдъ спряженія прежняго условнаго прошедшаго времени.

«Бы» утратило значеніе 2 и 3-го лица ед. ч. уже очень рано и въ рукописяхъ XIII в. употребляется безразлично при любомъ числѣ.

Теперь частица *бы* можетъ сокращаться въ *бъ*:

«Я—*бъ* отвѣтилъ»...

„Бы“ мы употребляемъ только при глаголахъ, стоящихъ въ прошедшемъ времени:

«Когда *бы* жизнь домашнимъ кругомъ

Я ограничить *засотъ.бъ*...» Евг. Он.»

Какъ исключеніе «бы» можетъ стоять и при неопределенномъ наклоненіи, употребленномъ въ смыслъ прошедшаго времени:

«*Бытъ бы* мнѣ теперь дома»=*былъ бы* я теперь дома.

«Вамъ, искателямъ невѣсть, не жениться и не звать *бы*...»

Григ. «Горе отъ ума».

§ 84. Будущее совершенное время. Изъ причастія на -лъ и глагола *буду* образовывалось будущее совершенное время:

я буду началъ

ты будешь началъ

онъ будетъ (или *буде*) началъ и т. д.

«Что *будешь слышелъ*, и ты то сказывай прямо». Грамота XVI в.

«Кто *будеть началъ*, тому платити». Грамота XIII в.

Единственнымъ слѣдомъ будущаго совершеннаго въ наше время является „буде“, употребляемое часто въ смыслѣ союза „если“: „буде онъ сказалъ“...

«Буде» употребительно въ канцелярскомъ выраженіи «буде возможно»...

«Буде можно, дайте ему знать». Карамзинъ.

§ 85. Повелительное наклоненіе.

Древнее повелительное наклоненіе оканчивалось въ ед. числѣ (2 л.) на -и: бери, хвали, слыши.

Въ рѣдкихъ случаяхъ—на *бъ*: *намъдъ*, *даждъ*, *виждъ*.

Въ настоящее время пов. накл. на -и оканчивается только въ тѣхъ словахъ, гдѣ было надъ -и удареніе: неси, хвали. Безъ ударенія же -и замѣнилось -ь (послѣ согласныхъ): сидь, кинь и й (послѣ гласныхъ): дай, слушай *). Эти же окончанія переходятъ у насъ и во множ. число: глядите, киньте, дайте.

Древнее множ. число (и двойств. ч.) имѣло примѣты и или *бъ*: *берымъ*, *берете*; *хвалимъ*, *хвалите*.

У поэтовъ и въ народномъ языкѣ встрѣчаемъ нѣкоторые отклоненія отъ указанныхъ формъ. Вмѣсто обычнаго *поди*:

«Встань, дѣдушка, *поди*

Ты въ Умилчъ-градъ»... Пушкинъ. «Б. Гд.»—

встрѣчается форма *подь*:

«*Подь* поближе, что прик жешь?».— Пушкинъ. «Ск. о зол. пѣтѣ».

*) Какъ исключеніе, на *ь* оканчивается одно слово *лягь*, ляте.

Видно *млад* встречается *млад*:

«Глядь—поверх текущих водь
Лебедь бѣлая плыветъ»... Пшк. «О царѣ Салт.».

«Собьдуться—младъ—лазучки ужъ и вьется»... Пшк. «Б. Год.».

Пов. накл. 1-го лица множ. ч. мы замѣняемъ будущимъ временемъ, поставленнымъ въ началѣ предложенья (подъ логическимъ удареніемъ):

Пойдемъ въ лѣсъ по грибы!

Иногда добавляемъ сюда частицы *-те* (особенно для вѣжливости) и *-ка*:

«Да здѣсь должны быть тетерева. *Съезьмите -ка*»...
Трг. «Черт. и П. ».

«Ребята! не Москва-ль за нами?
Уйремъ те-жъ подь Москвой»... Лрм.

«*Пойдемте-ка*, госнода, и мы, а то становится сыро».
Чех. «Чайка».

§ 86. Употребленіе повел. наклоненія. Пов. накл. 2-го лица ед. ч. (напр., *млади, ходи*) постепенно утрачиваетъ значеніе 2-го лица и въ живомъ языкѣ иногда употребляется и при прочихъ лицахъ (замѣняя часто другія глг. формы).

Ед. ч.

1 л. Я *младъ* впередъ: на козлахъ, понуривъ голову, согнувъ спину, сидитъ, какъ истуканъ Филоеи...» Трг. «Стучитъ».

2 л. «Скажи мнѣ, вѣтка Палестины, Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?»...
Лрм.

3 л. «Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь! *Цельте* твоя держава»...»
Жук. «Пѣв.»

«А онъ все смѣйся и друтихъ смѣши»... Трг. «Однодв. Овс.».

«Лишь мнѣ бы ладно было, а тамъ,—весь свѣтъ *гор* огнемъ».
Крл. «Юн. и Ляг.»

Множ. ч.

1 л. «Если мастеръ писать: *Пить* мы пѣсни *давай*»... Кольц.
«Хут.»

2 л. «*Поклонись, цвѣты*, головой землѣ!» Кольц. «Кос.».
«А затыну, а *вы* не *отставай*»... Крл. «Парнасъ».

3 л. *Будь* они въ нуждѣ, я бы помогъ имъ»... Абад. сл.

§ 87. Неопредѣленное наклоненіе. Древнее неопр. наклоненіе оканчивалось на—*ти* (иногда на—*уи*: рещи-сказать); въ настоящее время *и* удерживается только въ глаголахъ съ основой на согл. звукъ: *нес*—*ти*, послѣ же гласн. звука будетъ —*ть*: сидѣ-ть, бѣжа-ть и проч.

Старинныя формы встрѣчаются у поэтовъ и въ народной поэзін.

«Грѣхъ великъ христіанское има *нареши* такой поганой твари!»
Пшк. «Евд. и Ел.»

«Стали медвѣжата промежъ собой *шрати*»... Пшк. «Начало сказки».

«Милыхъ дѣтушекъ не *родити*»... Пшк. «Нач. ск.»

«Сталь Вольга тутъ *покрикивати*, козлакомъ Вольга сталь *помашивати*»... Был.

Въ живыхъ народныхъ говорахъ окончаніе —*ти* стремится вовсе вытѣснить окончаніе —*ти* (даже и зъ словахъ съ согл. основой). Говорятъ: *принестъ, потрасть* и т. д.

Эта народная особенность встрѣчается и въ художественной литературѣ.

«Ты *перенестъ* меня вели въ нашъ садъ»... Лрм. «Мц.»

«Какъ будто долженъ былъ *принестъ* онъ рѣчь любви нѣкь смерти вѣсть» Лрм. «Исп.»

«Друзей съ собой на плаху *вссть*». Пшк. «Плг.»

«Я старше былъ пятью годами и *вынестъ* больше брата могъ». Пшк. «Бр. разб.»

По аналогіи съ формами на —*тъ*, въ народномъ языкѣ и глаголь *идти* принимаетъ форму «идтѣтъ». Форма эта раньше встрѣчалась, какъ исключеніе, и у поэтовъ (при предпологахъ); теперь она недопустима.

«Двое, встрѣтѣтъся, *разойтѣтъся* не могутъ». Фонв. «Нед.»

«Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года — имъ не *сойтѣтъся* никогда...» Лрм. «Мл.»

«Не *разойтѣтъся* ль полюбовно?...» Пшк. «Евг. Оп.»

§ 88. Достигательное наклоненіе. Отъ неопр. накл. должно отличать достигательное наклоненіе. Оно оканчивалось на —*тъ*: воевать (неопр. *воевати*), сѣять (сѣяти).

Употреблялось достиг. накл. для обозначенія цѣли при глаголахъ движенія (напр., идти, ѣхать, бѣжать): *приде нѣс къ полнишѣ крѣстѣтъ са стѣ шегѣ*.

Теперь достиг. наклон. всюду замѣнено неопредѣленнымъ накл.

Не путать три формы:

- 1) *З личо: покланѣтъся* (теперь: онъ поклонится).
- 2) *Неопр. накл.: покланѣтѣтъся* (теперь: поклонятся).
- 3) *Достиг. накл. прилѣхъкъ покланѣтъся*.

Отъ глаголовъ, подобныхъ *склещи*, дост. накл. оканчивается на —*тъ*: *склещѣтъ*.

§ 89. Причастія. *) Въ русскомъ языкѣ имѣются слѣдующія виды причастій:

*) Самое названіе причастіе есть переводъ греческаго (*μετοχὴ*) латинскаго *participium*. Причастіями называются слова, одновременно *причастныя* двумъ частямъ: рѣчи: глаголу и имени: говорящій, дѣлающій.

Дѣипричастіемъ называютъ слова, причастныя только «дѣйствию», т. е. глаголу: говоря, дѣлая. Принято опредѣлять причастія, какъ отглагольныя прилагательныя, и дѣипричастія, какъ отглагольныя нарѣчія.

	наст. время	прошедшее время
Дѣйств. зал.	дѣлающій	дѣлавшій
Страд. зал.	дѣлаемый	дѣланный, битый.

Однако наши причастія значительно отличаются и отъ др.-ц. славянскихъ и отъ др.-русскихъ.

§ 90. Причастіе на —щій. Наши причастія съ окончаніемъ —*щій*: говорящій, дѣлающій и под. являются остатками ц.-славянскихъ формъ. Русскому языку свойственны причастія на —*чій* (гремучій, жгучій), разсматриваемыя теперь въ грамматикахъ, какъ имена прилагательныя.

Простонародье и до сихъ поръ почти не употребляетъ въ своей рѣчи причастій на —*щій* или же путаетъ ихъ съ превосходной степенью прилагательныхъ, оканчивающейся на —*ишій* и —*аишій*:

«Покая нѣтъ лошадамъ ни *малышюшю*...» Слова крестьянина у Тургенева «Разговоръ»...

«*Глубочающій* и душевный привѣтъ»... Изъ письма крестьян. Каз. губ.

Форма «злющій» вошла въ литературный языкъ.

«Дѣвка была простая, Ситовскаго десятскаго дочь, да такая *злущая*». Трг. «Малиновая вода».

«Черна, какъ сапогъ, *злуща*, какъ собака, а глаза... уголья!» Трг. «Отчаянный».

Съ большимъ трудомъ усваиваетъ простонародье и книжную форму на —*щійся*. Отсюда постоянныя ошибки: «небьющая посуда», «учащѣ ребята», «кунающія лошади» и под.

Впрочемъ смѣшеніе формъ —*щій* и *ищійся* встрѣчается и въ литературѣ.

«Иль то капли дождевыя *зачинающій* грозы?»... Тютч. «Въ душн. возд.»

«Дочь ихъ... приведена была къ побѣдѣ, распорядившему казнью ея родителей»... Пшк. «Ист. пугач. б.»

§ 91. Причастія прош. вр. дѣйств. залога. Въ др.-ц.-славянскомъ и др.-русскомъ языкахъ были двойныя причастія прош. вр. дѣйствительнаго залога:

1) *склоняемое причастіе*: *знахъ* (м. р.), *знахъши* (ж. р.), *знахъ* (ср. р.). Полной формѣ данного причастія соответствуетъ наше: знавшій, знавшая, знавшее.

Причастіе на *—шій*, напр., *примедшій*, книжная формѣ (настѣдѣ ц.-слав. языка). Будь она русской формой, была бы «о», а не «с» *примедшій*. Такъ данная форма и слышится въ некоторыхъ великорусскихъ говорахъ. См. § 9, 4.

2) *Несклоняемое причастіе* оканчивалось на *—ль* и измѣнялось только по родамъ и числамъ: *зналь*, *знала*, *знало*; мн. ч.: *знали*.

§ 92. Причастія на *—нный*. Причастія на *—енный* — славянизмы, которымъ въ русскомъ языкѣ соответствуютъ формы на *ѣнный*.

«Какихъ былъ хѣтъ царевичъ *убиенный*?» Пшк. «В. Год.»

«Черивѣтъ ржавый престъ, *собенный* напоромъ бури и дождей...»
Лерм. «Дем.»

У Пушкина чередуются славянизмы *окровавленнѣнный*, *потопленнѣнный* съ русскими формами: *окровавленнѣнный*, *потопленнѣнный*.

«По *окровавленнѣнной* травѣ бѣжитъ съ намѣренѣемъ жестокии»
Пшк. «Русл. и Л.» 3.

«Съ пожомъ въ рунахъ, *окровавленнѣнный* сидѣлъ на камнѣ гробовомъ». Пшк. «Цыгане».

Для правописанія важно запомнить правило: въ причастіахъ на *—нный* сохраняется гласный звукъ неопредѣленнаго наклоненія:

Общать — общанный
потерять — потерянный
осмотрѣть — осмотреннѣнный.

Только *—ить* переходить въ *—енный*
развѣситъ — развѣшеннѣнный.

Также на *—енный* глаголы съ двойнымъ окончаніемъ *—ать* и *ить*.

сажать } посаженнѣнный
садить }

Многія изъ причастій на *—ный* утратили значеніе глагола (стали именами прилагательными, и пишутся пишутъ съ однимъ нъ):

<i>жвленнѣнный</i>	<i>сученнѣнный</i>	<i>ученнѣнный</i>
<i>вареннѣнный</i>	<i>равеннѣнный</i>	<i>смысленнѣнный</i>
<i>жареннѣнный</i>	<i>суженнѣнный</i>	<i>званнѣнный</i>
<i>золоченнѣнный</i>	<i>жженнѣнный</i>	<i>жданнѣнный</i>
<i>граненнѣнный</i>	<i>бженнѣнный</i>	<i>названнѣнный</i>
<i>мошеннѣнный</i>	<i>береженнѣнный</i>	<i>мороженное</i> } Имг.
<i>тканнѣнный</i>	<i>пряденнѣнный</i>	<i>приданое</i> } сущ.

§ 98. Дѣепричастія. Въ др.-русскомъ языкѣ, какъ и др.-ц.-славянскомъ, вовсе не было дѣепричастій. Образуались они изъ краткихъ формъ причастій.

1. Наши формы *видя*, *увидѣвъ* есть не что иное, какъ II. пад. ед. муж. рода древняго краткаго причастія. Однако данныя формы утратили значеніе и падежа и рода *) и могутъ быть употребляемы безразлично при любомъ подлежащемъ:

Я, увидя брата, вышелъ.

Она, увидя брата, вышла.

Мы, увидя брата, вышли и т. д.

2. Дѣепричастіе на *—ши* (видѣвши) есть не что иное, какъ множ. число Им. п. м. рода отъ соответствующаго краткаго причастія.

3. Дѣепричастія на *—учи* и *—ючи* **) изъ народнаго языка проникаютъ и въ художественную литературу, особенно съ народнымъ оттѣнкомъ.

Въ «Пѣснѣ про купца Калашникова» Лермонтова встрѣчаются слова: *распѣваячи*, *играючи*, *разоглоччи*, *тирючи*.

«Говорить мнѣ другъ, *прощалоуись*». Кольц. «Пѣсня».

«И сидишь, глядишь *улыбаюуись*». Кпл. «Доля бѣдн.»

*) Причастія, не согласясь съ подлежащимъ, начали употребляться довольно рано — уже въ XI в.

**) У сѣв.-великорусовъ и малорусовъ встрѣчаются дѣепричастія на *—е*: *питающе*, *збудише* (мал.).

«Долгое время онъ жилъ *припивоучи*». Трг. «Дуракъ».

«Ншу красивыхъ мѣстъ между дѣлей и розъ, средь сада храмъ жезломъ *чертающе*». Дрк.

Обычная форма въ баснях Крылова:

«И *сберегаючи* хозяйскій домъ, здѣсь подъ заборомъ сплю...»
«Двѣ соб.»

«Что люди, *живучи* въ богатыхъ теремахъ...» «Форт. и ниц.»

«И *озираючи* товарищей кругомъ, дѣлежъ располагаетъ...» «Дѣлѣ
на лов.»

§ 94. Употребленіе дѣепричастій. 1. Въ наше время дѣепричастія почти утратили значеніе времени: „пришедъ“ и „придя“ мы можемъ употреблять въ одномъ значеніи:

Буд. вр.: Придя домой, я напишу письмо.
Пр. вр.: { Придя домой, я написалъ письмо.
{ Пришедъ домой, я написалъ письмо.

2. Дѣепричастіе не можетъ быть сказуемымъ главнаго предложенія. Нельзя сказать „я уставши“, „я выпавшись“, „онъ выпивши“.

Въ народномъ языкѣ такія отступленія довольно обычны: «мы при-
пошли» «баринъ приѣхавши», «поздравляю васъ причастившись» и под.

«Потому нашего брата обмануть очень способно, а особливо
ежели *выпивши*». Горб. «На праздн.»

«Что это за народъ собравши?» Горб. «Ватм. сол.»

§ 95. Глаголы на —ся Глагольное окончаніе —ся (смѣяться, садиться) есть не что иное, какъ В. п. отъ возвратнаго мѣстоименія *себя*.

Въ глаголахъ возвратнаго залога (купаться, обуваться) это *ся* можно легко отдѣлить и замѣнить формой *себя*: купать себя, обувать себя.

Въ древности (и до XVII в. въ русскихъ грамотахъ) окончаніе —ся могло стоять отдѣльно при любомъ гла-

голѣ. Часто оно стояло за нѣсколько словъ передъ своимъ глаголомъ:

«Тыми *ся* подпалать сынове мои» = подблется. (Изъ духовной
Ивана Калиты).

«Копая подъ другомъ яму, самъ *ся* въ ню *свалить*» = свалится —
буд. вр. (Новг. лѣтопись).

Въ наше время старинное —ся сократилось въ —сь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ глагольная основа оканчивается гласнымъ звукомъ: *купаюсь*, однако *купаешся* (—сь только послѣ гласныхъ зв.).

У поэтовъ и особенно въ народныхъ пѣсняхъ очень часто глаголы имѣютъ для большей звучности —ся и послѣ гласныхъ звуковъ:

«Посмотрю пойду, *полюбуюсь*» Кольц. «Ур.»

«И всея молодцы *закручинился*, *закручинился* и *запечалился*».
Былина.

СЛОЖНЫЯ СЛОВА.

Хотя въ древне-русскомъ языкѣ встрѣчаются сложные слова (Новъ-городъ, Володимиръ, Перемышль, Ярополкъ и под.), но ихъ сравнительно немного и ограничиваются они собственными именами, сложными числительными да немногими словами, слившимися съ предлогами.

Огромное количество сложныхъ словъ появилось въ нашемъ языкѣ изъ д.-ц.-славянскаго, въ которомъ они являются точнымъ переводомъ греческихъ словъ.

Сюда относятся слова, начинающіяся съ *благо* и *без*: благословить (*eu-logize*), благородный (*eu-genis*), благодаріе, благообразный, благоразуміе, благоправіе и под. Безсмертный (*z-bizetost*), бездушный, безумный и проч.

Всѣ сложные слова можно разбить на двѣ группы: 1) *предложныя* — т. е. образованныя при помощи предлога (без-смертный) и 2) *составныя* — образовавшіяся изъ двухъ самостоятельныхъ корней (паро-ходъ, землетрясеніе).

§ 96. **Предложныя слова.** Среди предложныхъ словъ особенно много славизмовъ; но очень часто есть и соответствующія имъ чисто-русскія слова.

Славянизмы начинаются съ предлоговъ: *чрез*, *пре*, — *воз* —, *из* —, *раз* —, русскія слова — съ *через*, *пере* —, *вы* —, *роз* —.

Славянизмы:
пре — клонить
пре — ставить
чрез — полосный
из — гнать
из — дожить
из — вести
из — лить

русскія слова:
пере — клонить
пере — ставить
через — полосный
вы — гнать
вы — дожить
вы — вести
вы — лить и т. под.

§ 97. **Составныя слова.** Въ литературномъ языкѣ, особенно у поэтовъ, постоянно встрѣчаются составныя слова: кораблекрушеніе, змѣвидный, пароходъ, огнедышущій, молніеносный и т. д.

Слова эти, теперь образуемыя свободно, первоначально возникали подъ влияніемъ знакомства нашихъ писателей (особенно въ XIX в.) съ античной греческой литературой и частью подъ влияніемъ нѣмецкаго языка (кораблекрушеніе, виноторговля, землеустроительная коммиссія и под.).

Переводъ гомеровскихъ *Илиады* и *Одиссеи* широкой волной влилъ яркіе, образные составные эпитеты и въ нашъ литературный языкъ.

Примѣры изъ *Илиады*, переводъ *Глинка*: «копьеносецъ *Приамъ*», «бронблещущій *Гекторъ*», «громовержецъ», «быстроногий *Позидъ*», «пожогъ смертоносныхъ», «градъ крыкоствѣнный», «присудуживая пылавоносныхъ», «свѣтлою *Аойной*», «сыновъ броненосныхъ», «остроковечная стрѣла» и проч.

Примѣры изъ *Одиссеи*, переводъ *Н. Минскаго*: «Ахиллесъ богоравный», «криворогихъ быковъ и овецъ блѣзрунныхъ», «шлемоблещущій *Гекторъ*», «скинтроноса *Приама*», «мѣднобронный ахецъ», «шлемъ густотривый» и т. д.

Примѣры изъ *Одиссеи*, переводъ *Жуковскаго*: «многохитросный мужъ, *Одиссей* благородный», «въ кораблѣ кругобокѣ», «двуострый мечъ», «широкополый», «дождь хладоносный», «быстроколесная колесница», «ступя сребро-кованный», «въ многovesельныхъ своихъ корабляхъ и т. д.

Очень много яркихъ, составныхъ эпитетовъ у поэта *Майкова*, хорошаго знатока греческой поэзіи:

«Молнія огне-змѣстая», «молние-метательныя очи», «орелъ широкобланный», «ключъ свѣтловодный», «чаша сребровзванная», «плодъ сладко-сочный», «мечты уныво-сладкія», «стопль блѣднотѣтый» и т. д.

§ 98. Составные эпитеты у Гоголя и Тургенева.

Составные эпитеты являются одной изъ отличительныхъ чертъ литературнаго стиля Гоголя и Тургенева. Однако эти эпитеты у нихъ совершенно различны. У Гоголя въ составъ сложнаго слова почти всегда есть *отвлеченное* понятіе, рѣдкимъ исключеніемъ являются слова въ родѣ «зеленогрудые».

Составныя эпитеты у Гоголя: «презрительно-горько-обыкновенная жизнь», «несвино-простодушныя рѣчи», «безтолково-заботное ожиданіе», «тауно-вопросительное выраженіе лица», «умно-художное слово нѣмца», «съ безпечно-улыбавшимся розовыми губами», «въ порывъ мнучно-горделиваго расположенія», «скучно-синеватый».

Составные эпитеты у Тургенева.

У Тургенева, напротив того, преобладают наглядные, зрительные эпитеты: на блѣдно-голубомъ небѣ («Дѣсь и степь»); свѣтло-голубые глаза («Хорь и К.»); тускло-багрово солнце, золотисто-сѣрые облака, безконечно-разлившаяся рѣка, блѣдно-лиловый цвѣтъ небосклона («Бѣж. дуг.»); изжегата-бѣлая облака, золотисто-бѣлые щетки, жидко-зеленоватая тѣни, стеклинно-лѣсныя волны («Касьянъ съ Кр. М.»); крѣпко-головые конюхи, широко-затылые рысаки («Лебедянь»); блѣдно-лиловый стволъ, сѣро-зеленая листва, молочно-сѣрые глазки («Свиданіе» и т. д.

В. СИНТАКТИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ.

§ 99. **Подлежащее собирательное.** Въ древне-ц.-славянскомъ и др.-русскомъ языкахъ при собирательномъ подлежащемъ (народъ, полкъ, войско) сказуемое ставилось во множ. числѣ.

вѣселикнѣте всѣху вѣса земли.

многѣ народѣ стѣ галилеа изъ немѣ идѣша (Зогр. Ев.).

«Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ, рой дѣтей собирается ко мнѣ»... Држ. «Жизнь Зв.»

§ 100. **Имен. падежъ прямого дополненія.** Въ др.-русскомъ языкѣ вмѣсто В. п. дополненіе могло стоять и въ Им. пад.:

«Отвѣти *вечеря*» (Домострой); «Говорить *правда*—потерять дружба» (Посл. XVII в.); Хотя *ноя* изложить, а двери выставить» (Былина).

§ 101. **Им. падежъ вмѣсто творительнаго.** Въ др.-ц. сл. языкѣ возможна была фраза „*сынъ* вышняго нареченься“ вмѣсто „*сыномъ* вышняго нареченься“.

Такой оборотъ допустимъ при глаголахъ со значеніемъ *называться, становиться и быть*.

Оборотъ этотъ не вымеръ до сихъ поръ, чему содѣйствовало позднѣйшее вліяніе латинскаго языка:

«Будь страстей твоихъ *владелецъ*, будь на тронѣ *человѣкъ*». Држ. «Изъ городовъ бѣжалъ я *націй*», Пшч. «Прор.»

§ 102. Дательный самостоятельный.

Крупной особенностью др.-ц.-славянского (и др. русскаго) языка является оборотъ рѣчи, извѣстный подъ именемъ *дательнаго самостоятельнаго*. Оборотъ этотъ есть не что иное, какъ сокращенное придаточное предложение (времени или причины): подлежащее ставится въ дат. пад., а сказуемое въ согласованномъ съ нимъ причастіи.

Исусъꙋ рѣкъшусѧ къ ки-ѡ-лѣми исѹденистѣи, се волсви отъ востока придонѧ въ Іерусалимъ—*когда* Исусъ родился въ Вифлеемѣ“...

У прежнихъ писателей, особенно у Гнѣдича и Жуковскаго, дат. самостоятельный встрѣчался сравнительно часто:

«*Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталь*»—когда ревѣла буря... Жук.

«*Богамъ отератиоуимся*, поздно вѣряться надеждѣ»—когда от-вернулись боги... Жук.

Домоносовъ въ свое время надѣялся, что со временемъ «общій слухъ къ тому привыкнетъ и сія потерянная краткость и красота въ руссійское слово возвратится» («Грамм.» § 467).

Однако въ настоящее время оборотъ этотъ можно считать вымершимъ окончательно. У писателей встрѣчается онъ только для передачи книжно-церковной рѣчи лицъ духовнаго сословія.

У Фонвизина въ «Недорослѣ» Кутейкинъ говоритъ: «Ходилъ до риторикѣ да, *Богу изволюшу*, назадъ воротился».

«*Богу поспѣшествуюшу*, обѣтъ азъ многогрѣшный греческія области». «Въ дѣсахъ». Мельн.

III. РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫКЪ.

§ 103. Возникновеніе литературнаго языка. Вмѣстѣ съ появленіемъ христіанства на Руси появляется и письменность. Однако эта письменность была не на своемъ родномъ, русскомъ языкѣ, а на языкѣ иноземномъ, на томъ языкѣ, на какомъ говорили болгары, жившіе въ Солунѣ (§ 18).

Славянскій языкъ скоро сталъ не только церковнымъ, но и литературнымъ и разговорнымъ языкомъ образованнаго русскаго общества.

Попавъ на русскую почву, ставъ языкомъ живымъ, др.-ц.-славянскій языкъ не могъ оставаться неизмѣннымъ, а постепенно приспособился къ русскому языку. Русскихъ элементовъ становится въ немъ все больше и больше.

Съ XIII вѣка появляются грамоты, написанныя уже „по просту“, на „просторѣчьи“, т. е. на русскомъ народномъ языкѣ.

Между книжно-славянскимъ и русскимъ разговорнымъ языкомъ начинается какъ бы борьба за существованіе. Постепенно русскій языкъ беретъ верхъ. Славянскій языкъ остается только языкомъ богослужебнымъ и то не въ своемъ первоначальномъ, чистомъ видѣ (§ 18).

«Учебникъ по исторіи русскаго языка».

Въ литературной рѣчи церковно-славянскій языкъ побѣжденъ, но не изгнанъ вовсе *). И наши писатели и мы употребляемъ славянскіе слова и обороты, часто не чувствуя того, что они не русскіе. Настолько они вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь нашего языка.

Примѣрами могутъ служить слова: *надежда, прежде* (§ 31), *говорящий*, *знающий* (§ 30), *жребій, чрево, плоть* (§ 33) и т. д.

См. также стихотвореніе Пушкина «Пророкъ» (Хрест. 39), гдѣ на нѣсколько строкъ приходится болѣе 30 славянизмовъ.

§ 104. Греческое вліяніе на русскій языкъ. Въ Солунѣ, гдѣ жили славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій, среди населенія много было грековъ. Не удивительно, что и въ древне-славянскомъ языкѣ было много греческихъ словъ. Обилію греческихъ словъ и оборотовъ въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ содѣйствовало и то, что большинство славянскихъ книгъ были переводы съ греческаго языка. Греческій языкъ усиленно изучался и въ нашихъ школахъ, особенно въ XVI и XVII вв., что также содѣйствовало усвоенію греческихъ особенностей и нашимъ литературнымъ языкомъ (См. 17 стр.).

Греческимъ вліяніемъ объясняются слѣдующіе, до сихъ поръ вышедшіе изъ вымершихъ оборотовъ русскаго языка:

1) *Оборотъ съ однимъ отрицаніемъ* былъ обычнымъ вплоть до 18-го вѣка. Вмѣсто нашего «никто не видѣлъ» говорили «никто видѣлъ».

«Хотя внутри *никто видѣлъ* живо тѣло». Кантемиръ.

2) *Прилаг. и мѣстоименія*, употребленныя самостоятельно (безъ отношенія къ определенному существительному), ставились часто согласно съ греческимъ языкомъ въ *Ср. родъ мн.ж. числ. 1*:

«Да воспримутъ *равная*» (= *ἡ αὐτοὶ ἰσὺς ἡ*). По древне-русску было бы «равное», какъ это и встрѣчается въ одномъ древнемъ евангелии.

*) Въ XIV—XV вѣкахъ усилилось южно-славянское вліяніе на Русь. Пацпаются очищеніе церковно-славянскихъ книгъ отъ руссизмовъ. Съ половины XVI в. исправленныя книги, благодаря появившимся типографіямъ, начинаютъ быстро распространяться. Все это содѣйствовало прочному закрѣпленію въ русской литературной рѣчи многихъ славянизмовъ, напр., въ поэзіи до времени Пушкина господствовали неполнозначныя формы: хладъ, гладъ, глава, вмѣсто нашихъ: холодъ, голодъ, голова и т. под.

Слѣдомъ этого оборота являлись наши выраженія: «пуститься во вся тяжкая», «и прочая и прочая».

«Въ городѣ пускался онъ *со ось тяжкѣи*, а въ деревнѣ вздыхалъ по Эмеренціи платонически и безнадежно». Трг. «Два пріят.»

У Пушкина болѣе русское выраженіе:

«Я знаю, что ты *во все тяжкое* не пустишься». Письмо 1833 г.

«Падежи, недоимки, продажи съ публичнаго торгу и *промаи* и *прочалъ*». Трг. «Гамлетъ III, уѣзда».

3) *Всп. пад. при. неопр. наклоненій*, особенно послѣ глаголовъ со значеніемъ *говорить*.

«Кого *глаголюхъ* ма чѣи кити (= *τίνα με λέγοντι δι' ἡμῶν αἱ κῆτι*).

4) Изъ греческаго языка вошло въ нашъ языкъ и обиліе словъ нѣсколько словъ въ одно. См. главу о сложныхъ словахъ.

§ 105. Польское вліяніе (полонизмы въ русскомъ языкѣ). Съ конца XIV вѣка юго-западная Русь оказывается подъ властью и подъ культурнымъ вліяніемъ Польши. Вліяніе это тянется нѣсколько вѣковъ, въ результатъ чего въ южно-западный русскій языкъ (мал. и бѣлор. нарѣчія) входитъ много полонизмовъ. Два-три десятка польскихъ словъ вошло и въ нашъ литературный языкъ.

Польскія слова: вензель, водка, обрус, картина, банка, пант, мѣстечко, опека, писарь, шляхта, мазурка, клинчить и нѣк. др.

Полонизмы встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ языкѣ Петра Великаго: вельможный, властный, мастьность, наприкладъ, шляхетный и т. д.

Насколько было сильно польское вліяніе въ юго-западной Руси, можно судить хотя бы потому, что одно время даже Кіевская Академія называлась «*Полоно-Славяно-Латинской*». Вотъ образчикъ литературной рѣчи южно-русскаго проповѣдника Іоанніа Голытовскаго (XVII в.):

«Обыватель *еденъ* Александрійскій, тѣмъ до Царьгорода, поручилъ пречистой Дѣвѣ *жону* и *цорку* свою, слуга его въ *дому* заставши, хотѣлъ *папою* и *цорку* *забити*, *але* *одену* и въ двери не *прийти*».

Другой образчикъ языка приблизительно того же времени. Жалоба на порчу русскаго языка. «Вѣдьми много *зглаголюдо* *нашему* русскому, *же* не могли школъ и наукъ *послѣднѣмъ* *разширати*, и *онѣхъ* не *фудовано*: *бо* коли бы науку *мѣли*, за невѣдомостію свою не пришли до *таковыя* *погибели*».

Съ объединеніемъ русскихъ народностей, когда выработывался общегосударственный литературный языкъ, малорусское и бѣлорусское нарѣчія, сильно засоренныя полонизмами, естественно уступили первенство болѣе чистому русскому языку—именно московскому (средне-великорусскому) говору.

§ 106. Роль московскаго говора въ образованіи литературнаго языка. Объединеніе Русскаго государства подъ властью московскихъ князей содѣйствовало тому, что московскій говоръ сталъ играть первенствующее значеніе, постепенно приобрьтая характеръ всенароднаго русскаго языка.

Въ московскихъ приказахъ московскій говоръ впервые становится письменнымъ языкомъ, на которомъ писались всевозможныя грамоты и канцелярскія бумаги.

Быстрое распространеніе московскаго говора объясняется и тѣмъ, что онъ объединялъ въ себѣ особенности и сѣверныхъ и южныхъ великорусскихъ говоровъ (§ 12).

Мягкое московское произношеніе, по замѣчанію Ломоносова, было усвоено интеллигентнымъ обществомъ всей Руси „не токмо для важности столичнаго говора, но и для его отъѣнной красоты“ *).

Ставъ языкомъ канцелярскимъ, московскій говоръ начинаетъ постепенно проникать въ литературу, а со времени Петра Великаго и господствуетъ въ ней.

Одно изъ распоряженій по московской типографіи гласитъ: „Высокихъ словъ словенскихъ власть не надобеть, но посольскаго приказу употреби слова“. Такого мнѣнія держался и самъ Петръ Вел., писавшій „по просту“, т. е. на разговорномъ языкѣ. (См. 15 стр.).

* Высокаго мнѣнія о звучности и красотѣ московскаго говора былъ и А. С. Пушкинъ: „Нехудо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ проворнымъ: онъ говоритъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ“.

Этотъ новый литературный языкъ нельзя однако разсматривать исключительно какъ великорусскій языкъ. Онъ получилъ огромное наслѣдіе отъ прежняго книжнаго языка, процвѣтавшаго главнымъ образомъ въ Кіевѣ и успѣвшаго тамъ сблизиться съ южно-русскимъ нарѣчіемъ, а потому онъ связанъ съ исторіей не только великоруссовъ, но и всего русскаго народа вообще“ *). (См. § 17).

Съ присоединеніемъ Малороссіи (половина XVII в.), въ Москву постоянно пріѣзжаютъ изъ Кіева южно-русскіе ученые и вносятъ въ литературную рѣчь и свои особенности. Среди этихъ особенностей должно отмѣтить придыхательное произношеніе г (какъ h) во многихъ словахъ: Бога, благо, и т. д., и въ нѣкоторыхъ, вновь вводимыхъ словахъ, южно-русское удареніе (напр. *числитель* вм. *чѣислитель*), отъ малорусскаго *числится* = *считается*).

§ 107. Эпоха Петра Великаго. Рѣшительно отдавъ предпочтеніе русскому языку передъ церковно-славянскимъ, Петръ Великій отказался даже отъ славянской азбуки и ввелъ *гражданскую* азбуку (кириллицу сблизилъ съ латинскимъ шрифтомъ, принятымъ въ западной Европѣ,—отсюда названіе „латиница“).

Однако во времена Петра Великаго русскій языкъ подвергся большой опасности именно со стороны западно-европейскаго вліянія. Широкая административныя и военныя реформы повлекли за собой введеніе длиннаго ряда иностранныхъ названій и терминовъ. Многочисленныя иноземныя слова—„барбаризмы“ (*barbarus*—иноземный) сбѣжали литературную рѣчь пожалуй менѣе понятною для простолюдина, чѣмъ была прежняя церковно-славянская.

Примѣромъ засоренія русской рѣчи барбаризмами можетъ служить слѣд. отрывокъ изъ „Регламента критическомисариату“:

„Смотрѣть того, чтобъ никто, какъ изъ вышнихъ, такъ и изъ нижнихъ гдѣ *офицеровъ* не употреблялъ, какъ *орачуа* такъ и *солдата* и всего даннаго изъ казны парскаго величества въ своимъ усугубамъ и корысти, чего ради *фискалы* должны въ томъ *обсервовать* и противу тѣхъ *уклмисариату* *престетъ вать* и по *протестации* помянутыхъ *фискаловъ* во отлученіе главнаго *коммисариату*, *оберкрикомисаръ* долженъ доношеніе имѣть главному *командующему*, дабы того, на кого *протестация* подана будетъ, отсылать для розыска и показанія въ томъ дѣлѣ“

*) Акад. Шахматовъ.

совершенности до комисарства и потому соверша *инквизицію* требовать *офицеровъ* къ *присресту*, а по тому дѣлу окончаніе чинить, какъ *сенатскій* будетъ подписана».

Другой примѣръ — см. отрывокъ изъ «Морского устава», хрестоматія, 32.

Геніальный Петръ самъ чувствовалъ опасность отъ наплыва барбаризмовъ и запрещалъ безъ нужды употреблять ихъ. Своему послу Рудаковскому онъ писалъ: «Въ реляціяхъ твоихъ употребляешь ты зѣло много польскіе и другіе иностранные слова и термины, за которыми самага дѣла выразумѣть невозможно: того ради впредъ тебѣ реляціи свои къ намъ писать всѣ русскіимъ языкомъ, не употребляя иностранныхъ словъ и терминовъ».

«Петръ Великій вводилъ нашъ языкъ тысячами чужеземныхъ словъ, голландскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ: слова эти выражали понятія, съ которыми нужно было познакомиться русскій народъ; не мудрствуя и не церемонясь, Петръ влилъ эти слова дѣлкомъ, ушами, бочками въ нашу утробу. Сперва, точно вышло нѣчто чудовищное, а потомъ началось перевариванье: понятія привились и усвоились, *чужія формы постепенно исторились*, языкъ въ собственныхъ нѣдрахъ нашелъ тѣмъ ихъ замѣнить».

Тург. «Дымъ», гл. 5.

§ 108. Латинское вліяніе. Латинскій языкъ былъ предметомъ тщательнаго изученія въ нашихъ школахъ уже съ XV вѣка. Немудрено поэтому, что въ русскій литературный языкъ вошли многіе латинизмы. Особый притокъ латинскихъ словъ наблюдается въ петровскую эпоху: квалитетъ, кондуитъ, викторія, экзерциція, фортеція, аддицію, персона, респектъ, сатисфакція и проч.

Въ петровскую же эпоху русскій литературный языкъ усвоилъ и латинское построение предложений *) съ сказуемымъ на концѣ длиннаго періода и съ опредѣленіемъ послѣ опредѣляемаго слова.

*) Иногда приводимую ниже конструкцію предложенія считаютъ «нѣмецкой», но это не вѣрно. Нѣмецкій языкъ самъ усвоилъ данное построение предложеній изъ латинскаго языка, который былъ почти исключительно литературнымъ языкомъ въ Германіи до XVII в.

Чисто нѣмецкихъ словъ (лучеръ, лагеръ, галстукъ) и нѣмецкихъ выраженій (напр., «онъ потерялъ голову» = *er hat den Kopf verloren*) въ нашъ языкъ не много.

Данные латинизмы встрѣчаются въ нашей литературѣ до самаго послѣдняго времени, однако все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ.

Обиліе латинизмовъ было въ сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Карамзина, встрѣчаются они изрѣдка и у Тургенева.

1. *Сказуемое на концѣ предложенія:*

«И крестьянки любить *умлютъ*». Кар. «Бѣдная Л.»

«Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать *расползался*». Тург. «Лыбонъ».

«Отцу поцу даръ слова *присущъ не былъ*». «Кон. Черт.» Тург.

2. *Опредѣленіе послѣ опредѣляемаго слова:*

«Не мада рѣдкой *красоты своей*, трудилась день и ночь». Кар. «Бѣдн. Л.»

«Худое и блѣдное лицо (мельничихи) еще хранило слѣды *красоты замѣчательной*». Тург. «Ерм. и м.»

«На *пользу общую*». Тр. «Малин. вода».

Другіе примѣры см. въ хрестоматіи съ 32 и далѣе.

Болѣ мелкіе латинизмы:

1. *Винит. надежъ съ неопр. накл. (accusativus cum infinitivo):*

«И *быть себя* онъ вѣчнымъ частъ». Держ.

Оборотъ этотъ былъ знакомъ и др.-п.-славянскому языку, очевидно заимствованъ въ немъ изъ греческаго языка.

2. *Им. надежъ съ неопр. наклоніемъ (Nom cum infinit.).*

«Умилъ *быть* сердцемъ безпристрастнымъ имъ, царю, отличивъ *оружъ*». Держ.

3. *Местоименія „мой“, „твой“ (также: «нашъ», «вашъ») вмѣсто «свой» *)*

«Будь страстей *твоимъ* владѣтель, будь на тронѣ *человѣкъ*». Держ.

«И тѣмъ я началъ *мой* романъ». Пшк. «Евг. Он.»

*) Оборотъ этотъ, какъ рѣдкое исключеніе, встрѣчается и въ др.-сл.-слав. языкѣ: «ко и мы стхисучителхъ даскниохъ нашихъ вл. своимъ» (Зогр. Ев. Мат. 6, 12.).

совершенности до комиссарства и потому соверша инквизицію требовать офицеровъ въ кризисъ, а по тому дѣлу окончаніе чинить, какъ сенатъ будетъ подписана.

Другой примѣръ — см. отрывокъ изъ «Морского устава», хрестоматія, 32.

Геніальный Петръ самъ чувствовалъ опасность отъ напыла барбаризмовъ и запрещалъ безъ нужды употреблять ихъ. Своему послу Рудаковскому онъ писалъ: „Въ реляціяхъ твоихъ употребляешь ты зѣло много польскіе и другіе иностранные слова и термины, за которыми самага дѣла выразумѣть невозможно: того ради впредъ тебѣ реляціи свои къ намъ писать всё руссійскимъ языкомъ, не употребляя иностранныхъ словъ и терминовъ“.

«Петръ Великій наводнилъ нашъ языкъ тысячами чужеземныхъ словъ, голландскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ: слова эти выражали понятія, съ которыми нужно было познакомиться русскій народъ; не мудруясь и не переменясь, Петръ влилъ эти слова цѣлкомъ, утатами, бочками въ нашу утробу. Сперва, точно вышло нѣчто чудовищное, а потомъ началось перевариванье: понятія прижились и усвоились, чужді формы постепенно испарились, языкъ въ собственныхъ вѣдрахъ напелъ чѣмъ ихъ замѣнить».

Тург. «Дымъ», гл. 5.

§ 108. Латинское вліяніе. Латинскій языкъ былъ предметомъ тщательнаго изученія въ нашихъ школахъ уже съ XV вѣка. Немудрено поэтому, что въ русскій литературный языкъ вошли многие латинизмы. Особый притокъ латинскихъ словъ наблюдается въ петровскую эпоху: квалитетъ, кондуитъ, викторія, эскерциція, фортеція, адднціо, персона, респектъ, сатисфакція и проч.

Въ петровскую же эпоху русскій литературный языкъ усвоилъ и латинское построеніе предложеній *) съ сказуемымъ на концѣ длиннаго періода и съ опредѣленіемъ послѣ опредѣляемаго слова.

*) Иногда приводимую ниже конструкцію предложенія считают «нѣмецкой», но это не вѣрно. Нѣмецкій языкъ самъ усвоилъ данное построеніе предложеній изъ латинскаго языка, который былъ почти единственно литературнымъ языкомъ въ Германіи до XVII в.

Чисто нѣмецкихъ словъ (кучеръ, лагерь, галстукъ) и нѣмецкихъ выраженій (напр., «онъ потерялъ голову» = er hat den Kopf verloren) въ нашемъ языкѣ не много.

Данные латинизмы встрѣчаются въ нашей литературѣ до самаго послѣдняго времени, однако все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ.

Обиліе латинизмовъ было въ сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Карамзина, встрѣчаются они изрѣдка и у Тургенева.

1. Сказуемое на концѣ предложенія:

«И крестьянки любятъ умнотъ». Кар. «Бѣдная Л.»

«Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать распознался». Тург. «Льговъ».

«Отцу попу даръ слова присущъ не былъ». «Коп. Черг.» Тург.

2. Опредѣленіе послѣ опредѣляемаго слова:

«Не шадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь».
Кар. «Бѣдн. Л.»

«Худое и блѣдное лицо (медвѣдичихи) еще хранило слѣды красоты замѣчательной». Тург. «Ерм. и м.»

«На пользу общую». Тр. «Малин. вода».

Другіе примѣры см. въ хрестоматіи съ 32 и далѣе.

Болѣе мелкіе латинизмы:

1. Випит. падежъ съ неопр. накл. (accusativus cum infinitivo):

«И бытъ себя онъ вѣчнымъ чаеетъ». Держ.

Оборотъ этотъ былъ знакомъ и др.-п.-славянскому языку, очевидно заимствованъ въ немъ изъ греческаго языка.

2. Им. падежъ съ неопр. наклоненіемъ (Nominativus cum infinitivo).

«Мнилъ бытъ сердцемъ безпристрастнымъ имъ, царю, отчизнѣ оружъ». Держ.

3. Мѣстоименія «мой», «твой» (также: «нашъ», «вашъ») вмѣсто «своей» *).

«Будь страстей твоихъ владѣтель, будь на тропѣ человѣкъ». Держ.

«И тѣмъ я началъ мой романъ». Пушкин. «Евг. Он.»

*) Оборотъ этотъ, какъ рѣдкое исключеніе, встрѣчается и въ др.-сл. языкѣ: ꙗко и мы стѣхисутѣлахъ дѣлѣхъ нашихъ вѣ. своимъ (Зегр. Ев. Мат. 6, 12.).

4. Двойной внимательный падеж. (Accusativus duplex): *)

«А двухъ другихъ однимъ ударомъ конята мертвыхъ повалилъ»...
Жук. «Рустемъ и Зю».

5. Некоторые латинскія выраженія вошли въ нашъ литературный языкъ *въ точномъ переводѣ*, напр., «хранить молчаніе»=silentium servare.

6. Многія латинскія слова и цѣлыя выраженія вошли въ нашъ литературный языкъ *безъ перевода*: sic, alter ego, de facto, mea culpa, credo, ex nihilo nihil fit и т. д.

7. Некоторые русскія слова въ языкѣ прежней буреи приняли латинскія окончанія: оболтусъ, свинтузъ (Гр. «Несчастная»); стариканця, старушниця (Гр. «П. П. Карат.»), книженця, пляпенця и т. д.

§ 109. Тредьяковский (1703—1769 г.). Василий Кирилловичъ Тредьяковский, будучи плохимъ поэтомъ, былъ въ свое время крупнымъ русскимъ ученымъ-филологомъ. Ему принадлежитъ первенство въ введеніи на Руси *тоническаго* стихосложенія. **)

Въ вопросѣ касательно русскаго языка и отношенія его къ языку церковно-славянскому Тредьяковский не выработалъ опредѣленной точки зрѣнія. Это была эпоха колебаній.

Въ предисловіи къ «Бѣда на островъ любви» Тредьяковский жалуется, что «славянскій языкъ жестокъ его унамъ слышится», а послѣ самъ возстаетъ противъ умаленія церковно-славянскаго языка Ломоносовымъ. Тредьяковский заговорилъ даже о сладости ц.-сл. языка:

«Не *толюсь* чтется тамъ, а сладостей *иныхъ* *иныхъ*,
Читають *око* всѣ, а говорятъ всѣ *лазъ*,
Не *рогъ* тамъ, а *уста*, не *пекли*, а *лапты*...
Священна книга вся сихъ сладостей полна».

Тредьяковский ввелъ въ литературный языкъ новыя слова: искусство, разумность, вѣроятный, достовѣрный, нравственный, естественность, провидѣніе, чувственность.

§ 110. Ломоносовъ (1711—1765). Геніальный Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ начинаетъ собой новую эпоху въ исторіи русскаго литературнаго языка.

*) Оборотъ этотъ знакомъ и др.-п.-сл. языку—вліеніе греческаго языка. См. В. Вондрать. Др.-п.-сл. синтаксисъ. Казань, стр. 11.

**) *Тоническими* называются тѣ стихи, (напр., теперешніе русскіе стихи), которые основаны на правильномъ чередованіи удареній. До Тредьяковскаго господствовало у насъ *силлабическое* (слоговое), совершенно несомнѣнное русскому языку, стихосложеніе.

Можно сказать, что Ломоносовъ въ сущности *создалъ* русскій литературный языкъ.

Прекрасно зная церковно-славянскій языкъ, а также и народную рѣчь (даже въ отдѣльных говорахъ), Ломоносовъ *сознательно сочеталъ въ своей рѣчи оба языка*: живой народный и церковно-славянскій.

Онъ писалъ на живомъ русскомъ языкѣ, но не гнушался и славянизмовъ, особенно наиболее привычныхъ для русскаго уха (жребій, истина, прежде, надежда и под.).

Въ то время, какъ русская рѣчь начинала засоряться иноземными словами, Ломоносовъ указываетъ на болѣе близкій намъ источникъ образованія новыхъ словъ—на ц.-славянскій языкъ.

Самъ онъ „чувствуетъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особое прочитаніе“ и другимъ „безпристрастно объявляетъ и дружелюбно совѣтуетъ, дабы съ прилежаніемъ читали церковныя книги“.

Въ своемъ «Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ русскій языкъ» Ломоносовъ устанавливаетъ три слога литературной рѣчи: 1) *высокій слогъ*—здѣсь преобладаютъ славянскіе слова и обороты; 2) *средній слогъ*—живая русская рѣчь съ допущеніемъ некоторыхъ, наиболее привычныхъ, славянизмовъ; 3) *низкій слогъ*—рѣчь, совершенно свободная отъ славянизмовъ съ допущеніемъ «простонародныхъ низкихъ словъ», за исключеніемъ «прѣзрѣнныхъ словъ, которыя ни въ какомъ стилѣ (слогѣ) употреблять не пристойно». Низкимъ стилемъ надлежитъ писать легкія комедіи, а также письма и различныя дѣловыя замѣтки. Высшій стиль—это языкъ произведеній «о важныхъ матеріяхъ» *), а собственно литературнымъ языкомъ является «средній стиль».

Указавъ правильный путь развитія русскаго литературнаго языка, Ломоносовъ въ своей рѣчи не могъ все же избежать нѣкоторыхъ недостатковъ.

У него иногда прорываются особенности мѣстныхъ говоровъ, напр., сѣв.-великорусское —*сѣтлѣе, сѣтлѣе* вм. свѣтлѣе, смѣлѣе, бытлѣе. Въ построеніи предложений у Ломоносова чувствуется вліеніе латинскаго языка. Сказуемое, напр., почти всегда на концѣ предложенья.

«Когда мы о вещахъ *разсуждаемъ*, въ которыхъ части такъ расположенны *видимъ*, что одна другая необходимо *нужна*, и весьма *полезна*, и когда сложеніе ихъ явственно *показываетъ*, что одна бытіе свое дѣйствительно имѣетъ для другой, которая безъ нея обойтись не *можетъ*: то отложивъ всякое сомнѣніе изъ того *закладаемъ*, что она въ искусствѣ нѣкоего разумнаго существа *устроена*».

«Риторика», § 271.

*) Т. е. о Богѣ, о всемъ божественномъ и возвышенномъ.

§ 111. Державинъ (1743—1816). Въ художественномъ стилѣ Гавріила Романовича Державина гармонически слились оба, ранѣ соперничавшіе языка: церковно-славянский и русскій.

Для него народныя русскія слова не кажутся уже „подлыми“, и онъ смѣло пользуется ими даже въ одахъ, которыя обыкновенно писались „высокимъ стилемъ“. Хрестоматія, 36.

«...Первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить»,—

говорить о себѣ самъ Державинъ въ стихотвореніи „Памятникъ“.

Примѣры «забавнаго русскаго слога»:

«Чтобы во мнѣ (дѣти) не зрѣли буквы»...

«А мы на нихъ и вилимъ взоры»...

«Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобаръ»...

«Усатый староста изъ скопидомъ брюхатый»...

«Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ»...

«Кизнь Званска».

§ 112. Карамзинъ (1766—1826). Выдающееся мѣсто въ исторіи русскаго литературнаго языка занимаетъ Николай Михайловичъ Карамзинъ. Ему удалось литературный языкъ сблизить съ разговорнымъ языкомъ образованнаго русскаго общества. Его изящная рѣчь отличается плавностью и благозвучіемъ. У него уже нѣтъ ни рѣзкихъ славянизмовъ, ни тяжелыхъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, ни всего, что могло бы нарушить „элегантность“ (élégance) рѣчи. Хрестоматія, 37.

Запасъ словъ литературнаго языка Карамзинъ расширилъ введеніемъ новыхъ словъ („неологизмовъ“—стр. 16),

составленныхъ изъ русскихъ корней только по образцу иностранныхъ, главнымъ образомъ, французскихъ словъ.

Карамзинъ ввелъ слова: *вліяніе* (influence), *трогательный* (touchant), *сосредоточить* (concentrer), *уточенный* (raffiné), *положеніе* (situation), *вкусъ* (goût), *занимательный* (intéressant), *переворотъ* (revolution), *развитіе* (développement) и др.

Вольшинство введенныхъ Карамзинымъ словъ вошло во всеобщее употребленіе, но есть слова и вымершіе въ настоящее время, напр., изъ пары словъ: *будущность* и *настоящность* уцѣлѣло только первое. Не привилось слово «намоesty» вмѣсто тротуары и нѣк. др.

§ 113. Увлеченіе французскимъ языкомъ. Съ половины 18-го вѣка (въ царствованіе Имп. Елизаветы и особенно Екатерины II-й) въ русскомъ обществѣ возникаетъ и широко растетъ увлеченіе французскимъ бытомъ, модами и языкомъ.

Увлеченіе это господствуетъ до половины XIX вѣка, принимая подчасъ самыя уродливыя формы. (См. хрестоматію, 35).

Въ высшемъ обществѣ, подобно князю Василю въ „Войнѣ и мирѣ“,—„говорили на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и *думали* наши дѣды“. Дѣти сначала изучали французскій языкъ и только потомъ у дѣяча или семинариста учились своему родному языку. Къ русскому языку стали относиться небрежно. Поэтъ Батюшковъ писалъ, что нашъ языкъ „плоховать, грубенекъ, пахнетъ татарщиной... Что за *и*? что за *иц*? что за *ш*, *шій*, *шій*, *при*, *три*? О варвары!..“

Французскій языкъ настолько входилъ въ плоть и кровь русскаго общества, что, даже говоря по-русски, свѣтскія дамы „русскій *и* какъ *и* французскій“ произносить старались въ носъ („Евг. Он.“). Звукъ *р* нѣсколько картавили,—такъ, какъ произносятъ его парижане. Эта черта свѣтскаго говора имѣла даже свое особое названіе: *грасировать* (отъ *grasseyer*).

Морякъ говорилъ тѣмъ особенно звучнымъ, пѣвучимъ, дворянскимъ баритономъ, съ пріятнымъ *грасированіемъ*. «Война и миръ».

Русскую речь пересыпали французскими фразами. Влияние французского языка оставило больше слѣды на нашемъ литературномъ языкѣ до сихъ поръ.

1) Въ нашъ языкъ вошелъ длинный рядъ французскихъ словъ: жилетъ, сюртукъ, салонъ, салонъ, журналъ (см. стр. 17).

2) Новые русскія слова (неологизмы Карамзина) составлялись по образцу французскихъ.

3) На русскомъ языкѣ отразились и нѣкоторые французскіе обороты, напр., „любить съ нѣжностью“, „одѣваться со вкусомъ“, „оказать влияние на кого-либо“, „присутствіе духа“—(la présence d'esprit) и проч.

Французскимъ влияніемъ должно объяснить и рапѣ встрѣчавшееся у писателей сокращеніе прилагательныхъ предложеній черезъ дѣйствіе при различныхъ подлежащихъ:

«Вы согласитесь, что *имѣя* право выбирать оружіе, жиезг его была въ моихъ рукахъ». Пшк. «Внст.».

«Хоть я и не пророкъ, но *видимотылька*, что онъ вѣругъ свѣяки вѣтсѣ, пророчество почти всегда мнѣ удаѣся»... Крп.

Должно замѣтить, что подобныя сокращенія въ настоящее время не допустимы вовсе. Есть нѣкоторые *галлицизмы* *) у Тургенена, напр., выраженіе «являть видъ»:

«Жилище господина Чертопханова *являло видъ* весьма печальный». «Жидъ *являлъ свои* нѣсколько смущенный»... «Конецъ Черт.».

§ 114. **Борьба съ галломаніей.** **). Многіе чуткіе люди не могли не чувствовать, какою опасностью для русскаго языка грозило излишнее увлеченіе французскимъ языкомъ.

Уже во второй половинѣ 18-го вѣка появляются почти одновременно „Бригадиръ“ комедія *Фонвизина* (см. хрестоматию, 35) и статья *Сумарокова* „Объ истребленіи иностранныхъ словъ въ Россійскомъ языкѣ“, направленныя на борьбу съ данною опасностью.

*) *Галлицизмы*—обороты, свойственные «галльскому» французскому языку.

**) *Галломанія*—крайнее увлеченіе всѣмъ «галльскимъ» — французскимъ.

Увлеченіе Карамзина неологизмами, составленными по образцу французскихъ словъ, вызвало горячій протестъ *Пшшкова* (1754—1841).

Однако Пшшковъ впадалъ въ другую крайность—перегруженіе русскаго языка слияніями и совершенно устарѣвшими русскими словами. Онъ предлагалъ, напр. замѣнить слово алѣся «омѣной» (изъ притчи Соломона) или изобрѣтеннымъ имъ словомъ «прсадъ».

Вмѣсто *ораторъ*—«краснословъ», вм. *вплнѣ*—«наитствованіе», вм. *развѣсто* «прозвѣбіе», вм. *фортепиано* «тихогромы», вм. *актеръ*—«липецѣи» и т. под.

Пшшковъ пытался измѣнить даже и научные термины. Вмѣсто *линій* онъ предлагалъ «чертъ», вм. *параллельный*—«жинующій», вм. *центръ* «ость» и т. д.

Впадъ въ крайность и постоянно употреблялъ такіе слова, какъ *поне, зане, брашно, требице, робозоване*. Пшшковъ естественно не могъ имѣть большого успѣха, и имъ вводимыя слова долго были предметомъ шутки и остроты. Его современники перевели на языкъ его нововведеній слѣдующую фразу: «Франтъ идѣтъ въ казинохъ по бульвару изъ цирка въ театръ». Получилось: «Хорошишице идѣтъ въ мо-кростунахъ по гудьбину изъ рысалища на позорисхъ». Однако нѣкоторые изъ Пшшковскихъ словъ употребительны и въ наше время. «Пай-лициъ» вм. акціонеръ, «пріемъ» вм. аудіенція, «оружейная» вм. арсеналъ.

Противъ иностранныхъ заимствованій въ русскомъ языкѣ выступилъ во второй половинѣ 19 вѣка *Влад. Из. Далъ*.

Попытка его также имѣла мало успѣха. Онъ, подобно Пшшкову, впадалъ въ ту же крайность, предлагая неблагозвучныя и устарѣлыя слова. Вм. «горизонтъ» онъ предлагалъ «небоскатъ, небоземъ, озоръ, завѣвъ, овидъ», вм. «резонансъ»—«отбой, голтъ, наголосокъ», вм. «ад-рестъ»—«пасылъ, пасылка», вм. «кокетничать»—«миллзоворить, пичужить», вм. «индивидуальность»—«самость», вм. «эгоизмъ»—«самотность» и т. д.

Пушкинъ, самъ воспитанный на французскомъ языкѣ, не чуждался галлицизмовъ. «Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы» — писалъ онъ князю П. Вяземскому *).

Также въ «Евгеніи Онѣгинѣ» онъ говорилъ о себѣ:

«Мнѣ *галлицизмы* будутъ мнѣ,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи»...

*) Позднѣе Пушкинъ какъ будто измѣнилъ свой взглядъ. Говоря о языкѣ простого народа, онъ замѣчаетъ, что простолюдине не читаетъ иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажаетъ, какъ мы, своего мыслей на французскомъ языкѣ.

Или:

«А вижу я, випись предъ Вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бы могъ
Иноплеменными словами»... «Евг. Он.».

Въ настоящее время принято держаться слѣдующаго правила: употреблять иностранныя слова можно только тамъ, гдѣ есть крайняя необходимость въ томъ. „Употреблять иностранное слово, говорить *Бьлинскій*,—когда есть равносильное ему русское слово, значить оскорблять и здравый смыслъ и здравый вкусъ“.

Этой ироніей звучать слѣдующія слова *Гоголя*:

«Какъ ни исполненъ авторъ благоговѣніемъ къ тѣмъ спасительнымъ половамъ, которыя приносятъ французскій языкъ Россіи; какъ ни исполненъ благоговѣніемъ къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во все часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается ввести фразу какого бы то ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэмю».

Въ половинѣ 19 вѣка началось разочарованіе во французскомъ языкѣ, и въ пироніяхъ слогамъ того именно общества, которое было воспитано на французскомъ языкѣ. Объ этомъ можно судить хотя бы по слѣдующимъ замѣчаніямъ тургеневскихъ героевъ.

«И такъ хорошо поговорить по-русски!»—восклицаетъ Дарья Михайловна въ романѣ «Рудинъ».

«Дарья Михайловна изъяснялась по-русски. Она щеголила знаніемъ родного языка, хотя галицизмы, французскія словечки попадались у ней частенько». («Рудинъ», 1855 г.).

«И по-русски съ нимъ можно говорить, хоть другимъ языкомъ, да русскимъ, а не этимъ вѣчнымъ, приторнымъ, противнымъ петербургскимъ французскимъ языкомъ!»—слова Ирины. («Дымъ», 1867 г.).

— Семенъ Петровичъ,—промолвила она—(г-жа Синягина):—позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы это, говоря по русски, употребляете такъ много французскихъ словъ? Мнѣ кажется, что... извините меня... это устарѣлая мавера. («Повѣ», 1876 г.).

§ 115. Пушкинъ. (1799—37). Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился и былъ воспитанъ въ томъ обществѣ, гдѣ „выражались съ трудомъ на языкѣ своемъ родномъ“. Первымъ языкомъ и для него былъ языкъ французскій.

Однако это не помѣшало ему стать величайшимъ русскимъ поэтомъ.

Въ исторіи русскаго языка значеніе Пушкина огромно. Правда, много было сдѣлано и до него. Ломоносовъ намѣтилъ правильный путь для развитія литературнаго языка, Карамзинъ возвелъ на высокую степень изящества прозаическую рѣчь, Жуковскій и Батюшковъ довели стихотворную форму до высшей музыкальности и пластичности, но все это было сдѣлано для языка избраннаго образованнаго общества. *Пушкинъ взялъ народный языкъ и довелъ его до высокой степени художественности.**)

Въ частности для прозы Пушкинъ положилъ начало *художественной простотѣ*: ничего лишняго, выдуманнаго, искусственнаго! „Точность и опрятность—вотъ первыя достоинства прозы“. См. 15 стр.

Для стихотворной формы Пушкинъ положилъ начало *поэтической смѣлости выраженій*.

Примѣры поэтической смѣлости:

«Онъ поле пожиралъ очами». . «Пѣт».

«Иль... *стальной щетиною сверкая*, не встанетъ Русская земля?»—
«Клев. Россій».

«На холмахъ пушки, присмирѣвъ, прервали свой *голодный ревъ*»...
«Пѣтв.»

«Улыбкой ясною природа съвѣзъ сонъ *встрѣчаетъ* утро года».

«И рѣчи сыплются дождемъ на спускатахъ». «Къ Жуку.»

§ 116. Разоборченность литературнаго и народнаго языка. Со времени Крылова (1768—1844) и Пушкина въ литературный языкъ широкой волной входитъ *народный* элементъ. Однако полного сліянія народнаго языка съ литературнымъ нѣтъ и до настоящаго времени. Нѣкоторая разоборченность между тѣмъ и другимъ существуетъ не столько потому, что въ литературномъ языкѣ есть и чер-

* Некрасовъ.

ковно-славянскія и иноземныя выраженія, а главнымъ образомъ потому, что не всѣ понятія, которыми интересуется образованное общество, доступны простонародью.

Слѣдующее мнѣніе Вѣлинскаго относится къ половинѣ 19 вѣка. Съ тѣхъ поръ народъ сдѣлалъ огромные шаги въ своемъ развитіи, но все же оно не устарѣло совершенно и до сихъ поръ.

«Конечно, простолюдинъ не пойметъ словъ «инстинктъ», «эгоизмъ», но не потому не пойметъ словъ, что они иностранныя, а потому, что его умъ чужды выражаемыя имъ понятія...

Простолюдины не понимаютъ чисто-русскихъ словъ, которыхъ смыслъ внѣ тѣснаго круга ихъ обычныхъ житейскихъ понятій, напр., событіе, современность, возникновеніе и т. п.»

Вѣлинскій. (1848 г.).

Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить сценка обличенія Маркелова съ крестьянами («Новъ», Тургеневъ):

— «Измучился! — свирѣпо проговорилъ Маркеловъ. — Какъ ты съ этими людьми не толкуй, сообразить они ничего не могутъ... Даже *по-русски не понимаютъ*. — Слово: «участокъ» имъ хорошо извѣстно... а «участіе»... Что такое участіе? Не понимаютъ! А вѣдь тоже русское слово, чертъ возьми! — Воображаютъ, что я хочу имъ участокъ дать!..»

УКЛОНЕНІЯ НАРОДНОЙ РѢЧИ, НЕ ПРИНЯТЫЯ ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ отличіе отъ литературнаго языка, народная рѣчь изобилуетъ уклоненіями, не отличающимися, правда, постоянствомъ и однообразіемъ. Одно и то же лицо можетъ, напр., сказать и «кіятеръ» и «тілтеръ»; и «у тея», и «у тя» и даже «у тебя».

Главнѣйшія особенности народной рѣчи сводятся къ двумъ слѣдующимъ группамъ (А и Б). См. также § 3.

А. Звуковыя уклоненія народной рѣчи.

1) Смѣшеніе соответствующихъ согласныхъ, т. е. звучныхъ и от-звучныхъ (§ 34, прим.), напр. г и д: *эдакъ, эдакій* вмѣсто «этакъ, этакій».

Данныя народныя формы встрѣчались ранѣе и въ художественной литературѣ.

«Да, счастье, у кого есть *эдакій* сынокъ»... Гриб. «Горе отъ ума».

«Не поздоровится отъ *эдакихъ* похвалъ». Тамъ же.

«Однакожь искренно кто-жь радуется *эдакъ*». Тамъ же.

2) Забѣна одного носового звука другимъ также носовымъ: *Микита* вм. Никита; *Никола* вм. Никола (уже въ памятникахъ 13 вѣка); *мыряты* вм. мырать, *тумба* вм. тумба.

«Очень пріятно, ежели вы съ нами *канпанію* имѣете». Горб. «На празди.»

«Все одно, что ядро, что *болба*!» Горб. «У пушки».

3) Смѣшеніе между собой плавныхъ звуковъ л и р: *колидоръ, кулеръ, секретарь, пролубъ, перемилка* (пелеринка).

«Тутъ мы вышли въ *колидоръ*, пожевали яблочка»... Горб. «Трав.»
«учебникъ по исторіи русскаго языка».

4) Смышеніе звуковъ л и р съ н: *лрманка* (вм. *лрмарка*), *сумлѣніе* (вм. *сомнѣніе*).

«Веди лошадь въ городъ на *лрманку*». Григор. «Ант.-г.».

«Нѣтъ, говоритъ, я такъ на *лрмань* замышкаться». Горб. «Пост. дв.»

«Объ этомъ ты не *сумлѣвайся*». Горб. «На праздн.»

5) Смышеніе взрывныхъ *), особенно н, т, г, д: *кіатерг*, *анделз*, *поклеты* (котлеты), *ля* (для); *орепю* (орденъ, — встрѣч. у Островскаго).

«Какъ-же былъ... на *кеятръ* играть. Барыня наша *кеятръ* у себя завела... Трг. «Ляговъ».

«Рублевъ сорокъ денегъ я у *ундера*-то забралъ»... Горб. «На праздн.»

«Пріятнаго вамъ апекиту»... Горб. «Пост. дв.»

6) Замѣна звука х звукомъ н: *хуторъ* (хуторъ), *короводъ* (хороводъ).

«И точно—*каразтеру* у ней было много». П. П. Кар., Тург.

7) Смышеніе звуковъ х и ф: *куфарка*, *храниузъ* (см. § 34).

8) Выпаденіе звуковъ, особенно д и т передъ н: ** *празникъ* (уже въ Домостроѣ, гл. 12), *и усный*, *лапо* (задно).

Б. Народныя особенности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ.

1) *Обиде сокращенныхъ формъ*: «у ты», «молъ» (молвилъ), «гритъ» (говоритъ), «вишь» (видишь), «каки» (какие), «мово» (моего), «своему» (своему) и т. д.

Данныя формы встрѣчаются и въ литературѣ для передачи народно-го рѣчи:

«Я готовъ, *молъ*, жизнь за васъ положить». Майк. II. 149.

«Москва, *вишь*, виновата»... Гриб.

«Какіа разговоры нашелъ по почамъ, — отивчала Марьяна». Л. Толст. «Казакіи».

*) Взрывные звуки: б, г, д, к, п, т, ц, ч.

**) Главнымъ образомъ у сѣв.-великоруссовъ.

«Онъ славилъ *своего* господина». А. Толст. «Вас. Шибъ».

«Къ *своему* недругу закладываю». Колц.

«Смерть вѣтъ *хоща* (хочется). Григор. «Ант.-г.».

«Смерть вѣхатъ не *хоща*» (не хочется). Горб. «Пост. дв.».

2) *Отсутствіе сличенія согласныхъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ*. Отъ уха мн. ч. «ухи».

«Вѣгу» склоняется: *бѣгешъ*, *бѣгетъ* и т. д.

Также: *пекешъ*, *пекетъ*...

Наряду съ этимъ можно встрѣтить и формы: *бѣжу*, *бѣжатъ*, *бѣжи..* *печу*, *печутъ*, *печи..*

— «Коренная *ухи* трясетъ?—Да—да; *ухи*»... Трг. «Разговоръ».

«Они *хощутъ* свою образованность показать». Чех. «Свадьба».

«И его Марка зову, *шутю*»... Толст. Л. «Казакіи».

«А я домой пойду, спать *ляжу*». Горб. «На праздн.»

Данная особенность является результатомъ упрощенія языка по сходству (по аналогіи). Глаголь *несу*, *несешь*, *несетъ*... спрягается безъ какихъ-либо звуковыхъ замѣненій въ основѣ слова. Такихъ глаголовъ большинство. Отсюда является близость и всякой другой глаголь спрягать подобнымъ же образомъ: *печу*, *пекешь*, *пекетъ*...

Уклоненія происходятъ въ сторону наиболее обычныхъ формъ.

3) *Исчезновеніе средняго рода*. «Уѣздная училища», «яблокъ». «облакъ». См. § 56.

4) *Испр. накл.*: «идти». § 87.

5) *5 л. мн. числа на утъ, ютъ*. Если въ глаголь удареніе не на концѣ, то въ народной рѣчи всегда *утъ* и *ютъ* (даже и во 2-мъ спряженіи): *держутъ*, *ждутъ*, *ловютъ*.

6) *Народный языкъ не знаетъ причастій на шій*. Данная книжная форма смышляется въ народномъ языкѣ съ формой превосходной степени на —аший, и —ыйший, стр. 108.

«Да и сама *бидилющая*, больше двухъ цѣлковыхъ ожидать тоже нельзя». Трг. «Уѣздн. лек.».

7) *Употребленіе дъспричастій на —ши и —вши (мн.) въ смыслѣ скажемъ* то: «мы пришѣдши», «баринъ прѣѣхавши», «они поссоривши» и т. д. (См. § 11.)

Эта народная особенность восходит къ древне-русскому языку, гдѣ краткія формы причастій (наши дѣспричастія) очень часто были сказуемымъ:

«Бѣ Кыевъ *сидя*», «бяху *ловище* звѣрь».

8) *Искаженіе иностранныхъ словъ*. Попытка сблизить ихъ съ русскими корнями: *кулака* (отъ слова *кумъ*), *спинжакъ* (спина) .. См. 16 стр. Явленіе это носитъ названіе *парониміи этимологич.*

ХРЕСТОМАТІЯ

І. СѢВ.-ВЕЛИКОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

(Къ § 10).

1. Разговоръ нищаго крестьянина съ горожаниномъ (Олон. губ.) *).

Главныя особенности: 1) обаніе,
2) чбаніе,
3) поканіе,
4) взрывное г (твердое).

- Откуда, дѣтъ, идѣшь?
— Зъ города, кормилецъ, зъ города!
— А какая нелѣкая тибя занесла фъ такую даль?—
— Охъ, родімой, нужда заставитъ хоть въ Москву
итти: ёна и старика дѣлае молодымъ!
— А што у тя была такая за нѣжда въ городи?
— Да другой-то нѣжды не было, окрѣми што Хри-
стовымъ именемъ побирался, кормилецъ!
— Куда же теперечю, старина. путь дѣржишь?
— Бреду, родимой, домой.
— А гди твой, дѣдушко, домъ?
— Домъ, мой милостивецъ, тамъ, гди у зайчя ломъ!
— А што, дѣдушко, у тя въ этихъ мѣшочкахъ?
— Въ одномъ мѣшочкѣ—хлѣбныи кусоци, а въ дру-
гомъ толокно. Хъ кому пристану на ноцлѣкъ, выпрошу
рипничи, сдѣлаю тянушопку, да и сытъ не на одинъ
день!—

*) По хрест. Каринскаго.

Обратить вниманіе:

Дѣть—§ 35.

Пѣшь—твердое окончаніе; въ литературномъ языкѣ всегда *идесть* (б).

Зѣ города—ассимиляція звуковъ. § 35.

Кормилецъ—кормилецъ.

Нелѣвая—ассимиляція, § 35.

Тыбѣ—тебѣ.

Фѣ такую—ассим., § 35.

Родиной—родимый (интер.)

Ѣна—она.

Дѣлае—дѣлаетъ.

Што—ассим.

Та—сокр.: тебѣ.

Въ городѣ—вм. въ городѣ (ѣ=и).

Окроми—кроми.

Теперечю—вм. теперь.

Держишь—нишиц. зв. произносятся твердо.

Гди—гдѣ.

У зайца—у зайца.

Млѣнокъ—мѣлочка.

Ломъ—крокъ, пята для ловли зайцевъ.

Кусочки—кусочки.

Толокно—толокноце.

Хѣ кому—ассим.

Ночекъ—ночлегъ.

Рипица—рѣшница—рѣшля. ввась.

2. Иванъ чаревикъ и сѣрый воукъ (волкъ).

(Отрывокъ изъ сказки Петрозав. уѣзда).

Особенности 1) бканіе, 2) чоканіе, 3) доканіе, 4) конечное л=у, 5) мгновенное г (не придыхательное).

Не въ какомъ чарьсвиі, не въ какомъ государьсвиі, въ такомъ, какомъ мы живѣмъ, жыѣ мужыкъ да баба. Быѣ у ихъ сынъ одинакъ. И потомъ ѣны этово выростили и ѣнъ боѣшой стаѣ. Потомъ ѣво отецъ взяѣ и говоритъ: „Ежели ты жарь-птицу не справишь (достанешь), мы тебѣ голову на плаху“. Потомъ ѣнъ роздумаетъ, ро-скручинитъ и потомъ къ бабушки въ задворенки приходитъ на думу. Бабушка говоритъ: Ни кручинься, Иванъ чаревикъ, твои дѣла все поправятъ. И пошоѣ Иванъ, пошоѣ въ путь-дороженьку. Потомъ ѣбѣжытъ воукъ и говоритъ: „Я тебя съѣмъ“. И ѣнъ говоритъ: „Не съѣшь, а тебѣ годѣжъ (годень) буду“. Ну потомъ ѣнъ сѣу на воука и въ чарьсво съѣхаетъ.

Ѣнъ и прѣѣжаѣ въ чарьсво, воука по лѣсъ пустиѣ. Потомъ ѣнъ пошоѣ ночью въ чарьсво, гдѣ жарь-птица. Зашоѣ ѣнъ за девятѣ дверь и жарь-птицу взяѣ и зазвонитъ за двери, и такъ ѣво и схватили. Ѣнъ подумаетъ: „Гдѣ то мой сѣрый воукъ?“ Воукъ подбѣжитъ, ѣво и подхватитъ съ жарь-птицей, все хрепцонны сидовались и тутъ и остались.

Этово, ѣво—сѣв.-велик. особенность. Также: доброво, мовѣ и т. д. Эта особенность вошла и въ московское произношеніе съ конечнымъ гласнымъ а: «добрава», см. § 64.

3. Разговоръ съ старухой въ Новгородскомъ уѣздѣ *).

Главныя особенности: 1) ѣ=и.

2) окончаніе -ово вм. -ою.

3) Дѣеичастіе на -ицъ замѣняетъ сказуемое.

„Мы чай пѣемъ: присягате пока“, сказала намъ хозяйка, когда мы вошли въ избу, и на нашу просьбу принести молока отвѣчала: „Два расъ бигала за молочкомъ ноньче, молока нить. Вотъ у сусетки и похлѣнуть нечово. Ужо-ко схожу: буде рожжывутъ гдѣ!“ Черезъ пять минутъ она вернулась со словами: „Бигала, бигала, ни у одново нить.“

— „Вы сами изъ какой деревни?“—„Съ Усадишиѣ я брана. Тамъ и природа есь. Топерь одинъ братъ по-мѣрши... Нивиска у меня все неможе: и гулять бросила; лѣтомъ на гуляньѣ не стала ходить въ воскресеньѣ. Бохъ видать счовѣ.—Топерь ѣна поправляйтъ.“—„Скоро чай?“—„Самъ знаешь, самоваръ поставленъ: думатца сейчасъ то-перя“.

*) По хрест. Каринскаго.

Ты Василий Иванович,
Ни жалѣй своихъ рѣввыхъ нохъ.

Обратить вниманіе на окончанія 1) -ня: рѣчанья, палато-
ханья; 2) -мш: повѣшамш, приадумамш; 3) -шъ: бѣжишъ.

II. ЮЖНО-ВЕЛИКОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

(къ § 11).

4. Пѣсня (Скопин. уѣзда, Рязан. губ.).

Основная черта: сильное аканіе. Къ звукамъ *а* и *я* прибли-
жается большинство гласныхъ, не имѣющихъ на себѣ удареній: *ряка*
(рѣка, маи (мол), добран (добрые), чаму (чему), братяцъ (братецъ).

Ты ряка-ли, мая рѣчанья,
Ты ряка-ли, мая быстрая,
Ужъ и што жа ты, рѣчанья,
Па тихо бѣжилъ, палатоханья.
Ужъ и што же ты, Марьюшка,
Ужъ и што же ты, Иванавна,
Приунывъ сидишь, приадумамшъ,
Што навѣшамшъ галовушку *)
Што на праваю старонушку.
Ушъ вы люди, маи люди, люди добран,
Вы сасѣды приближонаи,
Ка чаму же мнѣ высѣлай быть:
У мене ли нѣту матушки,
Убрать, снарядить есть каму,
А блаславить мене некаму.
Ты радимый, мой братяцъ,

*) Слово «галовушку» передано черезъ *h*: «галовушку», чтобы пока-
зать, что ю.-всл. произносятся *г* длительно, сходно съ латинскимъ *h*
(близко къ нашему *x*).

5. Пѣсня (Орлов. уѣздъ).

Главные особенности; 1) аканіе.

2) *е* безъ ударенія то замѣняется *и* (дири-
виннымъ), то *я* (крястомъ).

3) 3-е лицо оканчивается на -тъ (зароють,
паплачить).

4) Придыхательный звукъ *г*, близкій къ ла-
тинскому *h*. Передаемъ его буквой *h*.

палава-лъ ты май,
Жмсь заудалаи,
Захубила миня малатца, *)
Маладѣцкю жмсь захубила,
И въ темницу мине призывела.
Абамру **) на тирѣмнай пасѣтели,
Пахаронють, минѣ кой-какъ,
Пахаронють, змилѣю зароють:
Ни паплачить радимая мать.
Ли чаво ***)) а на свѣтъ ўрадилъ,
На што радилъ минѣ мать?
Ли таво я на свѣтъ радилъ:
Тирѣмню жмсь испытать.
Вы сълитайта вы, мелкийи пташки,
На зилѣну маѣлу маю,
Вы васпойта пичальную пѣсьню
Надъ маимъ диривиннымъ крястомъ.

*) «А» обозначенное курсивомъ произносить не совсемъ явственно.
(Это касается всякаго *а*, стоящаго на второмъ передъ удареніемъ
слогъ: малатца, пахаронють).

**) Абамру—обомру—умру.

***) Ли чаво—для чего.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВЕЛИКОРУССКИЙ ГОВОРЪ.

Совмѣщать въ себѣ

I. Черты сѣв.-великорусскія:

- 1) чоканіе: ружку (ручку).
- 2) чоканіе: молодечъ (молодецъ).
- 3) окончаніе -во вм. -то въ Р. п.—цаво (чаво=чего).

II. Черты ю.-великорусскія:

- 1) аканіе (умѣренное).
- 2) Мягкое -тъ въ 3 л.: водють.
- 3) Придыхательное h (т) на ряду съ мгновеннымъ г: холась, гнала.
- 4) Окончаніе -ия.

6. Пѣсня (Касим. уѣзда).

У Катѹцкихъ у заротѣ
Дѣфки водють караходѣ,
Анна дѣвица залѣла,
Въ терямъ холась надала,
Маладца въ таску гнала.
Молодечъ на конѣ садилецъ,
Тяжелѣхынѣкы въздыхаль,
Праву ружку къ серьцу жалѣ
Самъ Надежду называль.
Ты скажы, скажы, Надежда,
Скажы, вѣрная любовѣ,
Ать цаво серьца страдалъ,
Ать цаво пылая крофѣ.

ВЕЛИКОРУССКИЙ ГОВОРЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

(Къ стр. 13).

Главная особенность: сладкоязычіе, т. е. произношеніе р и л, какъ й.

Черта, замѣтованная у туземцевъ.

7. Йзбедь (Лебедь).

Ай по мору, ай по мору,
Ай по мору, мору—синему,

Пйыя йебедь, пйыя йебедь,
Пйыя йебедь со йебедушкою.
Пйыши йебедь, пйыши йебедь
Ужуйнуйасъ;
Укуйнуйасъ, укуйнуйасъ,
Стйенышкнуйасъ,
Стйенышкнуйасъ, выйша на бейжождь,
Йонять пеййа, йонять пеййа
Йебедныя.

По мору—по морю.

Пйыя—пыла.

Укуйнуйасъ—«укнулась».

Стйенышкнуйасъ—встрепенулась.

Бейжождь—березокъ.

Йонять—роютъ.

Пйыл—перья.

III. МАЛУРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

8. Хворый (Полт. губ.) *).

Пытався батько у сына: „Що цэ тобі, сынашу, сталося? Чы ты хворый, чы що?“

Бо ты-жэ такы ничо҃исинько **) нэ йиси. Чы ты слободни що йивъ?“ — А сынъ каже: „Ни, тату. Тилькы дали мині маты вранци хлиба окрайчыкъ, та черствый дужэ; такъ я хотивъ размочыты йо҃но у видри, а винъ нэ влизъ,—такъ я йо҃но сухой и згрызъ. Бильшэ ничо҃исинько нэ йивъ“.

Пытався—спрашивалъ.

Що цэ—что это.

Сынашу—зв. пад. § 40.

Чы—или? развѣ?—

Такы—таки.

Ничо҃исинько—ничего, «ничего-шенько».

Йиси—ѣшь.

Йивъ—ѣлъ.

Каже—сказываетъ—говорить.

Тату—зват. пад.: тятя!

Тилькы—только.

Маты—мама, мать.

Вранци—рано, утромъ.

Окрайчыкъ—краешекъ.

Дужэ—очень.

Йо҃но—его.

У видри—въ ведрѣ.

Винъ—онъ.

9. Казка (сказка Екатерин. губ.).

Ийшли два чоловікы тай заспорылы. Одинъ каже, шо есть у свити правда, а друһый—шо нема. Ну, як нема,

ходимъ до тако҃го-то чоловіка, шо я знаю, як винъ скаже, шо нема, то ты мени очи выколеш. А лыхый пидслушав це, перебиѣ ихъ, перекинувся тымъ чоловікомъ та йде на-вустрич. „А шо, пытають, есть у свити правда?“—Ни, каже, нема.—„Ну давай, я тобі очи выколю“.—Постой, каже, ходимъ до дру҃ого, та ше напередѣ и третій есть. Лыхый и тымъ чоловікомъ перекинувся, зновъ каже, шо нема правды. „Ходимъ, каже, до третёго“. Лыхый и туды поспивъ. И той третій тийи жъ каже. „Тепер давай каже, очи“. Повыколовавъ ёму очи, забравъ ё҃но усе хозяйство, живе собі паномъ. А той слипый и пишовъ собі тай пишовъ, и зайшовъ у болота, а тамъ саме ихъвѣ баня була. Влизъ винъ у ту баню тай сховався пид пич. Колы це пиво҃ны сходятця зъ усихъ крайивъ чорты тай хвалѣтьца, хто кому яку пакость зробивъ. „И, каже одинъ, зостриг двохъ чоловік: идуть тай спорѣтьца, чы есть у свити правда, чы нема“. Тай розсказуе, якъ винъ то҃го, шо казавъ, шо есть правда, пидвивъ, такъ шо той и очи положывъ.—Э, кажуть, це ше ничо҃го, бо у насъ пид банею есть такой каминець, шо тилко винъ очи нымъ помаже, такъ знову и бачытyme. А отъ я: була в одномъ селѣ крыница така вгодна, шо изъ нейи и врожайи, и усе йшло; такъ я взявъ джерела во҃вною та каминѣямъ позабывавъ, и теперъ тамъ така биднота! Той усе слуха. Отъ якъ поро-сходились во҃ны, винъ влизъ та помацкы, помацкы найшовъ той каминець, помазавъ тамъ, де були очи—такъ и есть, найшлись очи. Винъ тоди пишовъ та прямо у ту слободу, де чортъ крыницю забывъ. Приходе, ажъ тамъ бьютця та рижутьца. „Чо҃го це вы?“ пыта. Та була у насъ, кажуть, крыница, а теперъ жыйсь лыходѣи затаскавъ йийи, такъ це мы по мизду собою вынуватця шукаемъ. „Шо дасте, я вамъ очыстю?“. Ты люде ради, дають ёму тысячу. Винъ заходивсь, очыстивъ ту крыницю, пишли зновъ зъ нейи врожайи и усе. Тоди забравъ свою тысячу и пишовъ до то҃го, шо казавъ: нема правды. „А шо, каже, ось же есть

*) И надо произносить не слишкомъ твердо; среднее между *ы* и *и*.

**) Буквой *н* обозначаемъ длительное г, близкое къ латинскому *h*.

на свити правда“. Зараз забрав усе своє хозяйство, а ёно проігнав; так він и пропав десь.

Каже—говорить.
У свити—на свѣтѣ.
Нема—нѣтъ, «не имѣется».
Як—какъ; здѣсь: *если*.
Вин—онъ.
Лихий—лихой, бѣсъ.
Підслушавъ—подслушалъ.
Це—это.
Перебѣдъ—перебѣжалъ.
Перекинувъ—перекинулся.
Тьма—тьмъ.
Иде—идеть.
Назустрічъ—навстрѣчу.
Зновъ—снова.
Посидѣвъ—посидѣлъ.
Тѣмъ же—то же.
Усе—все.
Паномъ—баринкомъ.
Пановъ—помель.
Саме—именно, какъ разъ.
Була—была.
Сховавсь—спрятался.
Нидъ ничъ—подъ печь.
Коли—когда, *ворує*, если.
О півночі—о полночи.
Усидѣвъ—всѣхъ.
Яку—какую.

Зробивъ—сдѣлалъ.
Зостри—встрѣтилъ.
Тѣмъ и, да, вотъ, но.
Підвівъ—подвелъ.
Къ мисей—камень.
Тълько—только.
Бачатьме—бачити—видѣть. Здѣсь
3-е лицо ед. будущ. времени.
§ 15.
Криниця—родникъ, колодезь.
Джерело—источникъ.
Вовка—овечья шерсть.
Слуха—слушаетъ.
Отъ лисъ—вогъ какъ.
Вони—они.
Помови—опущу.
Пайшовъ—пашель.
Тоді—тогда.
Ажъ—ажно, даже.
Рисувати—рѣжущи.
Пити—пѣтаетъ, спрашиваетъ.
Якыйсь—какой-то.
Вин—се.
Винуватий шукаємъ—виноватаго
ищемъ.
Десъ—гдѣ-то.

10. Людські приказны (Загадки и пословицы).

- 1) Не живу и не гуляю, а симъ бидъ знаю и видъ
пожа умираю (хлѣбъ: сѣютъ, молотятъ, мелютъ, розчи-
няютъ, мисятъ, печуть и йдять).
- 2) Вовка бояться, то и въ лисъ не йти!
- 3) Держи холоду въ холоди, живить въ холоди, а
поны въ тепли.
- 4) Симъ соколятъ на одній постели сплять (низдо).
- 5) Языкомъ що хочъ кажи, а руки при собі держи.

Бидъ—бѣдъ.
видъ—отъ.
Вовка—волка.
Лисъ—лѣсъ.

Симъ—семь.
Кажы—говори.
При собі—при себѣ.

СЪВЕРНО-МАЛУРУССКІЙ ГОВОРЪ *).

Главные особенности:

- 1) *—іа: всѣ, не мѣли (не имѣли), хлѣба. Также произно-
сится иногда и е подъ удареніемъ.
- 2) Неударяемое е произносится часто, какъ и: видро, пису.
(Какъ у южн. великор.).
- 3) Дифтонгъ уо замѣняется иногда о: Пуо́льша, Буо́гъ.
4) 3 лицо оканчивается на -тѣ (какъ у сѣв.-великоруссовъ):
кричатъ. Однако послѣ е звукъ т отпадаетъ вовсе:
нишѣ, читаѣ.

Черты, заимствованныя у белоруссовъ:

- 1) Твердое р: порадо́къ (порядокъ).
- 2) Иногда дз вмѣсто мягкаго д и ц вмѣсто мягкаго т.

11. Якъ Пуо́льша згинула **).

„Якъ была Пуо́льша, то нѣ было́ ніякого пора́дку—
паны нѣ слухалися сво́его коро́ля и що хотѣли, то ро-
били. Вони тоу́лько гуляли, банкетовали и надъ наро-
домъ звучалися. Мужиковъ вони и за людѣй не мѣли.
Бывало, на панскі́хъ ланѣ́хъ люде́ за богато́въ пла-
чуть и сто́бнуть, а въ пала́цахъ гра́е му́зыка, паны рѣ-
чуть, крича́тъ, пью́тъ и йдять. Не вмі́ли панова́тисы
ляхи́ и за йихъ пѣху и лю́цку кривду Буо́гъ и́скаравъ и
Пуо́льша згину́ла, якъ рудая мышь. Коли Буо́гъ схѣ́въ
ко́го укѣ́рати, то впершъ ро́зумъ одбѣ́рѣ. Дурный ляхи́
продали́ свою Пуо́льшу Росси́ за одну бочку́ золоту и за
одина́дцять бочо́къ пису́“.

*) Сѣв.-малорусское нарѣчіе граничитъ на сѣверѣ съ белоруссами.
Оно слышится въ нѣсколькихъ уѣздахъ Сѣлѣцкой и Гродненской губ.,
въ Пинскомъ и Мозырскомъ уѣздахъ Минской губ., въ сѣверныхъ уѣз-
дахъ Волынской, Радомысльскомъ уѣздѣ Киевской губ., въ сѣв. части
Черниговской губернии.

**) Самый разсказъ крестьянина, объясняющаго печальную судьбу
Польши послѣ раздѣловъ грѣхами пановъ. Изъ лекцій акад. Шахматова.

«Учебникъ по исторіи русскаго языка».

Якь—какъ.
Нікого—никогого.
Пань—баре.
Во сьлѣхъ—не сьлѣхъ.
Що—что.
Робили—дѣлали.
Воки—они. Призвукъ вьстрѣчается
и въ великорусскихъ говорахъ:
васы (осы), еулица. Слово *вот-*
чина (отчина) вошло даже въ ли-
тературный языкъ.
Банкетовали—пировали. Иностр.
слово (фр.), вошло въ малор.
языкъ черезъ Польшу.
Злущатися—глумиться.
Не мѣли—не мѣли, въ смыслѣ: не
считали.
Лань—участокъ земли.

Одъ—отъ.
Батомъ—налки.
Стопанати—стонать.
Палацъ—дворецъ. Иностр. слово
(фр.), вошедшее въ Малороссію
изъ Польши.
Грає—3 лицо; вм. *граєть* отъ гра-
ти=спрати.
Рѣзочуть—хохочуть.
Пановатися—быть панамъ.
Пыха—спесь.
Искаравъ—наказавъ.
Рудый—рыжий.
Схочъ—захочетъ.
Впершь—сначала.
Розумъ—разумъ.
Оббѣръ—отбереть.
Дурный—глупый, дурной.

IV. БѢЛОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

12. Браты и госьцы (гости).

(Гродн. губ.).

Главныя черты: 1) сильное *ákanie*, 2) мягкое *д=дз*; 3) *-ть=ць*.

Были сабѣ два брата, жыли яны вотъ такъ, якъ Богъ
даў. Приязджаюць разъ до ихъ госьцы. Госьцяць яны
дзень, госьцяць другі, госьцяць и другую нядзѣлю. Такъ
браті гавараць мяжду сабою: Што гэта за госьцы?—
няхай бы яны погосьцили бѣ дзень-два, а то другая няд-
зѣля йдзе, а яны ўсё только ядучъ и нічога ни робяць.
Якъ бы ихъ выгнаць?—И прыдумали завясыци драку, и
такъ яны зробили. Пошли ў гумно молоницъ и слово за
слово зачали сварыцца, посла и бицца и меншы братъ
зачаў крычаць: давай мнѣ, злодзѣй ты, половину! Ну и
дѣляцца ўсімъ, што мѣли и наконецъ подзялилися и
госьцями: старшы бярэ аднаго госьца, а меншы друго-
го. Приходзяць обѣдъ. Старшы прыготовіў добры обѣдъ, а у
меншого нічога ни было, такъ што нима госьцы нічога даць.
Такъ меншы братъ кажа своему госьцу, кабѣ ёнъ ўзяў
ковалочекъ каўбасы у старшаго. Той бярэ, а старшы
братъ трахъ! яго ложкою по лоби. А меншы братъ кажа:
Якъ! ты маго госьца будзяць биць ложкою?—Колижъ ты
маго ложкою, то я тваго опалонникомъ.—А ты маго
бѣшь опалонникомъ?—Я жѣ тваго качаргою!—дай чаба-

рахъ того по спини качаргою, што ажъ небо зъ аўчинку яму показалосѣ.

„Да гето за братняго госьца!“ Якъ ухочиць за лопъ дѣй выкинуў за парогъ.

А той братъ сваимъ чарадомъ другого госьца. И такъ дѣло кончилось.

Госьци—гости.

Яны—они.

дау—далъ.

Прыязжаюць—пріѣзжаютъ.

Госьцяць—гостятъ.

Надѣля—недѣля.

Гавараць—говорятъ.

Гето—это.

Няхай—пускай.

Дзень—день.

Идзе—идеть.

уса—все.

Ядуць—ѣдятъ.

Робяць—работаютъ.

Выгнаць—выгнать.

Завясяць—завести.

Молодцы—молодоты.

Сварыцца—ссориться.

бицца—драться, биться.

усимъ—всѣмъ.

Мѣли—лѣли.

Прымавоў—приготовилъ.

Нама—не имѣется, нѣтъ.

Кажа—говоритъ.

узяў—взялъ.

Ковалочекъ—кусочекъ.

Колбаса—колбаса.

Будзашъ—будешь.

Калі жъ—если же.

Опалонникъ—уполовникъ, разлива-

тельная ложка.

Ауцника—овчинка.

Устомиць—ухватить.

Чарадомъ—чарадомъ.

13. У вагони. (Гродн. губ.).

Мужыкъ пытае жонку:

— А што, Кацярыначка, добра цабе сядзець?—

— Дужа добра.

— А ци не сыджэна? —

— Не, зусимъ не...

— А ци не цягне зъ вокна?—

— Ни, ни...

— Ну, дыкъ пусьци мяне туды, а сама сѣдай на маё мейсцэ.

У вагоні—въ вагонѣ.

Пытае—пытаетъ—спрашиваетъ.

Кацярыначка—Катериночка.

Добра—добро, хорошо.

Сядзець—сидѣть.

Дужа—дуже (малор.), очень.

Цяне—тянетъ, дуетъ.

Зъ вокна—изъ окна.

Дыкъ—такъ.

Пусьци—пусты.

Сѣдай—сидись.

Мейсцэ—мѣсто.

14. Бѣлорусскія имена.

Ягоръ—Егоръ.

Хведось—Федотъ.

Аляксѣй.

Пархверъ—Порфирій.

Апанась—Афанасій.

Хведаръ—Феодоръ.

Грыгоръ—Григорій.

Сцяпанъ—Степанъ.

Марыя—Марія.

Янъ—Иванъ.

15. Бѣлорусскія пословицы.

1. Баюсь я цабе, якъ воўкъ ягняци.

2. Не купіў бацьки шапки,—няхай вушн мерзнуць.

3. Не напаму цялици воўка паймаца.

4. Скушы два раза траціць.

5. Якъ ты къ людзямъ, такъ людзи къ цабѣ.

6. Узяў воръ кароўку, няхай бярець и вяроўку.

Цабе—тебя.

Воўкъ—волкъ.

Ягняци—ягненка.

Купіў—купилъ.

Бацьки—бацька.

Пайма—поймалъ.

Вушн—уши.

Мерзнуць—мерзнуть.

Цялици—теляти.

Паймаца—поймать.

Траціць—тратить.

Людзи—люди.

Цабѣ—тебѣ.

Узяў—взялъ.

Кароўка—коровна.

Бярець—береть.

Вяроўка—веревка.

ОБРАЗЦЫ ДР.-Ц.-СЛ. ПИСЬМЕННОСТИ.

Кириллица.

а—а
б—б
в—в
г—г
д—д
е, ie—е
з, s—з
ж—ж
и—и
і—і
к—к
л—л
м—м
н—н

о—о
п—п
р—р
с—с
т—т
су, з—у
ф—ф
х—х
ѡ—от
ч—ч
у—у
ш—ш
ц, шт—щ
ѣ—ѣ

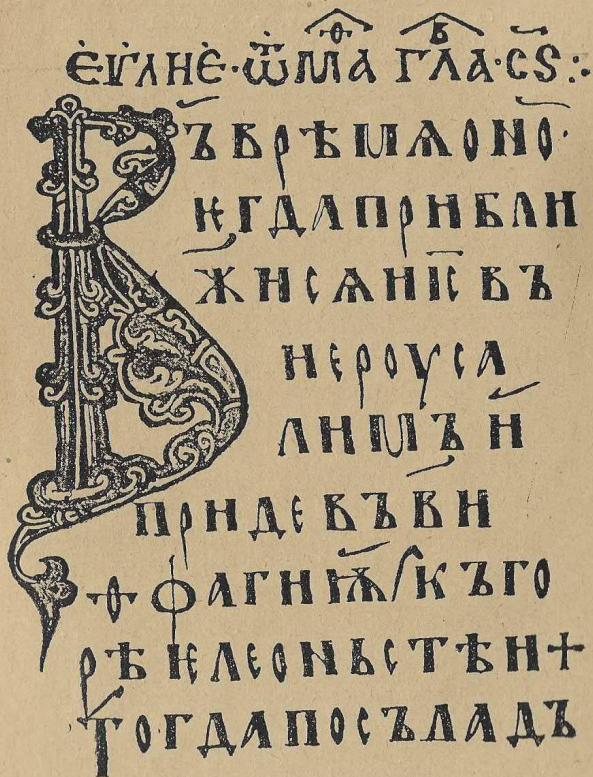
ы—ы
ь—ь
ѣ—ѣ
ю—ю
ѡ
Ѣ } юсы
Ѥ
Ѧ
Ѩ—я
Ѫ—кс
Ѭ—пс
Ѯ—Ѯ
Ѱ—Ѱ

Остромирово Евангеліе (XI в.).

Одной изъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ рукописей, писанныхъ у насъ на Руси, является Остромирово Евангеліе.

Свое названіе это Евангеліе получило отъ имени новгородскаго посадника Остромира, для котораго оно и было написано діаконѣмъ Григоріемъ въ 1056—57 гг.

Рукопись заключаетъ въ себѣ 294 листа большаго формата, написана она въ два столбца крупнымъ четкимъ почеркомъ („уставомъ“), о которомъ можно судить по прилагаемому точному снимку (№ 1).

Снимокъ № 1 (1/4 часть листа).

Содержаніе Остромирова Евангелія расположено не по Евангелистамъ, а по порядку праздничныхъ чтеній, начиная съ праздника Пасхи, т. е. съ 1-й главы отъ Иоанна. (См. снимокъ № 2).

Н СКО ^И НБѢСЛО ^В О	ЖНОТЪЗБѢСѢТЪ
НСЛОКОБКОТЪ	УЛОКѢКОМЪНБѢ
БѢНБѢЗБѢ	ТЪЗВЪТЪМЪСЪКЪН
СЛОКОДѢБѢ	ТЪСА ^И НЪМА ^И НО
НСКО ^И ННОУ	НОБАТЪЗБѢСѢ
БѢНТЪМЪСЪБѢ	УЛѢКЪПОСЛА ^И НЪ
ША ^И НБѢЗНО ^И Н	ОТЪБѢНМА ^И НОУ
УКТОЖЕНБѢСѢ	НОАНЪТЪПР ^И ДЕ
НЖЕВЪСѢТЪЗВЪТО	ВЪЗІКЪДѢТѢЛЪ
ІЛЪЖНОТЪЗБѢН	СТКОДАСЪВѢДѢ

Снимокъ № 2: (Первая страница «Остр. Ев.»). Сильно уменьшено.

Остромирово Евангеліе имѣетъ большое значеніе для Исторіи русскаго языка. По нему, напр., видно, что въ XI в. на Руси уже не было носовыхъ звуковъ (носовъ), и диаконъ Григорій постоянно путаетъ *ж и ѡ съ у и ѡ*.

Зато здѣсь очень правильно употребляются мѣхѣ гласные (ѡ и ѡ), не исчезнувшіе еще въ то время изъ живого языка.

Сравнительно правильно употребляется здѣсь и буква ѣ. Описываясь, переписчикъ иногда путаетъ ее съ ѡ, а не съ ѡ, что тоже очень

важно: очевидно, ѡ на Руси никогда не приближалось къ звуку ѡ, а скорее къ ѡ. і въ Остром. Евангеліи встрѣчается только на концахъ строкъ и то тамъ, гдѣ не умѣщается и. Въ такихъ же случаяхъ употребляется и ѡ вмѣсто обычнаго ѡ.

И не имѣетъ надъ собой значка краткости.

17. Особенности Остромирова Евангелія.

Хотя Остр. Евангеліе написано на древне-церк.-славянскомъ языкѣ, но нѣкоторыя слова передаютъ уже русское произношеніе. Слова эти являются или невольной опиской переписчика, или сознательнымъ желаніемъ внести большую ясность для пониманія русскаго читателя.

- 1) Юѡ большой часто замѣняется черезъ ѡу: кодоу, градоу.
- 2) Ъ замѣняется крайне рѣдко е: несть окитеан, гиеки.
- 3) Жд замѣняется буквой ж: прижожж, прѣже, рожекто. См. § 31.
- 4) Окончаніе -тъ замѣняется -тъ: бистъ, бѣтъ, дасть.
- 5) Вмѣсто рѣ, рѣ, ѡ, ѡ, ѡ встрѣчаются обратныя (русскія) сочетанія ѡр, ѡр, ѡ, ѡ: кѡрѡ, кѡрѡце, цѡрки (См. § 32.).
- 6) Въ «Послѣсловіи» встрѣчаются *полномасныя* формы: Новѣго родѣ, Володимира, (см. § 33).

18. Отрывокъ изъ «Остромирова Евангелія».

Іоанна I, 1—17. Нсконнъ съ слово и слоко бѣ отъ бѣ и
 бѣ бѣ слоко. се бѣ нсконн оу бѣ и темъ еѣ бѣша. и безъ
 него ннѣтоже не бысть, нже бысть. въ томъ животѣ бѣ, и
 животѣ бѣ свѣтъ уловокѣмъ, и свѣтъ въ темъ свѣтитъ са и тѣмъ
 его не обатъ. бысть улокъ посланъ отъ бѣ, нма нмоу ноанъ.
 тѣ приде въ свѣдѣтельство, да свѣдѣтельствуютъ о свѣтѣ, да
 всѣ вѣрѣ нмѣтъ нмъ. не бѣ тѣ свѣтъ, нѣ да свѣдѣтельствуютъ
 о свѣтѣ. бѣ свѣтъ истиннын, нже просвѣщаетъ еѣскаго ула
 градища въ мирѣ. въ мирѣ бѣ, и мирѣ темъ бысть, и мирѣ 9

его не позна. въ своемъ приде, и свои его не приима. ианко
же ихъ принять и, дасть имъ область уадоу бжнемъ быти
вѣроуижемъ въ нма его. и слово пать бысть. и въсан са
въ ны, и вѣдохомъ славу его, славу яко единоуадаго отъ
оца, исплнъ благодати и истини. ноанъ съвѣдѣтельствова о
немъ, и възвѣа гла: съ въ, егоже рѣхъ: грады по мѣнѣ
прѣдъ мѣноу бысть, яко прѣвѣ мене въ. и отъ исплнениа
его мы вси принахомъ благодать въз благодать. яко законъ
моисеомъ данъ бысть, благодать и истина їс хмъ бысть.

1. искои=ис+кни отъ корня кон- (конецъ). Теперь въ Евангелии это слово замѣнено черезъ «въ началѣ».

2. тѣмъ—теперь твор. пад. на ѣ (тѣмъ), § 45. кша—Аор. означаетъ дѣйствіе мгновенно совершившееся, а посему лучше перевести *стало*; а не «было». кзз—предлоги очень часто писались безъ ѣ.

3. кз тѣмъ теперь «въ томъ».

4. чакѣкомъ (теперь «счеловѣкамъ») дат. мн.ч.—сктитъ са—3 л. неопр. накл. было бы сктити са. тѣма—съ ѣ, который переходитъ въ е: темный, § 24.

5. скатъ вм. теперешняго «объятъ». «Іоаннъ» теперь согласно съ греческ. языкомъ пишется черезъ два ии.

6. тх—краткая форма къ намему *тома*. Приде аор. 3 л. (придохъ). «Свидѣтельствуеъ»—3 лицо.

7. нма—тв. п. нх=но.

9. градица—род. п. отъ прич. гради. мирх—теперь «міръ».

10. скоа (вм. жкоа)—вин. пад. муж. р. мн. ч. «яко»—сколько.

11. и—его (в. пад.). Область—власть. чадоу бжнемъ кити—дат. съ неопр.

13. икз—§ 57. Единочадаго—см. § 61.

14. исплнъ—русская форма вм. славянской исплнъ.

16. прѣдъ—ѣ—см. § 33. исплнениа (полноты)—русское начертаніе вм. древняго иа.

17. кзз—за.

18. моисеомъ—тв. пад. на ѣ. Отъ Им. пад. моисей=Моисей.

19.

Матвея II, 1 — 12. Исоусу рожьшоу са въ внолѣемъ
ноуенстенъ въ дѣни прода црѣа, се вѣсен отъ вѣстока придоша въ
перѣлнхъ глѣще: каде есть рождин са црѣ ноуенскѣ. вѣдохомъ
бо звѣзда его на вѣстоцѣ и придохомъ поклонитъ са кмоу.
оуслышавъ же родъ црѣ съмате са и весь нероусланны съ нимъ.
и събѣравъ вса архирема и киннѣлннхъ людскыа въпрашавше
и: каде хѣъ раждаеть са; они же рекоша кмоу въ внолѣемъ
ноуенстенъ тако бо писано есть прѣтмъ: и ты, внолѣомѣ
земле ноудова, ннунъже мѣнѣши кси въ вѣдѣхъ: ноудовахъ:
ис тебе бо нздеть вѣка, нже оупасеть люди моа нзѣа. тогда
родъ отан призвавъ вѣхъы испита отъ нимъ вѣрма мѣла
шана са звѣзды. и пославъ въ внолѣомъ реуе: шѣдыше, ис-
пытанте извѣстно о отроуате. когда же окрѣете, повѣдите ми,
да и азъ шѣдъ поклоню са кмоу. они же послушавъше
црѣа ндоша. и се звѣзда, кже вѣдѣша на вѣстоцѣ, ндѣаше
прѣдъ нимъ, доидѣже приидѣши ста вѣроу, ндеже въ отро-
уа. вѣдѣвъше же звѣзда възрадоваша са радостнхъ великохъ
зѣло. и въшѣдыше въ храмннъ вѣдѣша отроуа съ матернхъ
матернхъ его, и падѣше поклоннша са кмоу. и отверзѣше
скрѣоуница своа принесоша кмоу дары: злато и ливанъ и змѣрунъ.
и отъветъ приннѣше въ сынъ не възвратнн са къ родоу,
нъ ннмъ пѣтмъ отнаоша въ странѣ своѣхъ.

1. Исоусу рожьшоу са—дат. самоср. § 102. Перевести «Когда Иисусъ родился»...

Теперь Иисусъ—согласно съ греч. текстомъ. рожьшоу—ж.вм. жд—особенность русскаго языка. са въ сл. языкъ отдѣльно при глаголахъ.

2. се=вотъ. Кжски—славянская форма вмѣсто русск.: кжски полхвы.—§ 32. придоша—аор. црѣа—въ Остр. Ев. читается «цесаря».

Ниже црѣа—«цесарь».

3. глѣще—прич. кже—гдѣ.

4. на кхстоцѣ—§ 28. покоснитъ са—достиг. накл. § 88. Неопр. накл. было бы «поклонити ся».

5. нма—тв. п. съ ѣ.

6. архирема—надстрочный знакъ (?) обозначаетъ глухой звукъ=ъ. кхпраннаши—3 л. ед. ч. переход. вр.

7. раждаеть са—3 л. ед. ч. рекша—аор.

8. прѣкша—пророкомъ.

10. теке — р. и. кѣ ка — «владыка». Люди — вин. пад. издѣа — «израиля».
 11. Отан — тайно. вѣрма черезъ т — см. § 33.
 12—13. Испитантѣ — пов. накл. § 85. ми — § 57.
 15. кже — «юже» — которую. идѣаши — прех. вр.
 16. кѣ хѣу — русск. форма вл. врѣху.
 18. зѣло — очень. кшѣдѣши — § 24.
 20. златѣ — § 33. замуриж — «смирну».
 21. кѣ хѣи — во снѣ. кздратити са — неопр. накл.
 22. Нѣ — но. ижѣмъ ижѣмъ — тв. пад. на ъ.

20.

Послѣсловіе. Слава тебѣ, ги цю нѣсмын, ꙗко съродоби на на- 1
 писати еѣне се. поухѣ же є писати въ лѣ с. ф. ѣд, а коньухѣ є 2
 въ лѣ с. ф. ѣе. Написавъ же еѣне се разоу єбно нареуеноу сѣхѣу 3
 въ крѣпении носифѣ, а мирскыи остромирѣ, близѣоу сѣхѣу изасла- 4
 коу кѣназоу, тогда предъжѣхѣу оуѣ елсти, и оѣа своего ирослава, 5
 и брата своего володимира, сѣмъ же изаславъ кѣназу правѣмаше столѣ 6
 оѣа своего ирослава кшѣкѣ, а брата своего столѣ порѣжѣи правѣни 7
 близѣоу своегоу остромирѣу новѣгородѣ. Многа же лѣ дѣроуи єѣ 8
 сѣтажѣхѣиоу еѣне се на оуѣщеніе многаѣмъ дѣмъ крѣстианъ- 9
 скѣмъ. дѣи емоу гѣ єѣ єлѣне стѣхъ єлѣганстѣ нѣона, мѣоєл, лоукѣи, 10
 мар, и стѣхъ праѣѣ авраама и їсаака, и їакова, самомоу емоу и по- 11
 дроужни єго ѣсофанѣ, и ѣадоу єю и подроужнемъ ѣаѣ єю, сѣдракѣ. 12
 стѣоукѣ же многа лѣ, сѣдракѣ пороужение свое. аминѣ. 13
 Аѣзъ григорин дѣмѣко написавъ еѣне є. да иже гораѣне сего на- 14
 пише, то не моѣи заѣрѣти мѣмъ грѣшнѣнѣоу. Поухѣ же писати мѣа 15
 окѣ. кѣ на памѣ. иларіона, а оконѣа мѣа мѣна въ єї. на ѣа єпифана. 16
 Моѣо же вѣсѣхъ поунѣаѣхѣнѣхъ, не моѣтеє кѣати, нѣ исправѣше по- 17
 унтантѣ. Тако бо и стѣи аѣлѣ паѣаѣ гѣстѣ: Кѣте, а не кѣмѣте. аминѣ 18

1. ги — господи. цѣю — § 40. ма — § 57. єхѣоєски — аор.
 2. написати — неопр. накл. § 87. поухѣ — аор. Описка — вл.
 поухѣхъ — отъ поухѣи — поухѣе. — в. п. § 58. Въ 6564 году отъ со-
 творѣнѣя мѣра, или въ 1056 г. по Р. Хр. конѣаѣхъ — сѣ б отъ конѣаѣ —
 конецъ.

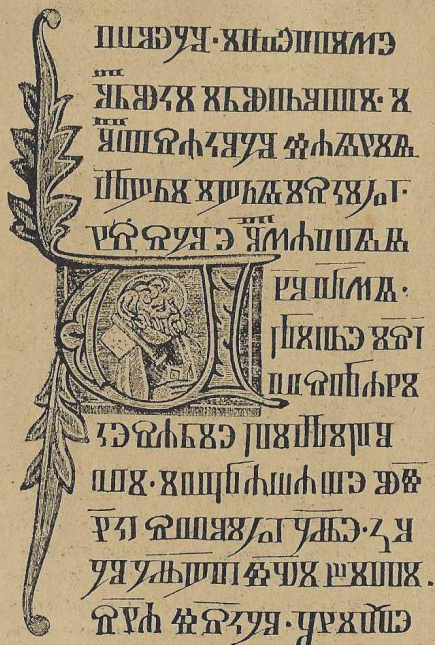
5. предъжѣхѣу — § 33.
 6. Володимира — полногласная форма вл. «Владимира», § 33.
 правѣмаше — прех. вр. § 78.
 7. кшѣкѣ — мѣстн. пад., § 46. Новѣгородѣ — также.
 9. крѣстианъскѣмъ — народное «кр.»... вл. «христіанскѣмъ».
 10. кѣниѣ — «благословеніе». Єлѣганстѣ — Р. мн. § 50. нѣона —
 вл. Иоаннѣ (сѣ греч. яз.), сравни: Иванѣ.
 11. праѣѣ — праѣтеѣ.
 12. єю — дѣ. число отъ и, ѣ, ю. Подроужнемъ — описка: ѣ вл.
 ѣ — д. п. мн. ч. — женамъ. Сѣдракѣ... — теперь въ силу ассимиляціи:
 здравѣ, § 35.
 13. пороужение — сѣ вл. ж — русское произношеніе. Корень рѣжа.
 14. гораѣне — лучше.
 15. напише — 3 л. безъ тѣ, § 71. моѣи — пов. накл.
 16. «Окѣаѣи 21 въ дѣнь («памѣтѣ») св. Иларіона, а оконѣаѣ въ
 мѣсѣцѣ маѣ, 12-го числа въ дѣнь св. Єпифаніа».
 17. моѣкѣ — пов. накл. § 85.
 18. Паѣаѣ — Павелѣ. Гѣстѣ — глаголетѣ. Кѣте — «благословите».
 кѣмѣте — пов. накл. сѣ тѣ, § 85.

21. Зографское Евангеліе.

Важнымъ памятникомъ др.-церк.-славянскаго языка является такъ называемое Зографское Евангеліе. Написано оно въ XI в. и находилось въ Зографскомъ монастырѣ на Аѣонѣ.

Евангеліе содержитъ въ себѣ 304 листика (въ $\frac{1}{4}$ листа), изъ нихъ 270 исполнены глаголицей. (На снѣмкѣ 3 помѣщено начало I главы отъ Іоанна).

24. Снимокъ съ „Реймскаго Евангелія“, XV в.

Снимокъ № 4. «Квадратная глаголица».

25. Параллельный текстъ Остромирова и Зографскаго Евангелій.

Оба текста одного вѣка, но Остромирово, какъ писанное на Руси, носитъ на себѣ отпечатокъ русскаго произношенія.

Напр. «дасть» вмѣсто ц.-сл. «дасть», «есть» вм. «есть». Любопытно прослѣдить окончанія им. прилагательныхъ: Зогр. Ев. «новаго» (нова+го, § 61), Остр. Ев. «новаго» (произошла ассимиляция гласныхъ звуковъ) и «лознаго» (произошло стяженіе гласныхъ).

Остромирово Евангеліе.

Бѣжѣмъ же нмѣ примѣ
нѣсѣ хлѣбъ и благословѣ
и прѣломн и дадѣше оу
нѣкомъ своимъ и рече при
нѣмѣте и ѣдѣте се естъ тѣло
моѣ и примѣте ушѣ хвалѣ
бѣздавъ дасть нмѣ глѣ пн
нѣте отъ нѣна всн се естъ
крѣвь моѣ новаго заветѣ
пронѣмаемъ за многѣ въ
оставленне грѣхое глѣ
же камъ нѣко не имѣмъ пн
оужѣ отъ сего плода до
наго до того дѣне нѣгда и
пнѣ съ камн новѣ въ
прѣстѣн оца моего и въ
спѣвъше нѣздоша къ горѣ
ѣлеонѣскѣ.

Зографское Евангеліе.

Бѣжѣмъ *) же имѣ
примѣ нѣсѣ хлѣбъ и блѣгнѣ
прѣломн и ѣдѣше оу
нѣкомъ своимъ и рече примѣ
те ѣдѣте се естъ тѣло моѣ
примѣте ушѣ хвалѣ въ
давъ дасть имѣ глѣ пн
нѣте отъ нѣна всн се естъ
крѣвь моѣ новаго заветѣ
пронѣмаемъ за многѣ въ
оушѣтѣнне грѣхое глѣ
же камъ. тѣко не имѣмъ пн
отъ плода сего лоузнаго до
того дѣне егда пнѣ съ камн
новѣ въ прѣстѣн оца моего
и въспѣвъше ѣздоша въ
горѣ ѣлеонѣскѣ.

Чтобы судить насколько ново-церковно-славянскій текстъ отличается отъ древняго, приведемъ тотъ же отрывокъ изъ современнаго намъ Евангелія:

*) бѣжѣмъ, а въ Остр. Ев. бѣжѣмъ. щ=шт.; щ образовалось изъ подписыванія щ подъ ш: $\frac{ш}{т}$ пр.

Идѣишмъ же имъ, прѣимъ тѣхъ хлѣбъ, и каласоложъ
преломъ, и даише оученикомъ мѣ, и рече: прѣимите, идѣте:
сѣ есть тѣло мое. И прѣимъ чашѣ, и хвалѣ козлакъ,
даде имъ, глагола: пѣйте ѿ немъ кѣи:

сѣ ко естъ кровъ мой, нѣкогѣо заклѣта, ѣже за мнѣгѣмъ
изъаклаема ко вѣстаклѣнѣ грѣхѣмъ. Глагола же камъ,
какѣ не имамъ пѣти ѿ нѣмъ ѿ сего пада лѣзнаго, до
днѣ того, егда е пѣю съ камъ нѣко ко цѣрѣтѣи сѣца моего.
И коспѣкше, изыдоша къ гѣрѣ елѣвѣскѣ.

Какъ видно изъ прилагаемаго текста, нынѣшній церковно-славянскій языкъ по своему звуковому составу и грамматическимъ формамъ далекъ отъ древняго языка, но въ то же время ближе къ живому русскому языку, а потому и болѣе понятенъ для насъ.

Обратить вниманіе на формы, взятыя изъ живого языка: идѣишмъ (д. и. мн.) прѣимите, идѣте, новаго, многий и др.

26. Изъ др.-церк.-слав. нотной книги.

Повтореніе гласныхъ указывать на количество тактовъ при пѣніи ихъ.

Крѣ. стови твоимъ покланѣмъ. т. тѣтъ: сахааа. кал. ахааа.
ды. нѣи. ко. хохоо. ни. ска. а. тооо. ехехе. вѣтѣтъ. скръѣ.
въ. бѣ. сѣс. сѣ. инѣ. твоѣ. сѣ. вѣс. сла. аа. аа. аааа. а. аа. а.
вѣмъ. :

Обратить вниманіе на то, что повторяются по нѣскольку разъ и х и к. Лучшее доказательство, что это были гласные звуки, которые можно было не только произносить, но и пѣть.

Для болѣе музыкальности вставляется иногда между повторяемыми гласными звукъ ѣ (твое—се—у—се=твое).

Также вставочнымъ звукомъ является и х.

Изъ лѣтописи Нестора (27 и 28).

Лѣтописецъ Несторъ жилъ въ XI в., но лѣтопись, посвящая его имя, сохранилась въ спискахъ уже XIV—XV в.

Древнѣйшій списокъ Лаврентьевскій (1377 г.).

Языкъ Несторовой лѣтописи представляетъ изъ себя пеструю смѣсь словъ древне-русскихъ съ древне-церковно-славянскими.

27. Сказаніе объ Олегѣ.

И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, князя въ Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не вѣда на нь. Бѣ бо преже въпрошалъ вольховѣ кудесникъ: „Отъ чего ми есть умрѣти?“ И рече ему одинъ кудесникъ: „Княже! Конь, егоже любяши и ѣдиши на немъ, отъ того ти умрѣти“. Олегъ же примъ въ умѣ, си рече: „Николѣже вѣду на конь, ни вижу его болѣ того“. И повелѣ кормити ѣ и не водити его къ нему, и пребывъ нѣсколько лѣтъ не видя его, дондеже и на Греки иде. И пришедшу ему къ Киеву, и пребысть 4 лѣта; на 5 лѣто помяну конь свой, отъ негоже бяху рекли вольсви умрѣти Ольгови. И призва старѣйшину конюхомъ, рка: „Кѣдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?“ Онъ же рече: „Умерлъ есть“. Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, рка: „То неправо мовѣтъ вольсви, по все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ“. И повелѣ освѣдлати конь: „да тѣ вижу кости его“. И прѣѣха на мѣсто, идѣже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и сѣлѣтъ съ коня, посмѣяся рка: „Отъ сего ли лъба смерть мнѣ възяти?“ И вступи ногою на лобъ; и выникнуци змѣя, и уклону ѣ въ ногу, и съ того разболѣвъся умре. И плакашася по немъ вси людѣ плачемъ великомъ, и не соша ѣ, и погребоша ѣ на горѣ, иже глаголетъся Щеконица; есть же могила его до сего дни, словеть могила Ольгова.

Киевъ—теперь «Кіевъ», § 29.

Конь—В. н., § 44.

Кормити—неопр. накл., § 87.

Вѣда—вм. «вѣсѣды»—прич. м. р.

На нь—на него, § 58.

Преже—вм. д.-сл. «прежде»—§ 31.

Ми—мнѣ. Дат. пад., § 57.

Княже—Зв. п., § 40.

На немь—на немъ.

Никомѣс есѣду—одно отриц. вм.: «никомѣс не вѣду». Оборотъ съ однимъ отрицаніемъ пошелъ въ папъ зыкъ подъ вліяніемъ греческаго.

И—В. пад., § 58.

Греки—В. пад., § 52.

И пришедшу ему къ Києву—собр. предд. времени—«Дат. самостоятельный», § 102.

Вольси—возвыш.

Коиномъ—Д. п. мн. ч.—«для коиномъ».

Рси—дѣпр. вм. «рѣкъ».

Кодь—теперь въ силу ассимиляціи звуковъ «дѣ», § 36.

Бѣль поставилъ—Давнопрот. вр., § 82.

Его—русск. Вин. пад., вмѣсто и (и-сл.), какъ выше.

Умеръ ест—сложное прош. совр. вр. времени.

Молеть—теперь «молвять».

Виникучи—прич.—отъ «винкучи» (пропикать, винкучи).

Пачемъ великомъ—Тв. ед.

Могила—теперь «могила», § 29.

Словеть—слѣветъ, называется.

Издѣлися суть—§ 80.

Порты—Тв. мн., § 53.

Нази—нагѣ, § 28.

«Въ дань»—для сбора дани.

«Къ Деревя»—вм. «къ Деревлянамъ».

Идущю же ему вѣспѣть—Дат. самост.: «Когда онъ возвращался...»

Домоси—Д. п. въ смыслѣ нарѣчія.

Позднѣ «домовъ» и «домой».

Деревляне—полногласная форма вм. «древляне», § 33.

Поеть—теперь идетъ.

Со княземъ своимъ Маломъ—Тв. п. на -ѣ, § 45.

«Ся есваити»—ся отдѣльно. Теперь «повадится», § 95.

Сн=се.

Иы—дв. ч., § 57.

Поималъ еси—взялъ.

Искоростенъ—Коростень (нынѣ Искоростъ)—главный городъ Деревлянъ.

Въ Деревьхъ—Предд. пад., § 54.

28. Смерть Игоря.

Въ лѣто 6453. Въ се же лѣто рекоша дружина Игоря: «отроки Свѣнелъжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы». Послуша ихъ Игорь, иде въ Деревя въ дань, и примышляше къ первой дани, насилыше имъ, и мужи его; возъма дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему вѣспѣть, размысливъ, рече дружинѣ своей: «идѣте съ данью домови, и я возвращуся, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины восвратися, желя больша имѣнья. Слышавъше же Деревляне, яко опять идетъ, съдумавъше со княземъ своимъ Маломъ: «аще ся вьзавдѣтъ волкъ къ овцѣ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его; тако и съ: аще не убьемъ его, то всеѣ ны погубитъ». Посълаша къ нему глаголюще: «почто идеши опять? поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь; и, вышедъше изъ града Искоръстена, Деревляне убиха Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; естъ могила его у Искоръстена града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Рекоша дружина—сказ. во множ. ч. (аор.), т. к. подлежащее имя собирательное.

Игорю—Д. п., § 43.

Отроки—отроки, § 28.

Свѣнелъжъ—Им. прил. отъ Свѣнелъжъ.

29. Изъ „Слова о полку Игоревѣ“ (XII в.).

Ярославнынъ гласъ слышнѣтъ: зегзицею незнаема, рано кичеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бѣрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а рыкучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! Чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновскыя стрѣлѣкы на своєю петручною крылю на моея лады вои? Мало ли ти бѣшетъ горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылю развѣя? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, а рыкучи: о Днепре словутицю! ты прибрѣлъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави посады до пѣлку Кобыкова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а рыкучи: свѣтло и тресвѣтлоє сыльце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячую свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждю имъ дуны сыпраже, тугою имъ тула затъче.

О полку—др. Пр. пад., § 46.

Гласъ—голосъ.

Слышнѣтъ—вм. слышится.

Зегзицею—кукушкою.

Незнаема—никѣмъ не видима.

Кичеть—тоскуетъ, кукуетъ.

По Дунаеви—Д. п., § 43. Перевести «по рѣкѣ».

Бобрый — бобровый. Чередование *е*—*о*, § 27.
Рычи — § 28.
Жестокимъ — мужественномъ.
На забралахъ — на кривостной стѣнѣ.
Росучи — говоря (реку).
Хиновскія — ханскія.
На своею петруною крыльцо (§ 47) — на своихъ *двухъ* левыхъ крыльяхъ.
Моя лады — Р. п. ед. — моего милаго.
Вои — воины. В. п. мн.
Башеть — баше — было бы.
Горь — вверху.
Облаки — Тв. мн., § 53.
На силь морь, § 62.
Развѣл — аор. 2 л. ед. отъ развѣяхъ.
Путьюю городу — Мѣстн. пад., § 46.

На заборомъ — полногласная форма къ встрѣчающейся выше: *на забралахъ*.
Словутицю — Зв. п. отъ Словутичь = сплнь Словута.
Пробилъ еси — § 80.
Дѣлаля еси — также.
Посади — суда.
Дѣлаля еси — § 42.
Лучи — В. ед. отъ *луча* вм. нашего *луча*.
На ладѣ вои — на вои ладѣ (т. е. ладѣ = милого).
Лукы — В. мн., § 52.
Сыряже — аор. 2 лицо отъ *сопирать*. Переводъ: стянуло.
Турю — печалью.
Туды — колчанъ.
Затѣче — «затѣнуло» отъ *затѣнокъ* (аор.).

30. Грамота новгородцевъ въ Ригу (начало XV в.) *).

Особенности сѣв.-великор. нарѣчія 1) бѣаніе, 2) *ѣ*—*и* («во всемъ»), 3) бѣаніе, 4) твердое окончаніе 3-го лица («жалуется» безъ *ь*).

Съ посадника Новгородского Олександра Игнатьевича и ѿсыдцого Новгородского Кузми Тереньтевича и ѿ всего великого Новгорода посадникамъ Рискимъ и кратманомъ и ко всемъ людямъ добрымъ. Здѣсе намъ билъ целомъ Олександре Труфановъ снъ, а жалуется на вашу братью на Иньцю Зашемъбляку и на его брата на Ортимью, на местерева толка. Взѣ у Труфана бѣлку, у Олександроу отца, Иньца з братомъ а взѣ Труфану у Иньци з братомъ с Ортимью и ру^ѣ. И вы, люди добріи, дайте исправу по кресному целованью Олександру Труфанову снѣ. А послали есмя къ вамъ сю грамоту съ Олексеємъ съ половичѣ. А живите здоров(и).

Ратманъ — членъ городского управления въ др. Ригѣ.
Целомъ — целомъ.
Местеръ — магистръ ордена.
з братомъ — съ братомъ. Ассимиляция, § 35.

ѣ — *и*.
Послаи есмя — вм. послали есмя. § 80.

*) Изъ хрест. Каринскаго.

31. Басни Эзопа.

(Напечатаны въ 1700 г.).

1. Тати и Птель.

Тати въ домъ пѣкій выноша; ничесо же не обрѣтши, кромѣ кура, восхитивши того поидоша. Егда же убити его хоташа, проси ихъ да пускаютъ его жива; сказываше имъ яко потребный и полезный есть людямъ, въ нощи будить ихъ труждаются. Они же отвѣщаю; того ради наче убіенъ будеши, егда убо ихъ будиши, — намъ красть не даешь.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ, яко сія лукавымъ людямъ суть тщетна, яже благимъ полезно.

2. Волкъ и Журавей.

Волку егда кость увязе въ горлѣ, обща мзду журавлю, аще вложивши главу, кость изыметь. Онъ же, яко долгошій, изтя кость и нача мзды просити. Онъ посмѣиваяся и остря зубы, рече: годѣ тебѣ есть та едина мзда, яко отъ усь волковыхъ здраву главу свою изьялъ еси.

Прилаганіе.

Притча на тыхъ людей, которіи, отъ бѣды избавлены своимъ благодѣтелемъ, сице воздають.

1. *Воры и пѣтухъ*.
Кромѣ кура — кромѣ пѣтуха.
Никаче — особенно.
Убити — ц.-слав. форма.
Красть — русск. форма, § 87.
Тщетна — бесполезно, вредно.
Егда — когда.

Мзда — награда.
Изыметь — вынестъ.
Изтя — извлечь.
Нача — началъ.
Годъ — достаточно.
Изьялъ еси — § 80.
Сиче — такъ.

32. Изъ „Морского устава“ (1720 г.).

Генералъ-адмиралъ или *анисѣ* командующій есть *репрезентациа* своего государя, которому должны быть

всѣ послушны во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя къ пользѣ государя и государства касаются, съ достойнымъ *рес-нектомъ* его *персоны*. Ему подобаетъ быть храбру и добраго *кондуита* (сирѣчь всякія годности), котораго бы *квалитеты* (или качества) съ добродѣянiемъ были связаны. Ибо *командующій*, не точию твердыми указы людей въ добрый порядокъ приводить, но паче образомъ своего житiя, ежели благо поступить.

Главные дѣла и воинскія начинанiя никогда не дерзаетъ чинить безъ *консиліи* письменной, развѣ печально *атакованъ* будетъ отъ непріятеля, и сіе нападѣніе не отъ его оплошки, но отъ законныя причины прійдетъ, яко въ ходу случается при подыманіи долговременно бывшаго тумана, или сему подобнаго, подъ лишеніемъ чина.

Репрезентация—представительство. *Кондуитъ*—поведеніе.
Респектъ—уваженіе, благоговѣніе. *Квалитетъ*—качество.
Персона—личность. *Консиліа*—распоряженіе.

33. Тредіановскій.

1. ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ЧИТАТЕЛЮ (1730).

На меня, прошу васъ покорно, не извольте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщины), что я оную *) неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собою говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскій у насъ есть языкъ церковный; а сія книга мірская. Другая: языкъ славенскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ, и многіе его наши читалъ не разумѣють. Третія, которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и раз-

*) Книгу.

говаривалъ со всѣми; но за то у всѣхъ я прошу прощенья, при которыхъ я съ глагусловіемъ моимъ словенскимъ особымъ рѣчеточемъ *) хотѣлъ себя показывать.

Ежели вамъ, доброжелательный читателю, покажется, что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить, а коли же не учинилъ, то безсиліе меня не допустило, и сего, видится мнѣ, довольно есть къ моему оправданію.

2. ОПИСАНІЕ ГРОЗЫ, БЫВШАЯ ВЪ ГАГѢ.

Съ одной страны громъ,
Съ другой страны громъ,
Смутно въ воздухѣ!
Ужасно въ ухѣ!
Набѣгли тучи,
Воду несучи,
Небо закрыли,
Въ страхѣ помутили.

Молніи сверкають,
Страхомъ поражають,
Трескъ въ лѣсу съ Перуна,
И темнѣть луна,
Вихри бѣгутъ съ прахомъ,
Полоса рветъ махомъ,
Страшно ревуть воды
Отъ той непогоды.

Ночь наступила,
День измѣнила,
Сердце упало:
Все зло настало!

*) Краснобаемъ.

Пролилъ дождь въ крышки,
Трясется вышки,
Сыплются грады,
Бьютъ вертограды.

Всѣ животны рыщутъ,
Покоя не сыщутъ,
Бьютъ себя въ груди
Виноваты люди,
Бояся напасти,
И чтобъ не пропасти
Руки воздвѣвають,
На небо глашають.

О, солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени тучи,
Слезы горячи,
Столкай перегибну
Отсель за Вѣну,
Дхнувь бы зефиромъ
Съ тишайшимъ миромъ!

А вы, Аквилоны,
Будьте какъ и оны;
Лютость отложите,
Только прохладите.

Бышійя—ц.-сл.—Р. пад. ж. ед.
Разжени—ц.-сл.—разгони.

Побѣги, вся злоба,
До вѣчнаго гроба:
Дни намъ надо красны,
Пріятны и ясны.

Отсюда—народное *отсюда*
Аквилоны—вѣтры.

34. Ломоносовъ.

1. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОДЫ „НА ДЕНЬ ВОШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ“ (1747).

Царей и царствъ земныхъ
отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ
ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пе-
стрѣютъ

И класы на поляхъ жел-
тѣютъ;

Сокровищъ полны корабли
Держаютъ въ морѣ за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Большое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, золото и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ
возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не на-
ходитъ

Елисаветы и тебя.
Ты, кромѣ Той, всего пре-
выше;

Душѣ ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣ рай.

2. ИЗЪ РАЗСУЖДЕНІЯ „О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЪ РОССИЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ“.

Въ древнія времена, когда славянской народъ не зналъ употребленія письменнаго изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выражений разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего приобрѣтено кунно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ

греческаго языка на славянской для славословія Божія. Отличная красота, изобиліе, важность и сила эллинскаго слова сколь высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуя словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосееновъ и другихъ въ эллинскомъ языкѣ героевъ, витѣйствовали великіе христіанскія церкви учителя и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языкѣ, сколь много мы отъ перевода Вѣтхаго и Новаго Завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія, и отсюда умножаемъ довольство русскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славянскаго средно.

4. Градова—ц.-сл.
Красна—прекрасна.
Коль—сколько.
Класы—колосы, § 33.
Полны—кратк. прилаг., § 62.
По земли вм. по землѣ, § 43.
Злато—§ 33.

Страны—§ 33.
Зракъ—видѣть, ликъ. Отсюда: «не-
взрачный».
2. Кунно—вмѣстѣ (ср. «сово-
купно»).
Христіанскія—Р. ж., § 65.

35. Фонвизинъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ КОМЕДІИ „БРИГАДИРЪ“ (1764).

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (*вслушиваясь, подходитъ къ ширинѣ комода*). Madame, я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго; наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любовныхъ романовъ! Кинь, душа моя, все на свѣтъ науки. Не повѣришь, какъ такіа книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки душою.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. O! vous avez raison. Я самъ, кромѣ романовъ, ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья (*въ сторону*). Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о васъ думаю.

Сынъ. А что бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставьте ее, зятюшка. Она, не знаю, о чемъ-то съ ума сходить.

Совѣтница. Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушка говорить, какъ хочетъ. По мнѣ все равно. *Иное говоритъ онъ, кажется, и по-русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумно.* Что и говорить? Ученые свѣтъ, а неученые тьма.

O! vous avez raison—O! Вы имѣете основанія! (Это резонно). Для того-то—потому-то. Je vous prie—я васъ прошу.

«О чемъ-то съ ума сходитъ—теперь: съ чего-то съ ума сходитъ»... «По мнѣ» здѣсь равно «мнѣ».

36. Державинъ.

изъ оды „Видѣніе мурзы“ (1783).

На темноглубомъ зенитѣ	Сквозь огна домъ мой освѣ-
Златая плавала луна;	пала
Въ серебряной своей пор-	И палевымъ своимъ лучомъ
фирѣ	Златыя стекла рисовала
Блισταючи съ высотъ, она	На лаковомъ полу моемъ.

Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропи забвенія рососою,
Моихъ домашнихъ усыпалъ.
Вокругъ вся область почи-

Петрополь съ башнями дре-
малъ,
Нева изъ урны чуть мель-
кала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ
своихъ сверкалъ.

Природа, въ тишину глубину
И въ крѣпкомъ погруженна
снѣ,

Мертва казалась слуху, оку
На высотъ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ при-
нося.

Я не спалъ и, со звономъ
гирь

Мой тихій голосъ соглася,
„Блаженъ“, воспѣлъ я, „кто
доволенъ

Въ семь свѣтѣхъ жребіемъ
своимъ,

Обилень, здравъ, покоенъ,
воленъ

И счастливъ лишь собой
самимъ;
Блаженъ!“—Но съ рѣчью
сей незнаю

Мое все зданіе потряслось;
Раздвинулись стѣны, и сто-
кратно

Ярче молній пролилось
Сіянье вокругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ,
луна.

Видѣны я узрѣлъ чудесно:
Сопла со облаковъ, жена,
Сошла—и жрицей очути-
лась

Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ
златъ;

Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.

Зданье—богѣ распространена ц.-ст. форма: зданіе. Также ниже «сіяніе».
Небесно—§ 62. Также: чудесно.
Сокрылась—§ 24.
Градская на главѣ... — § 33.
Также: златъ.
Деснаго—аго, § 64.

Златая—§ 33.
Блισταючи—§ 33.
Различны—§ 62.
Петрополь—греч. сл.—Петроградъ.
Въ брегахъ—§ 33.
Глубокую—§ 62.
Здравъ—§ 33.
Незнаю—теперь «внезапно».

37. Карамзинъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ „БѢДНАЯ ЛИЗА“ (1792).

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и вель всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обидѣли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онъ принужденъ былъ отдать землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любить умѣютъ!—день-о-д-ня становилась слабѣе и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ, одна Лиза не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь—ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, вида неутомимости дочери, часто прижимала ее къ слабо бьющемуся сердцу, называла Божескою милостью, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. „Богъ дасть мнѣ руки, чтобы работать,—говорила Лиза,—ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ,—теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать: слезы наши не оживятъ батюшки“. По часто нѣжная Лиза не могла удержатъ собственныхъ слезъ своихъ—ахъ! она помнила, что у нея былъ отецъ и что его не стало; но для успокоенія совѣсти старалась таить печаль сердца своего и казаться спокойною и веселою. „На томъ свѣтѣ, любезная Лиза,—отвѣчала горестная старушка,—на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть—что съ тобою безъ меня

будетъ? На кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту. Можетъ быть, скоро сыщется добрый человѣкъ. Тогда, благослова вась, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь и спокойно лягу въ сырую землю“.

- Особенности: 1) Не русская постановка сказуемого—на концѣ (разумѣется,— не всегда): «И крестьянки любить умѣютъ»...
2) Опредѣленіе послѣ опредѣляемого слова (какъ и въ лат. языкѣ), отсюда выраженія «мужа своего», «красоты своей», «старости своей» и проч.,—вмѣсто нашихъ выраженій «своего мужа», «своей красоты», «своей старости» и т. д.

38. Жуковский (1783—1852 гг.).

1. УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Откуда, звѣздочка краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?
Ты скажешь: встала раньше насъ?
Ахъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.
Другой привыкъ до полдня спать,
Зато и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано поутру—
Досугъ и пѣсни ввечеру.
А птички? Всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружѣ: добрый день!

И томно горлики журчатъ;
Да чу! и къ заутренѣ звонятъ.
Вездѣ молитва началась:
„Небесный Царь услыши насъ;
Твое владичество приди,
Насъ въ искушеніе не введи;
На путь спасенія наставъ
И отъ лукаваго избавъ“.

2. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА О ШВЕЙЦАРИИ.

Передъ глазами моими разстилается видъ Женевского озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движеній, а только его чувствуешь: озеро дышитъ. Сквозь его голубой паръ поднимаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блестятъ, какъ яркія искры; на горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, вьются полосы дыма; иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ часового колокола съ башни церковной: этотъ звонъ какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ, и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ; онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющее чувство спокойствія; тамъ далекій лай собаки, тамъ скрипъ огромнаго вѣса, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть, есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ

равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера.

1. Вечеру—устарѣвшая форма. Теперь говорятъ: «вечеромъ», «въ вечеру» и проч.
Завтра въ. «заутреня».
2. Глазами моими—вм. «моими глазами», § 108.
Рыболовы—чайки.

которыхъ крылья — латинизмъ. Надо: «крылья которыхъ».
которыхъ громады—также.
«Съ башни церковной»—латинизмъ. Въ русск. языкѣ опредѣленіе ставится раньше опредѣляемаго слова: «бѣлый грибъ», «церковная башня»...

39. Пушкинъ (1799—1837 гг.).

1. ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Мояхъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подземный ходъ,
И долиной лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ
И сердце трепетное вынулъ.
И угля, пылающій огнемъ,

Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынь я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей“.

2. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ „ПОЛТАВЫ“.

Горить востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ рассыпались стрѣлки,
Катятся ядра; свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ,
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпить.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинается намъ.
Пальбой отбиты дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розень сквозь тѣснины,
Сдается шилкій Шлиппенбахъ;
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,

И Бога брапей благодатью
Намъ каждый шагъ запечатлѣтъ.

1. Пророкъ. Умашенное обиліе славизмовъ.
Жало муромъ змѣи—др. Р. и., § 65.
2. Хладные—§ 33.

40. Лермонтовъ (1814—1841 гг.).

1. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ „МЦЫРИ“.

„Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать,—
Ты перенеси меня веди
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ,
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить веди меня.
Синьнемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ.
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательно рукой
Съ лица кончины хладный потъ
И что вполголоса постъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну
И никого не прокляну!“

2. ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія.
Мнѣ далъ всевѣднѣе пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистия ученія:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено камни.

Посыпалъ цеплѣмъ я главу.
Изъ городовъ бѣжалъ я, нищій,—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей нищѣ.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробирался торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами,
Слѣпецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

„Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!“

1. *Перенести*—§ 87.
Уныюся и *уныюсь*—§ 37.
Хладный—§ 33.
2. *Судія*—и *судья*—§ 41.

Всеповѣднѣе—вм. «всеуслѣднѣе».
«*Правды чистия*»—др. Р. п. § 65.
Главу—голову, § 33.
Градъ—городъ, § 33.

41. Тургеневъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА“ (1846—1851 гг.).

Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслаждение выѣхать весною до зари? Вы выходите на крыльцо... На темно-сѣромъ небѣ кое-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Присяжные ѣдутъ, фыркаютъ и щеголеватѣе переступаютъ ногами; пара только-что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ, каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга... Вы ѣдете—ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину... Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротничкомъ шинели; вамъ дремлетъ. Лошади звучно плещутъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но вотъ вы отѣхали версты четыре... край неба албѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чиркаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтъ вѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны запасные голоса. А между тѣмъ зоря разгорается; вотъ уже золотныя полосы протянулись по небу, въ сврагахъ клубятся пары, жаворонки звонко поютъ, предразсвѣтный вѣтеръ подулъ,—и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая съ бѣлой церковью, вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете... Живѣе, кони, живѣе! Крутиной рысью вперед!..

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять: птица, выпорхнувъ у васъ изъ-подъ ногъ, тотчасъ же исчезаетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева—оно не шелочнется: оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухъ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите—лѣсъ превращается въ высокую градку полныи на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ—всюду туманъ... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется—клочокъ блѣдно-голубого неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ, золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рошу,—и вотъ опять все заволокло. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпнъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ наконецъ восторжествуетъ и послѣднія волны согрѣтаго тумана, то скатываются и разстилаются скатертями, то извиваются и исчезаютъ въ глубокой, нѣжно-сіяющей вышинѣ...

Я, признаюсь, не слишкомъ люблю осину съ ея блѣдно-лиловымъ стволомъ и сѣрозеленой металлической листвою, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣтромъ раскидываетъ на воздухъ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ, неопратныхъ листьевъ, неловко прищипленныхъ къ длиннымъ стебелямъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, приходится въ упоръ рѣдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца и блеститъ и дрожитъ съ корней до верхушки, облитая одинаковымъ желтымъ багрян-

цемъ,—или когда, въ ясный, вѣтреныи день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленіемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться вдаль.

Обратить вниманіе на слѣд. особенности Тургеневскаго стиля:

1) Обиліе составныхъ эпитетовъ: темносѣрый, блѣдно-голубой, золотисто-желтый, блѣдно-лиловый и т. д. (§ 98), особенно для передачи отблѣсковъ свѣта и цвѣта.

2) Обиліе глаголовъ, передающихъ зрительныя впечатлѣнія: алѣетъ, свѣдѣетъ, яснѣетъ, зеленеетъ, чернѣетъ...

3) Обиліе указаній «вотъ», «вотъ», «и вотъ», придающихъ особую наглядность.

ОБРАЗЦЫ ДР.-Ц.-СЛАВЯНСКИХЪ СКЛОНЕ- НІЙ И СПРЯЖЕНІЙ *).

Славянскимъ прифтомъ напечатаны только тѣ формы, которыя имѣютъ особенности въ др.-ц.-сл. языкѣ. Курсивомъ отмѣчены формы, имѣющія особенности въ др.-русскомъ языкѣ.

Если древній формы (др.-ц.-славянскія или древне-русскія) совпадаютъ съ современными, то онѣ напечатаны обыкновеннымъ прифтомъ.

Первое склоненіе.

- 1) **Рабъ**—см. стр. 56.
- 2) **Сынъ**—см. стр. 56.
- 3) **Конь**.

И. конь.	кони.
Р. коня.	конь, <i>конь</i> , коней.
Д. коню (<i>коневу</i>).	конемъ, <i>конемъ</i> , конямя.
В. конь, <i>конь</i> , коня.	коня, <i>конь</i> , коней.
Т. коньмя, <i>коньмя</i> , конемъ.	конн, <i>конн</i> , конямя.
П. конн, <i>конн</i> , конѣ.	коннхъ, <i>коннхъ</i> , коняхъ.
З. коню, <i>коню</i> , конь.	конн.

Дв. число: И. В. З. конц, Р. П. коню, Д. Т. конемал.

4) **Село** склонялось какъ *рабъ*, кромѣ И. В. и Зв. ед. (село!) и множ. ч.: *села*.

*) Для справокъ, а не для заучиванія.

5) **Поле** склонялось какъ *конь*, кромѣ И. В. и Зв. ед. (поле) и мн. ч.: *полю*.

Второе склоненіе.

1) Жена.

И. жена.	жены.
Р. жены.	женѣ.
Д. женѣ.	женамя.
В. женѣ, жену.	женѣ, <i>жены</i> , женѣ.
Т. женою.	женами.
П. женѣ.	женахъ.
З. <i>жено</i> , <i>жено</i> , жена.	жены.

Дв. число: И. В. З. женѣ, Р. П. женоу, Д. Т. женамя.

2) Земля.

И. земля.	<i>земля</i> , <i>земля</i> , земли.
Р. <i>земля</i> , <i>земля</i> , земли.	<i>земля</i> , земель.
Д. <i>земли</i> , <i>земли</i> , землѣ.	землямъ.
В. <i>землѣ</i> , землю.	какъ И.
Т. <i>землѣ</i> , землею.	землями.
П. <i>земли</i> , <i>земли</i> , землѣ.	земляхъ.
З. <i>земля</i> , <i>земля</i> , земля.	какъ И.

Дв. число: И. В. З. *земли*, Р. П. *землю*, Д. Т. *землямя*.

3) **Душа** склонялась какъ *земля*, только съ нейоти-рованными гласными (послѣ шипящ.): *доуша*, *доушж*, мн. ч.: *доуша*, *доушамъ* и проч.

Третье склонение.

1) Кость.

И. кость.	кости.
Р. кости.	костнн, <i>костнн</i> , костей.
Д. вости.	костемъ, <i>костьмъ</i> , костимъ.
В. кость.	кости.
Т. <i>костнѣ</i> , <i>костію</i> , костью.	костымн, <i>костьмн</i> , костями.
П. кости.	костехъ, <i>костьхъ</i> , костяхъ.
З. <i>костн</i> , <i>костн</i> , кость.	кости.

Дв. число: И. В. З. костн, Р. П. костню, Д. Т. костыма.

2) Путь (пѣть) (муж. р.) склонялось, какъ *кость*, кроме Тв. ед. пѣтымъ и П. и Зв. мн. пѣтіе (ѣе).

Четвертое склонение.

1) Камъ (камень).

И. Зв. камъ, камень.	камне, камни.
Р. камне, камня.	каменъ, камней.
Д. камени, камню.	каменымъ, камнямъ.
В. камень.	камени, камни.
Т. каменымъ, камнемъ.	каменымн, камнями.
П. камне, камнѣ.	каменыхъ, камняхъ.

Дв. ч.: И. В. Зв. камени, Р. П. каменюу, Д. Т. каменымъ.

2) День (дѣнь) склонялось, какъ камень: дѣнь, дѣне, дѣни и т. д.

3) Имя.

И. В. З. нма, имя.	имена.
Р. имени, имени.	именѣ, именѣ.
Д. имени.	именымъ, именамъ.
Т. именемъ, именемъ.	имены, именами.
П. имени, имени.	именыхъ, <i>именыхъ</i> , именахъ.

Дв. ч. И. В. З. имени (ѣ), Р. П. имениюу, Д. Т. именымъ.

4) Отроуа, слово.

И. В. З. отроуа, слово.	отроуата, словеса.
Р. отроуате, словесе.	отроуатѣ, словесѣ.
Д. отроуати, словеси.	отроуатымъ, словесымъ.
Т. отроуатымъ, словесымъ.	отроуаты, словесы.
П. отроуате, словесе.	отроуатыхъ, словесыхъ.

Дв. ч. И. В. З. отроуати (ѣ), словеси (ѣ), Р. П. отроуатуу, словесуу, Д. Т. отроуатыма, словесымъ.

5) Цръкы, мати.

И. цръкы, мати.	цръкѣн, матерн.
Р. цръкѣе, матерѣ.	цръкѣѣ, матерѣ.
Д. цръкѣн, матерн.	цръкѣамъ, матерымъ.
В. цръкѣѣ (-е), матерѣ (-е).	цръкѣн, матерн.
Т. цръкѣнѣ (-ѣѣ), матернѣ (-ѣѣ).	цръкѣамн, матерымн.
П. цръкѣн (ѣ), матерн.	цръкѣахъ, матерыхъ.

Дв. число: И. В. З. цръкки, матерн, Р. П. цръккѣню, матероу, Д. Т. цръкѣама, матерымъ.

Мѣстоименія.

Личныя и возвратныя мѣстоименія см. 76 стр.

Мѣстоименіе 3-го лица.

Ед. ч.

И. н (-жѣ) (онъ).	и (-жѣ) (она).	ѣ (-жѣ) (оно).
Р. его, его.	ѣа, ея.	его, его.
Д. ему, ему.	ѣн, ей.	ему, ему.
В. н (ѣ), его.	ѣ, ея.	ѣ, его.
Т. нмъ, нмъ.	ѣж, ею.	нмъ, нмъ.
П. нмъ, о немъ.	ѣн, о ней.	нмъ, о немъ.

Мн. ч.

И. н (они).	я (онѣ).	и (они).
Р. ихъ.	ихъ.	ихъ.
Д. имъ.	имъ.	имъ.
В. я.	я.	я.
Т. ими.	ими.	ими.
П. ихъ.	ихъ.	ихъ.

Дв. ч.: И. В. З. я, н, н.

Р. П. юю }
Д. Т. нма } для всѣхъ родовъ.

По образцу мѣстоим. 3-го лица склоняются: **мон** (мой),
тѣон, свон, кѣн, унн (чей); съ, си, се; въсь, въси, въсе.

Мѣстоименіе тѣ (тотъ).

И. тѣ, та, то.	тѣ, тѣ, тѣ.
Р. того, тоя, того.	тѣхъ } для всѣхъ родовъ.
Д. тому, тон, тому.	тѣмъ }
В. тѣ, тѣ, то.	тѣ, тѣ, тѣ.
Т. тѣмъ, тоѣмъ, тѣмъ.	тѣми }
П. томъ, тон, томъ.	тѣхъ }

Дв. число: И. В. З. тѣ, тѣ, тѣ.

Р. П. тою }
Д. Т. тѣма } для всѣхъ родовъ.

По образцу тѣ склоняются: онъ, въснѣхъ, ннѣ, самъ, окъ.

Кто и что.

И. кѣто, кѣто.	уѣто, что.
Р. кого.	уѣсо, уѣсо, уѣсого, чего.
Д. кому.	уѣсому, уѣсому, чему.
В. кого.	уѣто, уѣсо, что.
Т. кѣмъ, кѣмъ.	уѣмъ, кѣмъ.
П. комъ, комъ.	уѣмъ, уѣсомъ, чемъ.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ.

1) Новый (новын).

Муж. родъ.

Ед. ч.	И. В. З. новъ + н = новын. новын.
	Р. новъ + ѣго = новалго, <i>нового</i> , новаго.
	Д. новоу + ѣмоу = новоуоуму, <i>новому</i> .
	Т. новъ + нмъ = новынмъ, <i>новымъ</i> , новымъ.
	П. новъ + ѣмъ = новѣемъ, <i>новомъ</i> , <i>новомъ</i> .

Мн. ч.	И. З. новъ + н = новынн. <i>новые</i> *).
	Р. новъ + нхъ = новынхъ, <i>новыхъ</i> .
	Д. новъ + нмъ = новынмъ, <i>новыми</i> .
	В. новъ + я = новыя, <i>новые</i> , <i>новыхъ</i> .
	Т. новъ + нмн = новыннн, <i>новыми</i> .
	П. новъ + нхъ = новынхъ, <i>новыхъ</i> .

Дв. ч.: И. В. З. новы, Р. П. новою, Д. Т. новынма.

Жен. родъ.

Ед. ч.	И. З. новъ + я = новыя, <i>новая</i> .
	Р. новъ + ѣя = новыя, <i>новой</i> , <i>новой</i> .
	Д. новъ + ѣн = новѣн, <i>новой</i> .
	В. новъ + ѣ = новѣ, <i>новой</i> .
	Т. новоѣ + ѣѣ = новоѣ, <i>новой</i> .
	П. новъ + ѣн = новѣн, <i>новой</i> .

Мн. ч.	И. В. З. новы + я = новыя, <i>новы</i> .
	Остальные падежи сходны съ м. род.

Дв. ч.	И. В. З. новъ + н = новын.
	Остальн. пад. сходны съ м. род.

*) Окончаніе въ именахъ прил. е для муж. р. и я для ж. и ср. введено Ломоносовымъ. Въ живой рѣчи слышится во всѣхъ родахъ и: «новын люди», «новын задачи», «новын поколѣнія».

Средний родъ сходенъ съ муж. р., кромѣ И. В. и Зв. пад., которые будутъ:

Ед. ч.	ноко + ѣ = новоѣ , новое .
Мн. ч.	новѣ + ѣ = новѣѣ , новѣѣ .
Дв. ч.	новѣ + н = новѣн .

2) **Синій (синѣн)**. Прилагательныя мягкаго склоненія склоняются въ краткой формѣ, какъ имена сущ. съ мягкимъ окончаніемъ (**синѣ**, какъ **конѣ**; **синѣ**, какъ **землѣ**; **синѣ**, какъ **помѣ**); въ полной же формѣ къ этому склоненію добавляется склоненіе мѣстоименія н, ѣ, ѣ:

синѣ + н = **синѣн**
 синѣ + ѣго = **синѣѣго**
 синѣ + ѣмоу = **синѣѣмоу** и т. д.

СПРЯЖЕНІЯ.

Глаголь **быти (быть)**.

1) *Наст. вр.* см. 91 стр.

2) *Буд. вр.* Ед. ч.

1. **бѣждѣ**, **буду**.
2. **бѣждеш**, **будешь**.
3. **бѣждеть**, **будеть**, **будеть**.

Мн. ч.

1. **бѣждемъ**, **будемъ**.
2. **бѣждете**, **будете**.
3. **бѣждѣтъ**, **будутъ**, **будутъ**.

Дв. ч. 1. **бѣждѣтъ**; 2. 3. **бѣждѣтъ**.

- 3) *Аористъ*. 1. **быхъ**. **БЫХОМЪ**.
2. **бы**. **БЫСТЕ**.
3. **бы** (**бысть**), **бысть**. **БЫША**.

Дв. ч. 1. **быхѣтъ**; 2. 3. **быстѣ**.

4) *Преходящее время*.

1. бѣхѣтъ , бѣхѣтъ .	БѣХОМЪ , БѣХОМЪ .
2. бѣхѣте , бѣхѣте .	БѣХѣТЕ , БѣХѣТЕ .
3. бѣхѣтъ , бѣхѣтъ .	БѣХѣтъ , БѣХѣтъ .

Дв. ч. 1. **бѣхѣтъ**, **бѣхѣтъ**; 2. 3. **бѣхѣтъ**, **бѣхѣтъ**.

5) *Прош. сов.*: **былъ** **исмѣ**, **была** **исмѣ** и т. д. 96 стр.

6) *Давнопрош. вр.*: **бѣхѣтъ** **былъ**, **бѣхѣтъ** **была** и т. д., 97 стр.

7) *Прош. условное*: **былъ** **быхѣтъ**, **была** **быхѣтъ** и т. д., стр. 98.

8) *Будущее соверш.*: **бѣждѣтъ** **былъ**, **бѣждѣтъ** **была** и т. д., стр. 98.

9) Повел. накл. Ед. ч. **бѣжди**.

Мн. ч. 1. **бѣждѣтъ**, 2. **бѣждѣте**.

Дв. ч. 1. **бѣждѣтъ**, 2. **бѣждѣтъ**.

10) *Прич. наст. вр.*

Ед. ч. **сѣ**, **сущій**; **сѣи**, **сущая**; **сѣ**, **сущее**.

Мн. ч. **сѣи**, **сущіе**; **сѣи**, **сущія** (ж. р.); **сѣи**, **сущія** (ср. р.).

Дв. ч. **сѣи**, **сѣи**, **сѣи**.

Склоняются причастія какъ прилагательныя: Р. **сѣи**,

Д. **сѣи** и т. д.

Правильные глаголы.

1) *Настоящее вр.* **несѣтъ**, 90 стр.

2) *Буд. вр.* спрягается, какъ наст., 92 стр.

3) *Аористъ* **несѣхъ**, **любѣхъ**, 94 стр.

4) *Преход.* **несѣхѣтъ**, **любѣхѣтъ**, 95 стр.

5) *Прош. сов.* **несѣхъ** **исмѣ**, **сидѣхъ** **исмѣ**, 96 стр.

6) *Давнопр.* **несѣхъ** **вѣхѣтъ**, **коупѣхъ** **вѣхѣтъ**, 97 стр.

- 7) *Прош. условное.* неслѣ быхъ, унтахъ быхъ, 98 стр.
8) *Будущ. соверш.* бѣдѣхъ неслѣ, бѣдѣхъ началъ, 99 стр.
9) *Пов. накл.*

Ед. ч. 2 и 3 л. неси.	хвали
Мн. ч. 1 л. несѣмъ.	хвалимъ.
2 л. несѣте.	хвалите.
Дв. ч. 1 л. несѣеъ.	хвалитеъ.
2 л. несѣтъ.	хвалитеа.

Образцы причастій.

Наст. вр. дѣйств. з.

	м. р.	ж. р.	ср. р.	
Ед. ч.	несы.	несжири.	несы.	Полныя формы причастій образовывались прибавленіемъ мѣстоименія и, я, ѣ: несын, несжирн. ср. р.: несжире.
	люка.	люкажи.	люка.	
Мн. ч.	несжире.	несжирѣ.	несжирѣ.	
	люкажире.	люкажирѣ.	люкажирѣ.	
Дв. ч.	несжирѣ.	несжирн.	несжирн.	
	люкажирѣ.	люкажирн.	люкажирн.	

Въ др.-русск. языкѣ обычны причастія на *а* вмѣсто *а* послѣ твердыхъ согласныхъ: неса, мога и т. д.

Прошедшее склоняемое: несѣ, несѣши, несѣ.

Р. несѣша и т. д.

Прошедш. несклоняемое: неслѣ, неслѣ, неслѣ.

Наст. страд.: несомъ.

Прош. страд.: несенъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.	1
Языкъ	1
Значеніе языка	1
Языкъ животныхъ	2
Происхожденіе языка. Библейское сказаніе	2
Научныя предположенія о происхожденіи языка	4
Языкъ первобытнаго челоѣка	6
Языкъ жестовъ	6
Зависимость языка отъ степени культурности	7
«Исторія языка»	9
Библейское сказаніе о раздѣленіи языковъ	10
Три группы языковъ	12
Дробленіе языка и возникновеніе новыхъ языковъ	15
Самостоятельныя измѣненія языка	16
Новыя слова	18
Индоевропейская семья языковъ	20
Санскритскій языкъ	20
Родство индо-европ. языковъ	21
Славянская семья языковъ	21

1. Русская народная рѣчь.

Характеристика русскаго языка	23
Важность изученія роднаго языка	24
Литературная и народная рѣчь	25
Нарѣчія и говоры	26
Эпоха общерусскаго единства	26
Первоначальныя русскіе говоры	27
Возникновеніе вышнѣшнихъ русскіихъ нарѣчій	28

Нарѣчія русскаго языка.

Географическіе предѣлы нарѣчій	30
Великорусскія нарѣчія	30
Особенности сѣв.-великорусскаго нарѣчія	31

Особенности южн.-великорусскаго нарѣчія	32
Особенности смѣшанных великор. говоровъ	33
Особенности бѣлорусскаго нарѣчія	34
Особенности малорусскаго нарѣчія	34
Родство нарѣчій русскаго языка	36
Единство русскаго языка	38

II. Древне-церк.-славянскій языкъ.

Др.-церк.-сл. языкъ	40
Необходимость изученія старо-славянскаго языка	41
Славянская азбука	42
Особенности др.-ц.-сл. языка	42

А. Звуковыя особенности д.-ц.-сл. языка.

Особенности гласныхъ звуковъ	44
Глухіе гласные	44
Носовые гласные (юсы)	46
О звуцѣ ѣ	46
Чередованіе гласныхъ звуковъ	47
Смѣненіе звуковъ г, к, х	49
Появленіе слоговъ и, ки, жи	50
Смѣненіе свистящихъ з и с	50
Смѣненіе ѣ и т	50
Звукосочетанія од, ор, ер	51
Полногласіе	51
Звуки ѣ и ѿ	53
Ассимиляція согласныхъ	53
О въ началѣ словъ	54
Отпаденіе гласныхъ на концѣ слова	54
Звукъ е	55

Б. Морфологическія особенности д.-ц.-сл. языка.

Имена существительныя	56
Особенности склоненій существительныхъ	56
Смысленіе склоненій	56
Звѣт. пад. ед. ч.	57
Им. » »	58
Род. » »	59
Дат. » »	61
Вин. » »	62
Тв. » »	62
Мѣстный (предложный) пад. ед. ч.	63
Двойственное число	65
Исчезновеніе двойственнаго числа	67
Им. пад. мн. ч.	67
Род. » »	69
Дат. » »	70
Вин. » »	70
Тв. » »	71

Предл. » »	73
Звѣт. » »	73
Исчезновеніе средняго рода въ народномъ языкѣ	73

Мѣстоименія.

Личныя и возвратное мѣстоименія	76
Мѣстоименіе 3-го лица	77
Мѣстоименіе кій	78
Народныя мѣстоименія	78

Имена прилагательныя.

Образованіе прилагательныхъ съ полнымъ окончаніемъ	80
Склоненіе краткихъ прилагательныхъ	81
Прилагательныя на ой	82
Род. пад. муж. и ср. рода	82
Род. пад. жеп. рода	84
Степени сравненія	84

Родовой членъ.

Утрата родоваго члена	86
Частицы съ и съ	87
Родовой членъ передъ существительными	88

Глаголы.

Особенности др.-русскихъ глаголовъ	90
Настоящее время	90
Спряженіе глаголовъ на мь	91
Будущее время	92
Прошедшія времена	93
Аористъ	93
Слѣды аориста въ живомъ языкѣ	94
Формы аориста у поэтовъ	94
Преходящее время	95
Исчезновеніе преходящаго времени	95
Прошедшее совершенное	96
Исчезновеніе аориста	96
Давнопрошедшее время	97
Прошедшее условное	98
Будущее совершенное	98
Повелительное наклоненіе	99
Употребленіе повелительнаго наклоненія	100
Неопредѣленное наклоненіе	101
Достигающее наклоненіе	102
Причастія	102
Причастіе на щий	103
Прич. прош. времени	104
Прич. на-мый	104
Дѣепричастія	105

Употребление дѣспричастій	106
Глаголы на-ся	106
Сложныя слова	108
Предложныя слова	108
Составныя слова	109
Составныя эпитеты у Гоголя и Тургенева	109

В. Синтаксическія особенности.

Подлежащее собирательное	111
Им. пад. прямого дополненія	111
Им. пад. вмѣсто твор.	111
Дательный самостоятельный	112

III. Русскій литературный языкъ.

Возникновеніе литературнаго языка	113
Греческое вліяніе на русскій языкъ	114
Польское вліяніе	115
Роль московскаго говора въ образов. литературнаго языка	116
Эпоха Петра Великаго	117
Латинское вліяніе	118
Тредьяковскій	120
Ломоносовъ	120
Державинъ	122
Карамзинъ	122
Увлеченіе французскимъ языкомъ	123
Борьба съ галломаніей	124
Пушкннъ	126
Разобшенность литературнаго и народнаго языка	127
Уклоненія народной рѣчи	129
Звуковыя уклоненія народной рѣчи	129
Народныя особенности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ	130

Хрестоматія.

Сѣв.-велик. нарѣчіе	135
Южно-велик. нарѣчіе	138
Переходный великор. говоръ	140
Великор. говоръ Якут. области	140
Малорусское нарѣчіе	142
Сѣв.-малорусскій говоръ	145
Бѣлорусское нарѣчіе	147
Кириллица	150
Остромирово Евангеліе	150
Зографское Евангеліе	157
Глаголица	158
Параллельный текстъ Остромирова и Зографскаго Евангелія	161
Изъ др.-ц.-сл. нотной книги	162
Изъ 14-го псалма	162
Изъ «Слова о полку Игоревѣ»	165
Грамота XV в.	166
Басни Эзопа	167

Изъ «Морскаго устава»	167
Тредьяковскій	168
Ломоносовъ	170
Фонвизинъ	171
Державинъ	172
Карамзинъ	174
Жуковскій	175
Пушкннъ	177
Лермонтовъ	179
Тургеневъ	181
Образцы др.-церк. сл. склоненій и спряженій	184